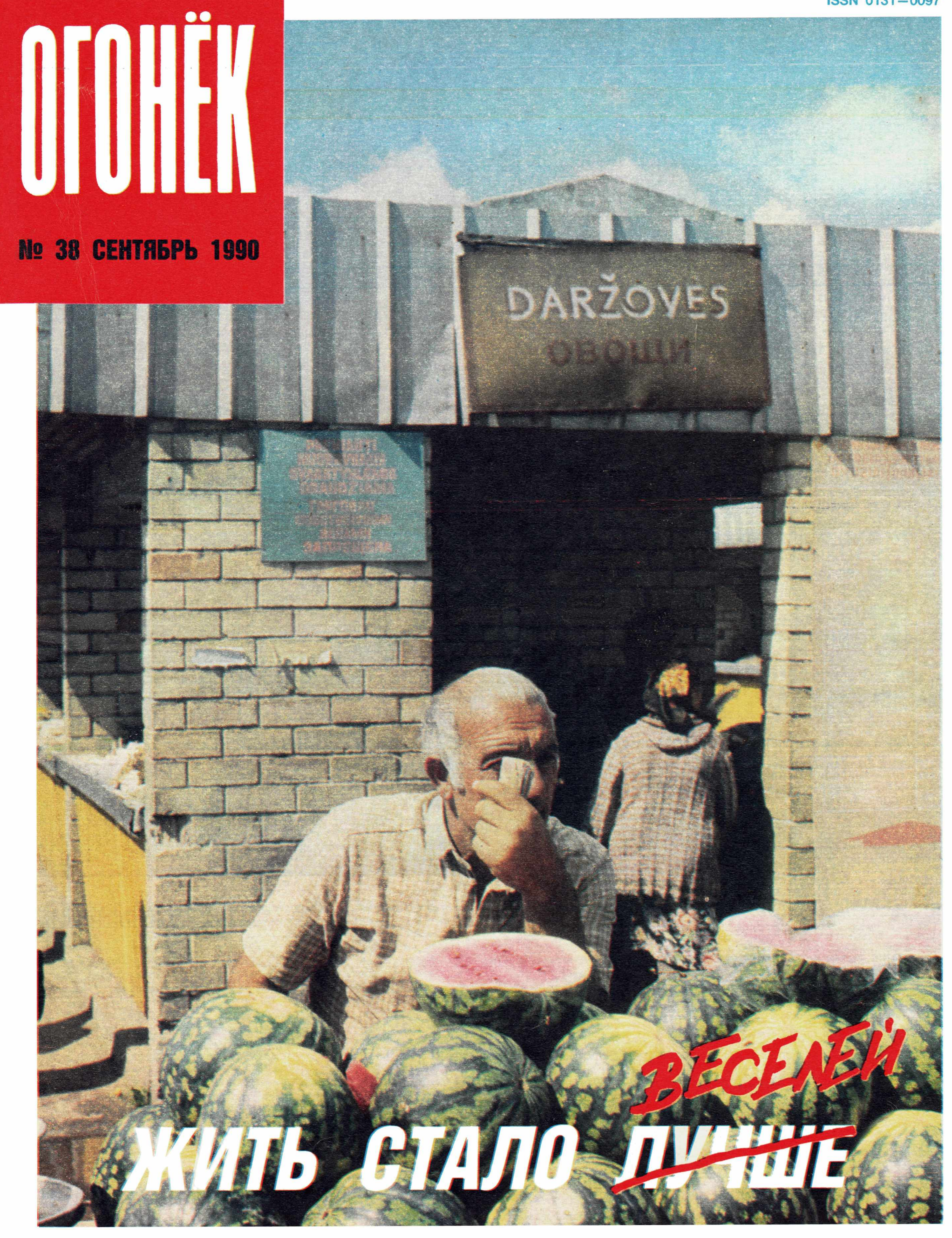
ISSN 0131—0097

ОГОНЁК

№ 38 СЕНТЯБРЬ 1990

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Учрежден 1 апреля 1923 года

№ 38 (3296)

ИЗДАТЕЛЬ — ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КПСС «ПРАВДА»

15 — 22 сентября

Главный редактор
В. А. КОРОТИЧ.

Редакционная коллегия:
Л. Г. АЙРАПЕТЯН,
А. Ю. БОЛОТИН,
В. В. ГЛОТОВ,
А. Э. ГОЛОВКОВ,
Л. Н. ГУЩИН
(первый заместитель главного редактора),
Е. А. ЕВТУШЕНКО,
В. Д. НИКОЛАЕВ
(заместитель главного редактора),
Ю. В. НИКУЛИН,
Н. И. ТРАВКИН,
С. Н. ФЕДОРОВ,
О. Н. ХЛЕБНИКОВ,
А. В. ХРОМОВ,
Ю. Д. ЧЕРНИЧЕНКО,
В. Б. ЧЕРНОВ,
А. С. ЩЕРБАКОВ
(ответственный секретарь),
В. Б. ЮМАШЕВ.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

На вильнюсском рынке. (См. в номере материал «Земля — не воля».)

Фото Марка ШТЕЙНБОКА

Оформление В. В. ВАНТРУСОВА при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.

Цена подписки на 1991 год — 46 руб. 80 коп., на полгода — 23 руб. 40 коп., на квартал — 11 руб. 70 коп.
Цена одного номера в розницу с 1991 года — 1 рубль.

УСЛОВИЯ КОММЕРЧЕСКОГО ПРОКАТА, ПОДПИСКИ И ПРИОБРЕТЕНИЯ ВЫПУСКОВ «ОГОНЕК-ВИДЕО» ПО ТЕЛЕФОНУ 212-15-79.

Сдано в набор 27.08.90. Подписано к печати 11.09.90. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 4 600 000 экз. Заказ № 2731. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Внутренней политики и оперативного анализа — 212-15-39; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 251-90-55.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

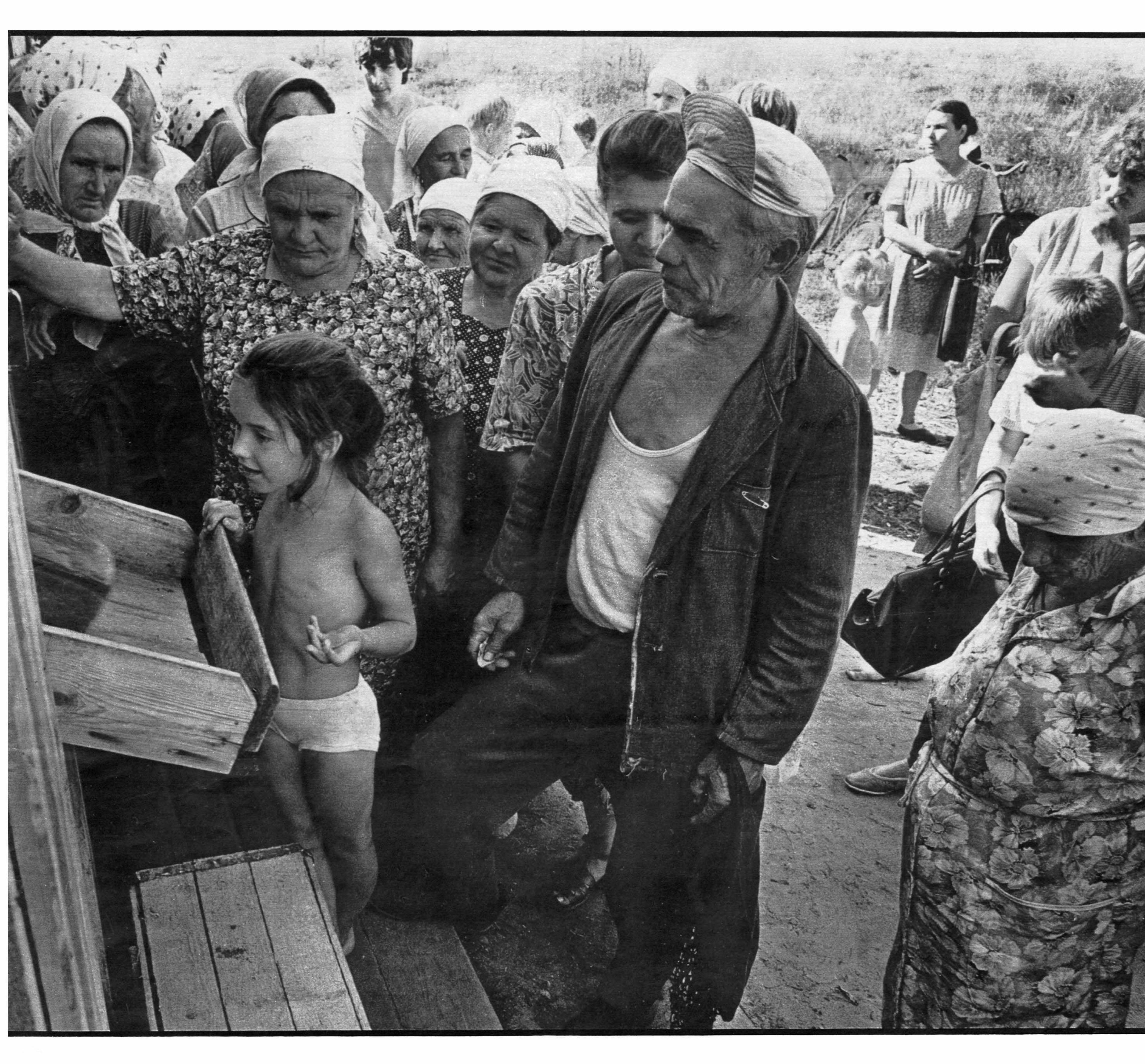
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

© «Огонек», 1990.

ЛИЧНОЕ МНЕНИЕ

ПЕРЕБОИ С СОВЕСТЬЮ

Анатолий ГОЛОВКОВ
Фото Павла КРИВЦОВА

Эти снимки наш фотокорреспондент сделал в скромной русской деревне Озеро Нижегородской области. Смотришь на лица людей — и сжимается сердце. Уже и крестьяне наши, те, кому мы в пояс обязаны поклониться за то, что еще не начался просто голод, терпеливо часами ждут, пока в сельский магазин завезут хлебушко...

Живя в стране дефицита, мы давно привыкли к нехватке того или иного. Ломились толпы за водкой благодаря, в частности, мудрым предначертаниям Егора Лигачева (занятого нынче, как утверждают, мемуарами),— терпели, перебивались с браги на самогонку. Втихую подняли цены на колбасу — тоже понемногу привыкли. Нынче же исчезает с прилавков не только эта вздорожавшая колбаса, но, в частности, и то, без чего трудно прожить,— сигареты, теперь хлеб...

Доживающая свой век административно-командная система, которая и задумана была так, что виновных не доищешься, еще далека от агонии. Ей пока еще никакие там программы перехода к рынку нипочем — монолит. Ни академик Шаталин не может ее проломить, ни другие наши экономисты, ни даже сам Николай Иванович Рыжков, которого собственный аппарат доводит до необыкновенных волнений.

Вы, значит, курите? А мы возьмем да поставим на ремонт почти все табачные фабрики, вот пусть вам Ельцин и достает курево, где хочет. Вам кушать хочется? А нам дела нет! Не вы ли, демократы, добивались ликвидации в наших горкомах-райкомах промышленных и сельхозотделов? А там-то наши люди сидели и еще кое-как продовольственные поставки из колхозов выбивали! Власти вам демократической захотелось? Нате, берите власть, нам же меньше хлопот! Только не забудьте, что наша номенклатура еще на местах. И не вы — она держит под контролем страну, а КГБ и Генеральный штаб наших людей в обиду не дадут...

Странная сложилась ситуация. Парламент России бьется над разрешением самых насущных проблем: как наиболее безболезненно перейти к рынку (альтернативы которому сегодня не существует!), чтобы люди на стадии этого перехода имели нормальный прожиточный минимум. А неподалеку единомышленники Ивана Кузьмича Полозкова (за народные денежки!) грезят о «коммунистической перспективе» в истерзанной кризисом стране, навязывают делегатам бесплодные дискуссии, бросают страстные призывы журналу «Молодая гвардия» создать филиалы издательства «Современник» в Сибири, чтобы, дескать, и там знали, какой замечательный общественный строй готовит сибирякам И. К. Полозков!

Складывается впечатление, что кому-то очень хочется скомпрометировать народную российскую власть и таким способом удержаться в чиновничьих креслах. Вот и поступают, так сказать, подарки съезду: то в виде табачных бунтов, то в качестве перебоев с хлебом. Интересно, что завтра предпримут поклонники коммунизма? Закроют все соляные копи или прикажут приостановить производство спичек?

МЕТРОНОМ

ОТВЕТ НА ОДИН ВОПРОС

— Закончилась «вторая серия» учредительного съезда компартии РСФСР. Какую позицию займут теперь сторонники «Демократической платформы РСФСР»? — С таким вопросом наш корреспондент обратился к члену координационного совета демплатформы, народному депутату РСФСР Владимиру Лысенко.

— Оба последних съезда — и КПСС, и КП РСФСР — убеждают в полной неспособности консервативно настроенной части партии вывести страну из кризиса, в который ее завела упрямая верность марксистско-ленинско-сталинским догматам. По этому поводу Совет демплатформы принял обращение «К коммунистам страны», где, в частности, говорится: «Съезды неопровержимо доказали, что, цепляясь за власть, лидеры коммунистических партий всех степеней тащат ее и — что гораздо важнее! — весь народ в пропасть. Вот почему, исчерпав все возможности добиться, действуя в рамках КПСС, поворота к здравому смыслу, мы больше не вправе ни по политическим, ни по моральным мотивам оставаться в рядах компартии».

Наш разрыв с КПСС не означает отстранения от активной политической жизни. Поэтому нам хотелось бы призвать всех наших сторонников присоединиться к тысячам единомышленников, окончательно порывающих в эти дни с КПСС и выступающих в этот трудный для страны период в поход за создание широкого блока демократических сил и сформирование на его основе правительства народного доверия.

Соб. инф.

ПРОИСШЕСТВИЯ

В ночь с 23 на 24 августа полностью сгорела квартира члена редколлегии независимой московской газеты «Панорама» Владимира Прибыловского. Этот пожар произошел спустя три месяца после того, как 16 мая горела квартира редактора этой газеты Александра Верховского, который незадолго до происшествия получил вместе с членом редколлегии «Панорамы» Александром Морозовым анонимные угрожающие письма схожего нецензурного содержания, подписанные «русскими патриотами». То, что в обоих случаях был совершен поджог, не вызывает у пострадавших сомнения.

В результате последнего пожара в квартире В. Прибыловского сгорел (или был похищен) значительный по своему объему и информационной ценности архив по национально-патриотическим объединениям, а также материалы книги В. Прибыловского о «Памяти». Весьма вероятно, что недовольство «патриотов» вызвали опубликованные в «Панораме» подробности о нескольких фракциях «Памяти» или интервью с израильским советологом Михаилом Агурским и активистом еврейского движения в СССР Михаилом Членовым.

Весной этого года редактор «Панорамы» А. Верховский выдвигался кандидатом в народные депутаты РСФСР в Первомайском районе Москвы, в одном избирательном округе с небезызвестным К. Смирновым-Осташвили, причем последний угрожал сопернику в свойственной ему и вообще «Памяти» манере. Члены редколлегии «Панорамы» считают, что поджог могли совершить и другие «идейные противники», поскольку «Панорама» имеет действительно независимую точку зрения.

Заявление в милицию о первом пожаре было подано 17 мая, однако по сей день Первомайский РУВД не может сообщить ничего конкретного относительно предпринятых мер по розыску виновных. По словам А. Верховского, участковый инспектор долго уговаривал его забрать заявление; приводились аргументы типа «Вам же лучше будет», прозвучала угроза передать некий «компромат», полученный из КГБ на самого погорельца инспектором, ведущим дознание.

Хотя пожарные считают, что речь идет об умышленном поджоге людьми, проникшими в квартиру В. Прибыловского по пожарной лестнице, Волгоградский РУВД пока отказывает В. Прибыловскому в возбуждении дела.

Рэм ПЕТРОВ

Жидо-масонская блядь!
То что ты прикрылся старинной русской фамилией — тебе не поможет
Уматывай к своим заморским содержателям или пеняй на себя.
Мы не шутим.
С нами Бог
Русские патриоты

ХРОНИКА

Член Кемеровского рабочего комитета Евгений Балашов исключен из этого комитета «за невыполнение совместного решения рабочих комитетов и Союза трудящихся Кузбасса, сознательную связь с обществом «Память» и содействие ему».

«Экспресс-хроника»

ГРАНИЦА

В рамках расширенных «Штабных учений» группы организации «Кайтселийт» («Союз Защиты») прибыли на автобусах к селу Комаровка Ленинградской области, установили пограничные столбы и шлагбаумы на месте бывшей границы между Эстонией и Советской Россией, установленной по мирному договору в 1920 году.

Что такое «Кайтселийт»?

«Кайтселийт» воссоздается неофициально. До войны организация выполняла в Эстонии функции полиции и народного ополчения (что-то вроде национальной гвардии в США). «Кайтселийтчики» активно сопротивлялись насильственному установлению социалистического строя в Эстонии. Они же сотрудничали с немецкими оккупационными властями. Этим аргументом сегодня оперируют некоторые круги республики при обсуждении проблемы «реставрации» довоенной Эстонии.

Правительство, центристские партии и движения, все здравомыслящие политики Эстонии справедливо видят опасность сегодняшнего «Кайтселийта» в другом — как инструмента политической провокации, направленного на подрыв начавшихся переговоров между Эстонией, с одной стороны, и Союзом ССР и РСФСР — с другой.

Между прочим, правительство республики ничего не знало о намечавшемся десанте под Комаровкой и теперь предпринимает усилия для снятия создавшегося напряжения на переговорах в Москве, а также с Ленсоветом, с которым, кстати, предполагалось вот-вот подписать Договор о прямых экономических и культурных связях.

Димитрий КЛЕНСКИЙ
Таллинн

Анатолий Кашпировский и Олег Калугин. Кто вылечит? Фото Марка ШТЕЙНБОКА

СИТУАЦИЯ

В посольстве Республики Камерун переполох. Разбежались все сотрудники, двери здания наглухо закрыты. По просьбе временного поверенного Клемента Ланге Чобни усилена охрана посольства советской милицией, летят телеграммы нашему послу в Яунде. От здания на ул. Воровского не отходит толпа молодых африканцев. Сидят на асфальте, подстелив газетки, некоторые дремлют. Рядом — автобус с работниками милиции.

— Студенты из Камеруна,— поясняет начальник отдела по охране дипломатических представительств в Москве полковник милиции С. К. Бондарчук.— Из разных городов нашей страны прибыли они в начале августа в Москву и не получили причитающиеся им деньги. В один из дней блокировали посольство, заняли все кабинеты и удерживали почти сутки. Денег тем не менее не получили. После этого, развернув плакаты, пикетировали здание. Перед нами извинились — мол, не хотели обидеть. Противоправных действий с их стороны не было. Встречаюсь с ними уже полмесяца по два раза в день — милые, культурные... Жалко их: ночуют на скамейках, на вокзалах. А временный поверенный требует одного: «бить» и «гнать». Мы ответили: это не наши методы, нет оснований их задерживать.

Здесь камерунцы из Астрахани, Одессы, Нижнего, Воронежа, Баку, Риги, Кишинева и других городов. Выездные визы давно просрочены. Нет ни денег, ни билетов домой. Нет возможности и вернуться в те города, где учились,— в общежития обратно не пускают.

Марат ЦЕБОЕВ

* * *

В День поминовения вдоль железных дорог Литвы горят свечи. Много свечей. В память о 300 тысячах литовцев, вывезенных в сорок первом — пятьдесят втором в Сибирь, Казахстан, на Урал... Литовские свечи горели и в Томской области. 118 человек под эгидой Союза ссыльных Литвы прилетели в Томск специальным авиарейсом. И большинству из них удалось с помощью томичей за полторы недели отыскать и вернуть на родную землю останки родных и близких, оказавшихся в Сибири поневоле.

300 тысяч депортированных за двенадцать лет литовцев — и около 30 тысяч расстрелянных в кровавом тридцать седьмом в одном только Томске, не насчитывавшем тогда и 150 тысяч жителей. Половина томского населения накануне и после войны состояла из спецпереселенцев разных национальностей, в большинстве своем — «раскулаченных» российских крестьян, которых и в этом бедственном положении могли приговорить к расстрелу. Двести — триста смертников ежедневно — такова, по данным томского «Мемориала», была норма 37-го года в Нарымском округе.

Улетали литовцы со свинцовыми урнами в черных чехлах... Бывшие невольники томской земли Я. Башкене, И. Григишките и И. Жебраускене написали в газету Бакчарского района, где прошло их «счастливое детство». Поблагодарили за сочувствие и помощь в отыскании могил.

Виктор НИЛОВ

Продолжается подписка на серию «БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК». В ней вы найдете лучшие огоньковские публикации, а также произведения наших авторов, специально подготовленные для этой серии. Цена подписки на год (52 книжки) — 4 руб. 68 коп. (в каталоге общесоюзных изданий ошибочно указана ее прежняя цена). Индекс издания 70668.

ОБРАЩЕНИЕ ОРГКОМИТЕТА ПО СОЗДАНИЮ ДВИЖЕНИЯ «ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РОССИЯ»

Завершилось «жаркое лето» 1990 г. Начался отсчет нового времени, за пределами которого осталась непоколебимая монополия КПСС на власть. И рубеж этот — не отмена 6-й статьи, но гигантская перемена в общественном сознании. Впервые внутренние процессы в одной из партий перестали в умах большинства из нас отождествляться с поворотными процессами (плохими, хорошими — неважно) в жизни страны. Это факт, что, несмотря на лихо, по-театральному закрученную интригу, 1-й съезд РКП и XXVIII съезд КПСС собрали куда меньшие телеаудитории, чем съезды народных депутатов.

Но есть и вторая важнейшая веха нового времени. Она в том, что демаркационная линия, разделяющая консерваторов и сторонников демократических перемен, отныне целиком проходит ВНЕ КПСС. Возврат к ситуациям XIX партконференции и I Съезда народных депутатов СССР, когда демократическая оппозиция была в основной своей части внутрипартийной, невозможен. И дело даже не в том, что коммунистическую партию покинули Ельцин, Попов, Собчак, Станкевич, Травкин и другие, а в том, что, не допустив на съезде раскола между центром и крайне правыми, КПСС уже как целое, а не только в лице партаппарата, ЦК, Лигачева или иных символов стала основной консервативной силой общества. Не захотела (а может, не смогла?) компартия вскочить на подножку уходящего поезда... И безнадежно отстала от перелома в общественном сознании. Продолжая играть роль «авангардной» партии, она неизбежно противопоставляет себя вектору радикального обновления страны. Более того, вновь принятый Устав запрещает депутатам Советов всех уровней состоять во фракциях, противостоящих фракциям КПСС. Поэтому даже пребывание до сих пор в компартии Бунича, Шаталина, Гельмана не меняет, по сути, ничего: на любых новых выборах (а они неизбежно будут партийными) нерасколовшаяся КПСС обречена на противостояние с демократическими силами. Замена модели «демократы в КПСС + демократы вне КПСС против консерваторов в КПСС», характерной для недавнего однопартийного прошлого, на куда более естественную модель «демократы вне КПСС, с одной стороны, КПСС — с другой стороны», неизбежна для начинающейся многопартийной реальности. Следует подчеркнуть, что мы нисколько не отвергаем возможность сотрудничества с теми, кто по каким-либо причинам остается в рядах КПСС. Мы лишь обращаем их внимание на двусмысленность и противоречивость их позиции и еще раз призываем сделать свой выбор с учетом того, что время не терпит и медлить уже некуда.

Итак, монополия КПСС на власть тает. Но мы еще не перешли к «монополии» плюрализма, демократии и многопартийности. Вторая важнейшая составляющая общественно-политического процесса — демократические силы — все еще крайне неорганизованна, а посему силы ее хватает только на двоевластие, но не на власть. Не потому ли скомпрометировавшее себя в глазах народа и опирающееся только на поддержку партаппарата правительство Рыжкова все еще не уходит в отставку?!

Несомненно, минувшие избирательные кампании ускорили организационное оформление сторонников радикальных политических и экономических реформ. Возникли многочисленные движения и клубы избирателей, которые наряду с уже существовавшими демократическими организациями, региональными народными фронтами, демократическими партиями различной ориентации, усиливающимся рабочим движением составили многоцветное политическое панно. Несмотря на некоторые различия в программах, а также формах работы, у них нет принципиальных противоречий, мешающих им объединиться. Во время выборов такое объединение происходило, и это способствовало появлению депутатских блоков и групп демократической ориентации в Советах всех уровней.

Отсутствие такой же координации или союза в межвыборный период на руку только КПСС. Ее руководство, понимая, что уже не в силах остановить демократический поток, изменило тактику и пытается разделить его на множество мелких ручейков. Стимулирование образования различных карликовых партий — это основной шанс КПСС на удержание власти.

Мы понимаем естественность и необходимость процесса вызревания и осознания различных социальных и экономических интересов, за которым следует возникновение партий. Мы против механического слияния всех демократических сил в одну партию с теми или иными ограничениями партийной дисциплины. Это было бы неестественно, более того — утопично, так как не соответствовало бы динамике общественного процесса. А любые попытки осуществить утопию неизбежно привели бы к новой монополии и новому насилию.

Поэтому мы видим лишь один выход. Чтобы не остаться в неравной весовой категории с КПСС, мы призываем все демократические силы российского общества скоординировать свои усилия в общенародном движении «Демократическая Россия». В рамках этого движения будут сохранены все оформленные или неоформленные партийные и подобные им структуры, будет гарантирована полная самостоятельность в идеологии и тактике (в том числе на данном этапе для значительной части участников движения альтернативной может стать беспартийность). Важной составной частью движения наверняка станут уже сложившиеся демократические депутатские блоки в Советах различных уровней. В автономных республиках соответствующее движение может получить собственное название.

Для формирования массового движения надо предпринять ряд организационных шагов. Мы призываем в каждом регионе или административном центре организовать координационные советы из представителей всех действующих здесь демократических организаций и прогрессивных депутатов. Задача этих советов — стимулировать вовлечение в движение демократически настроенных граждан, способствовать образованию комитетов «Демократической России» по месту жительства и работы (пока отказываются выводить парткомы КПСС с предприятий). Там, где организационные структуры демократического движения отсутствуют, целесообразно создавать оргкомитеты «Демократической России», которые впоследствии станут основой многих партий и движений. Следующий желательный шаг — проведение объединенных конференций по учреждению первичных региональных структур движения, где избрать делегатов на первый учредительный съезд, который планируется на конец октября — начало ноября 1990 г.

Эффективность именно такой структуры в переходный период хорошо подтвердил польский опыт «Солидарности». Наша задача — создать сходное с ней массовое движение, которое включит всех сторонников демократических реформ.

70-летнее монопольное пребывание КПСС у власти завело Россию в политическую, экономическую и духовную трясину. Выбраться из нее сможем только мы сами и только мы вместе. Создав широкое демократическое движение «Демократическая Россия», мы гарантируем необратимость мирных ненасильственных радикальных преобразований и обеспечим себе и нашим детям достойную жизнь.

Принято собранием Оргкомитета 24 августа 1990 г.
народный депутат СССР А. Мурашев —
председатель Оргкомитета движения «Демократическая Россия»,
народный депутат РСФСР Л. Пономарев —
заместитель председателя Оргкомитета,
народный депутат СССР Ю. Афанасьев —
президент Фонда «Демократическая Россия»,
члены Оргкомитета:
народный депутат РСФСР С. Ковалев,
народный депутат РСФСР Г. Якунин,
народный депутат РСФСР С. Филатов,
народный депутат РСФСР С. Юшенков,
писатель А. Приставкин

ВОЗЗВАНИЕ Крестьянской партии России

Сограждане!

Страна на пороге голода. В год небывалого, богатейшего урожая магазины в городах пусты. Свой хлеб миллионами тонн гниет, а чужой покупаем за золото. Тут не глупость какого-то министра, а агония системы, воздаяние за десятилетия надругательства и насилия над человеком земли и самой землей. В итоге чудовищного социального эксперимента российская деревня подходит к XXI веку разоренной, обезлюдевшей и обнищавшей. Импорт продовольствия — это спасательный круг Агрогулага. Россию никто не накормит, кроме ее крестьянина. Хватит спасать колхозы — надо спасать народ!

В суровую и ответственную пору крестьянство России заявляет о своем возвращении на политическую арену, о твердой решимости самому, парламентским путем отстаивать свои политические и экономические интересы. Для этого и создается Крестьянская партия России.

Мы — партия ликвидации колхозно-совхозной монополии в сельском хозяйстве, возврата земли крестьянам, полного раскрепощения землевладельца. Мы — партия земельной реформы, многообразия форм собственности на землю с приоритетом частного владения землей и правом купли-продажи ее. Мы за равенство экономических условий для всех укладов и честное соревнование между государственным и частным сектором, где судья — потребитель и только он один.

Мы — партия доступного каждому крестьянину выхода из колхоза и совхоза с земельным паем и накопленными производственными фондами, а значит — партия превращения командно-административной агроструктуры в добровольный союз крестьян-собственников.

Мы — партия похорон продразверстки в любом ее проявлении. Никому не позволено распоряжаться плодами трудов крестьян — допустимы только равноправные договорные отношения. Свободный рынок промышленных изделий и сельхозпродукции без распределения, лимитов фондирования!

Мы — партия материального и духовного возрождения деревни, партия защиты крестьянского дома, ставящая в центр внимания крестьянскую семью, ее нужды, заботы, здоровье, достаток, ее равенство в обществе. Свободный труд на свободной земле — не цель, но средство к достойной российского земледельца жизни.

У нас крепкая память. Помним, кем в действительности написан Декрет о земле и почему так легко победил Октябрь в крестьянской стране, помним и обманный отъем земли у крестьян в собственность правящего аппарата; и геноцид раскулачивания и коллективизации народу не позабыть. Не способный извлечь уроков из пережитого обречен страдать и впредь. И вместе с тем Крестьянская партия открыта для сотрудничества со всеми, кто добивается паритета в отношениях индустрии и села, кто требует прекращения национально опасного донорства, стоит за возвращение деревне награбленного, исцеление недужащей пашни. Мы заявляем о прямой и активной поддержке курса Верховного Совета РСФСР в аграрной реформе и будем способствовать превращению слов в дела, хороших законов — в хлеб и деньги.

У нашей партии не будет деления на фермера и колхозника, совхозного агронома и независимого крестьянина, кооператора и рабочего «Ростсельмаша». Пахарь, кузнец и мельник всегда трудились в спайке. Наша задача — вывести аграрное производство России на тот мировой уровень, о котором мечтали мученики Агрогулага Вавилов, Чаянов, Тулайков и миллионы с ними. Наше поколение российских людей еще увидит избыточный русский хлеб на рынках богатой планеты.

Мы обращаемся к ушедшим из колхозов: крестьяне, горожане в первом поколении, поддержите Крестьянскую партию России в трудный ее час! Вливайтесь в наши ряды, окажите помощь сочувствием, делом, рублем осиротевшей матери-деревне! Если есть у народа сейчас примиряющее, сплачивающее всех дело — это восстановление деревни.

Вступая в политическую жизнь страны, Крестьянская партия России принимает на себя бремя ответственности за будущее народа и готова законным путем добиваться власти. Двери в наш партийный дом открыты для всех. Зовем вас в Крестьянскую партию России!

За демократию, гуманизм, за возрождение российской деревни! За свободный труд на свободной земле!

Учредительное собрание
Крестьянской партии России

4 сентября 1990 г.

ТЕЛЕВИЗОР ДЛЯ ВНУКА

Георгий РОЖНОВ

Слышал, и не раз: осточертело всем нам видеть окрест одно только дурное, одни только развал, распад, разорение. Хоть на улицу не выходи, газет не читай, радио не слушай. Правда, раз повезло: одна певица, которая когда-то пела, не выдержала да как закричит на всю страну, по всем волнам, по всем программам — у меня, мол, в холодильнике всего полным-полно, а которые недовольны, так те с жиру бесятся и в морду просят.

И правда, ужели нигде на просторах Родины чудесной нет ничего светлого, бодрящего, приятного уму и сердцу?

Представьте, читатель, отыскал я такую обитель и сейчас сделаю вам красиво. Поедемте-ка мы с вами в город Львов, который и сам по себе красив, отыщем там красивейшие корпуса научно-производственного объединения «Электрон» и попросим разрешения чуток постоять у конвейера. Уверяю: через минуту-другую всем нам покажется, что жить стало лучше, жить стало веселей. Смотрим во все глаза: телевизоры, сгинувшие с магазинных полок уже неведомо когда, здесь ползут на нас один за другим. Минута — телевизор. Да какой! Супермодель четвертого поколения. Объясняю популярно: никаких ламп, сплошь полупроводники и интегральные схемы. Еще популярнее. Японский кинескоп знаменитой фирмы «Тошиба». Декодер-автомат системы PAL — SEKAM. Прямое подключение к видеомагнитофону или персональному компьютеру. Дистанционное управление. Автоматическое выключение после окончания передач. Краски, цвет — с ума можно сойти, какие краски, какой цвет! Что ни смотри — пожар полыхает, колбасу на свалку валят, генерал на съезде блажит и орет,— все равно загляденье.

Внешне — просто писаный красавчик, от «Панасоника» или «Сони» вообще не отличишь. Только «японцы» стоят в наших комиссионках деньги немыслимые — от десяти до двадцати тысяч рублей, а «Электрон 51 433 ДИ» — без тридцатки тысячу. Так что цена божеская.

Теперь главное: в тот июньский день, когда я побывал на заводе, с его конвейера сошло — пишу словами — пять тысяч пятьсот шесть телевизоров. Если учесть, что в обычный вагон можно уложить 180 аппаратов, из Львова укатил целый состав этого добра. Еще несколько цифр, которые, я уверен, любопытны всем: если в прошлом году «Электрон» изготовил один миллион сто двадцать тысяч телевизоров, то в нынешнем собирается добавить еще двести сорок тысяч. Каково?

Догадываюсь уже, чем больше я расточаю своих восторгов, тем больше свирепеет читатель: да где же они, черт побери, эти хваленые телевизоры, в какую черную дыру проваливаются эти составы, эти ежегодные миллионы с гаком? Небось снова все гоним прямиком за кордон и там спускаем за бесценок или в порядке братской взаимопомощи раздариваем развивающимся странам? Само собой, на экспорт львовские телевизоры идут, но не столь уж щедро, да и без былой уже благотворительности. В прошлом году загранице отдали 400 тысяч аппаратов, в этом собираются поменьше — 335. Да и цена в валюте недешева, даже выгодна для нас — 200 долларов и выше. Во всяком случае, ни один завод в стране так не заботится о своем отечественном покупателе, как львовский «Электрон», львиная доля — советскому потребителю.

А покупатель, чувствую, после этих моих разъяснений в еще большем раздражении: если и впрямь на внутренний рынок один только Львов ежегодно выставляет почти миллион телевизоров, то почему тогда и многолетняя пустота магазинных полок, и очередь немыслимой длины?

Как ни боязно, но я еще подолью масла в этот огонь возмущения — один «Электрон», что ли, производит в стране телевизоры? Один только этот разнесчастный миллион? Знайте тогда: Минрадиопром и прочие способные к этому ведомства только в этом году вывалят ненасытным потребителям десять миллионов цветных и черно-белых аппаратов, как ультрасовременных, так и не очень, как дорогих, так и не совсем, как большущих размерами, так и вовсе крохотных. Как ни странно, но именно этой отрасли нашей дышащей на ладан промышленности не коснулось повальное экономическое сумасшествие последних лет. В застое не застоялись, при перестройке — перестроились. И качеством своей продукции здесь знамениты, и количеством ее оглушают. Теперь, как думается, мне будет не так страшен даже тот рассерженный читатель, который бегает смотреть телевизор к соседям,— по крайней мере я отвращу его гнев от любезного моему сердцу «Электрона» и направлю его в иное русло. Кстати, именно так сбил с меня критический запал Э. А. Коробенко, носитель сразу трех высочайших титулов: вице-президент концерна, заместитель генерального директора и технический директор НПО «Электрон». Я к нему: «Где телевизоры?»— а он на вопрос вопросом:

— А где носки? Автомобили? Сигареты? Холодильники? Собачьи ошейники? Вагоны и платформы? Бензин? Зонты? Трусы мужику где купить?

Надеюсь, понятно, каким крещендо завершил свой деликатно короткий перечень дефицита вальяжный, нарочито спокойный и соответственно всем своим должностям представительный Эдуард Алексеевич? И нужно ли мне еще раз напоминать, как разбалансирована вся наша экономика, какой хаос сегодня в спросе и предложении, с какой безумной решительностью бросается покупатель к любому прилавку, как только на нем появляется любой товар?

Одна только отрасль, как бы успешно она ни работала, не в состоянии оживить всю нашу экономику, чудес не бывает.

Ни «Электрон», ни другие телегиганты не виноваты в том, что покупка их изделий стала проблемой. Брось на порожние прилавки хоть пятнадцать, хоть двадцать миллионов телевизоров, их сметут мгновенно.

И признаюсь: стоило мне только подумать о нашей всеядности, как тут же явилось подозрение. В самом деле, если покупатель так неразборчив, так падок на любую вещицу, как же безбедно и безмятежно живется нынче любому производителю! Отладил маломальски приличную модель, поставил ее на конвейер — сама пошла! Моя фантазия, как выяснилось, не столь уж невероятна — коллеги львовян в некоторых других производственных объединениях именно так и поступают, достаточно вспомнить, сколько раз мы уже читали в газетах возмущенные письма тех, кого угораздило купить телевизор, тут же взорвавшийся, сгоревший или в лучшем случае мигнувший на прощание ослепшим экраном. Такая халтура, как можно догадаться, будет идти нарасхват столь долго, сколь суждено пробиваться в нашу жизнь долгожданному рынку. Вот и любопытно, что сулит он тому же «Электрону» — процветание или закат? Видят ли здесь хотя бы контуры близкого будущего или, как многие, всматриваются в него с тревогой, беспокойством, а то и беспомощностью?

Рынка здесь не только не боятся — его торопят. Не одобрительными аплодисментами модным сейчас переменам, не заклинаниями, а попытками применить жестокие его законы к себе, научиться жить по ним уже сегодня.

— Раньше, гораздо раньше! — вмешался в мои мысли вслух Э. А. Коробенко, вице-президент и прочая, прочая.— Когда у нас экономику называли экономной, а товаров требовали больше — хороших и разных? Правильно, начало восьмидесятых, а мы уже тогда, в самый застой, развели у себя крамолу: на кой черт мы все выпускаем телевизоры, которые ни хорошими не назовешь, ни разными? Мы что, не видим, что ни одна наша модель в подметки не годится тем, которые выпускают в Японии или в ФРГ? Ослепли? К нам приезжали их фирмачи и хватались за головы: вы специально, нарочно гоните такую дрянь?

Да, в те годы «Электрон» был притчей во языцех — хаяли его как могли, причем прежде всего покупатели. Так вот, первая крамола дирекции состояла в том, что этот ропот был ею услышан. Другая — в том, что уже в восемьдесят четвертом году здесь едва не самочинно создали принципиально новую модель телевизора третьего поколения и первыми в стране поставили ее на поток. Не останавливая производства, на ходу.

— Какая это была драка! — хохочет сейчас Коробенко.— С министерством, с Госпланом, с конкурентами! Все сами: придумывали, доставали, выменивали, утаскивали, но покупателей-то действительно у других отбили! Вот вам первый, главнейший, на мой взгляд, элемент рынка — желание ввязаться в конкурентную борьбу и умение победить в ней.

Услышь я эти речи лет шесть назад, когда Коробенко с коллегами только приступал к своим новшествам, подумал бы: изящные словеса, не более. Но теперь, когда мы только учимся правильно выговаривать их, придется признать: именно отчаянная рыночная самодеятельность позволила львовянам даже в условиях командной экономики угодить и себе, и покупателям.

Теперь здесь вспоминают с ностальгическим вздохом: как же чертовски интересно было работать тогда, когда магазины были завалены телевизорами из Москвы, Ленинграда, Минска, Симферополя — помните, «Рубины», «Горизонты», «Фотоны», а покупатели как сговорились: «Электрон» есть? Ожидаете?» Звездный час? Как бы не так — а что завтра? Сколько еще удастся продержаться в любимчиках публики? Год? Два? А вдруг обойдут, приворожат граждан изящной отделкой, уменьшением габаритов, похожестью на заморские аналоги? Думайте, думайте...

Знаете, придумали. Первая мысль: а почему завод должен идти к покупателю через посредничество Минторга? С какой стати платить ему за эту услугу солидную сумму? А оброк, положенный всемогущей фирме «Орбита-сервис» за техническое обслуживание проданных телевизоров,— скверное, никудышное, а ведь плати! А что, если я помогу Коробенко развенчать сложившуюся у нас систему гарантийного ремонта, которая мотала и мотает нервы миллионам людей, доверивших мастерской свою неудачную покупку? Послушаем Эдуарда Алексеевича, он-то уж специалист, знает:

— Ни одна фирма в мире не научилась еще работать так, что абсолютно все ее телевизоры безукоризненны в работе. Уж на что знаменит «Панасоник» — случается, и он барахлит. Какая главная задача мастера, которого вы зовете? Отремонтировать на совесть? Ни в коем случае — у него зарплата идет от количества ремонтов. Далее, что ему выгоднее — починить бесплатно телевизор по гарантии или тот, у которого гарантия кончилась? Здесь и гадать не надо, верно? Три ремонта сделал, ни один блок, ни одну плату не заменил, спрятал их для себя, а телевизор уже можно отправлять обратно на завод. Покупатель в обмороке, мы тоже. Ни один аппарат, который нам возвратила «Орбита», починить уже нельзя. А ведь мы не один получали — тысячи. Кто виновник? Завод? Желез-

ная дорога? Грузчики магазина? Мастера по ремонту? Понятное дело, каждый валит на другого — виноватых нет. А если сделать так: мы модель телевизора разработали, мы этот телевизор сделали, мы его сами продали, привезли покупателю домой, установили, настроили и обязались целый год глаз с него не сводить.

В восемьдесят пятом году в Киеве львовяне открыли свой первый технико-торговый центр. Рядом с Домом радио, где в те времена телевизоров было полным-полно, в том числе и львовских. «Будете соревноваться»,— сказали в Минторге Украины. «Нет,— ответил Коробенко.— Будем конкурировать».

Торговали в центре «Электрон» так. Покупателя встречал не продавец, а техник-консультант. Он телевизор выбирал, настраивал, дожидался от гостя довольной улыбки и интересовался, когда тот велит покупку привезти и установить на дому. Но и после этого сюрпризы не кончались. Мастер после первого же знакомства оставлял хозяину свои телефоны и просил того без промедления сообщать обо всем подозрительном в поведении телевизора. Вдруг, не дай бог, картинка дрогнет? Звук покажется неприятным слуху? Цвет станет не тот?

Этот мой рассказ не из серии святочных, ненашенская галантность мастеров вполне объяснима — зарплата у них идет вовсе не от количества вызовов, а полностью зависит от продолжительности безупречной работы поднадзорного аппарата. Да и не один теперь у «Электрона» торговый центр — десятки в самых разных городах Украины и России.

Выгодно это для завода, ставшего концерном? Безусловно! Он больше не платит дани торговле и, что самое главное, выходит на прямую связь с потребителем, из первых рук знает его мнение о своей продукции. Выгодно и покупателю — даже если ему не повезло и телевизор попался отвратный, после третьего ремонта мастер сам его увезет, тут же установив новый, любезность в нашей торговле неслыханная.

Не верится, правда? Государственное предприятие — и вдруг едва не благотворительность, ужели при миллионных-то оборотах такая нужда в небольших в общем-то деньгах, отобранных у торговли или чужого сервиса? Что ж, и такой доход не помешает — хороший хозяин и копейку подберет. Но не это, конечно, главное. Я понял это не сразу, поначалу нелепой показалась мысль, что к сугубо рыночной предприимчивости львовян подвинул диктат госзаказа и Госснаба. Казалось бы, если у могучего концерна силком отбирают абсолютно все изготовленные им телевизоры, то и снабжать должны так же централизованно, так же масштабно. Вот и ошиблись, вот и не должны. Подсчитано: восемьдесят процентов необходимого сырья, материалов концерн должен добывать сам. Как, у кого — зависит от сообразительности, сметки, изворотливости добытчиков. Как видим, категории, более подходящие для работников акционерного, но никак уж не государственного предприятия, крепко повязанного монопольным диктатом. Уйти от него можно только при одном условии — суметь правильно распорядиться хотя бы частью продукции, которая сегодня нужна всем. Вот для чего концерну нужно было срочно уходить из-под опеки Минторга, вот для чего сегодня здесь создано научно-производственное коммерческое объединение, имеющее, впрочем, более короткое и изящное название — «Электрон-сервис». Его генеральный директор Игорь Аркадьевич Гвоздарев — прямая противоположность своего шефа, вице-президента Коробенко. Он худощав, строен, быстр в движениях, окончания слов договаривать не любит, о вещах серьезных или для себя грустных говорит весело, иронично: «Дикий социализм мог породить только дикий рынок. Иначе говоря — базар!»

На этом базаре Гвоздарев чувствует себя так же уверенно, как опытный маклер на бирже. Все, что требует прожорливый концерн, Игорь Аркадьевич немедленно добывает в обмен на телевизоры, которые удалось умыкнуть у торговли. Естественно, что его покупателями становятся прежде всего те, кто поделится с ним кирпичом, кабелем, цементом, лесом,— как иначе добыть все это богатство? Вот для чего «Электрон» прибирает к рукам сбыт своей продукции — без этого базарного товарообмена, без этих бартерных сделок ему сегодня не выжить, завтрашний рынок не одолеть. В нынешнем году Гвоздарев намерен продать через свои фирменные магазины 250 тысяч телевизоров, в будущем — 800.

Чувствую, как хочется сейчас читателю хоть одним глазком заглянуть в этот чудо-магазин и попытаться стать покупателем — ужели нельзя? В том же Львове, где эти телевизоры производятся, их можно купить?

Магазин, где во Львове продают телевизоры «Электрон», так и называется — «Электрон». Каждый, кто сюда попадет, ахнет от просторных залов и их красоты. Очаровашка с огромного плаката спросит: «Я выбрала телевизор из Львова. А вы?»

Действительно, а мы? Какая модель по сердцу и по карману? Размышлять будем в сиянии доброго десятка разом включенных экранов. Итак, сегодня нам предлагают сразу восемь моделей — от 645 до 1040 рублей. Не помню уже, когда в последний раз видел такое: дедушка с костылем уплатил в кассу 740 рублей и сразу же двое молодцов в аккуратных курточках стали опробовать его покупку. Дедушка завороженно качал головой, шмыгал носом и торопил: «Беру, беру!» Я сразу пристал к счастливчику, познакомились — Луцив Степан Илькович, ветеран войны и труда. Господи, как он истово благодарил регистратора очереди, кассиршу, партию и правительство, весь коллектив фирменного магазина — всего лишь за два года его мечта стала былью. Степан Илькович в понятной своей эйфории поведал мне и дальнейшие планы семейной телефикации. Этот, только что купленный, отойдет к сыну, а сам сын пусть стоит в очереди для своего сына, то есть для внука дедушки Луцива, которому сейчас пятнадцатый год. Поскольку сын никакой, понятно, не ветеран, стоять ему при нынешних темпах движения той очереди аж до 95-го года. Внук к тому времени вернется из армии, а тут, пожалуйста, новый телевизор, да еще невиданной пока модели.

Уже мой знакомый укатил на магазинном фургончике со своим сокровищем, а я все торчал в торговом зале и столбенел от давно забытого изобилия: щелкали кассы, протягивались продавцам-консультантам чеки, а те таскали и таскали из подсобки все новые и новые коробки. И стала искушать меня мысль едва не греховная — как бы впихнуть в эту очередь брата, свата, приятеля со львовской пропиской и через сколько-то там лет тоже купить телевизор для внука? Перспектива вполне реальная — сегодня в очереди записаны сто шесть тысяч львовян, из них покупателями в течение года могут стать 30—35 тысяч. Если, конечно, не будут привередничать и согласятся на телевизор с отечественным кинескопом. Поклонникам японской фирмы придется туже — стоять им не перестоять.

Но, как бы там ни было, львовянам на свой «Электрон» жаловаться грех, он по справедливости выделяет их среди миллионов страждущих.

А жители других городов? Москвичи, например? «Электрон» проник и сюда, вот уже год, как в столице появилась его промышленно-коммерческая фирма. Размах у нее не такой, как во Львове, но все впереди. В этом году продадут 30 тысяч телевизоров, в будущем — все 100. Есть свой магазин, своя секция в ГУМе, две свои гарантийные мастерские. Эти два прилавка на огромный город, с их крохотным пока оборотом, с непонятно движущейся очередью — как все это отличалось от увиденного во Львове! Я любопытствую: как стать покупателем? Записаться в очередь, показав московскую прописку? Представляю, в какую длину она бы вытянулась, какого праправнука смог бы я обрадовать покупкой! Представлял это и директор московской фирмы В. Н. Черняев. А потому не покупателю предоставил право выбирать продавца, а наоборот. Опять-таки по принципу собственной выгоды. Если, скажем, становящейся на ноги фирме требуется пара-тройка грузовиков, есть смысл пригласить в покупатели сам ЗИЛ. Рассказывали, что дружба с автогигантом обошлась «Электрону» в тысячу телевизоров, которые он продал тамошним работникам. В магазине, таким образом, ни записей на очередь, ни толкотни — еще одно подтверждение не рыночных, а базарных отношений, о которых я уже слышал во Львове. И что, будем недоумевать, возмущаться, высмеивать? Не надо так — разве мы не понимаем, что выставь Черняев эти телевизоры на прилавок и предложи их свободно образовавшейся очереди, большей бессмыслицы не придумаешь. Ужели не понятно, кто всегда будет в этой очереди первым?

Все эти торговые ухищрения срабатывают только в условиях все того же дефицита. А если рынок действительно в каком-то там будущем подарит нам выбор товара? Сохранит ли тогда «Электрон» свою сегодняшнюю популярность, не отвернется ли от него московский покупатель, которого тут же станут пленять не менее солидные фирмы?

— Рынок завоюет тот, кто к товару приложит сервис,— убежден Черняев.— Кто сможет сказать покупателю: выберите вещь по душе, заплатите деньги, а остальное — наша забота. Мы так сказать сможем.

Пожалуй, впервые в разговорах о рынке я встретил собеседников, которые не замыкали их одними только размышлениями о грядущем росте цен.

Заметили: и во Львове, и в Москве рынок встречают прежде всего высоким качеством своего товара, умением понравиться покупателю, и только после этого могут повести речь о возросшей цене на него. Все мои собеседники убеждены, что подорожать должны отнюдь не все модели «Электрона». Львовский концерн и сегодня в состоянии предложить человеку со скромным доходом добротный телевизор, доступный для него. Такую модель хотят производить и завтра, а уж на той элитарной модели, которой я восторгался ранее, не грех и заработать, как это и велит рынок. Более того, здесь убеждены и в том, что это следовало бы сделать гораздо раньше — ее государственная цена ровно вдвое меньше той, которую установили и на нашем черном рынке, и в тех соседних с нами странах, которые недавно именовали социалистическими. Умница Черняев — профессор, доктор технических наук, лауреат Государственной премии СССР — назвал столь странное ценообразование на редкость точно — экономическим двоемыслием. И в этом, по его мнению, одна из многих причин живучести нашего дефицита. В самом деле, разве не заведомо низкая цена на супермодель «Электрона» бросила широкие массы гостей из Польши на штурм львовских магазинов, откуда они, не в пример нашим соотечественникам, никогда не возвращались с пустыми руками? В прошлом году, как подсчитал начальник таможенного поста «Шегеня» Н. Г. Пагутек, в Польшу было вывезено львовских телевизоров на 10 миллионов рублей! Его коллеги по ту сторону пограничного шлагбаума брали за каждый телевизор по 300 рублей пошлины, сам же Пагутек — ни копейки. А эту стыдливость, это таможенное двоемыслие чем объяснить? Телеграбеж вполне легально продолжался до октября прошлого года, но и после запрета не утихает. Запомнилось: 27 июля, выступая по телевидению, Н. И. Рыжков привел нам справку главного таможенного управления: на Мостисской таможне только за один день задержано пятьдесят два телевизора! А сколько не задержано? А сколько... Стоп, говорю я себе, хватит, иначе вслед за телевизорами я перейду границу и стану, как это у нас принято, искать причины наших бед на стороне. Остановиться следует еще и потому, что я обещал читателя радовать, а тут вдруг взялся огорчать. Пусть нас хоть на время успокоит начальник главка по производству товаров народного потребления Минрадиопрома Б. К. Сахаров:

— Через полтора-два года телевизор можно будет купить свободно. Правда, не каждую модель. Правда, если и другие отрасли промышленности будут работать так же стабильно, как наша. Правда, если заводы будут получать достаточно кинескопов.

Борис Кириллович сделал паузу и обрадовал меня вконец:

— Знаете, какая модель пойдет у нас в будущем году? Телевизор с цифровым управлением. Он будет работать у вас год, два, пять лет — и все как новенький. Почему? А мы поставим в него процессор, который будет корректировать основные параметры — яркость, контрастность, насыщенность цвета, чистоту звука без участия механика. Представляете?

После поездки во Львов я еще не такое чудо могу себе вообразить. Ну, например, почти невесомый, плоский цветной телевизор с экраном всего в 44 сантиметра. Или, наоборот, тоже плоский, но с экраном аж в 71 сантиметр. Не представляю только, как эти красавцы пустить на поток — такого размера кинескопы у нас в стране не производятся вовсе. Покупать, как и раньше, в Японии? Как и раньше уже не выйдет — с нового года концерн обязан расплачиваться валютой сам. С каждого проданного на экспорт телевизора ему позволяют оставить у себя где-то около 30 долларов, а за кинескоп с него просят все 90. Ничего себе бизнес, правда?

Совсем отчаянные мысли начали мною овладевать, как вдруг попалась на глаза газета «Правда», а в ней интервью с первым секретарем ЦК КП РСФСР И. К. Полозковым. Представьте себе, Иван Кузьмич тоже печется о том, как снабдить народ телевизорами и прочими бытовыми удовольствиями. Уж на что он озабочен отстаиванием классовых принципов, возвращением к истокам и борьбой с разными там радикалами, а о трудовых людях помнит: «...Рабочему классу, крестьянству, трудовой интеллигенции — опять-таки всем тем, кто «сидит на зарплате» и поистине страдает в условиях острейшего дефицита, надо предоставить гарантии снабжения необходимыми повседневными продуктами и товарами... Причем в понятие «необходимые и повседневные» я, разумеется, включаю телевизоры, холодильники и другие товары длительного пользования, без которых сегодня невозможно обойтись в быту». Спасибо, конечно, за это включение и серьезное намерение все это добро распределить с помощью карточек или талонов. Вот только не совсем понятно, у кого Иван Кузьмич собирается отобрать те же телевизоры, чтобы потом поделить по классовому признаку. У львовского концерна «Электрон»? У московского «Рубина»? У минского «Горизонта»? У ленинградской «Радуги»? И как именно отобрать? Оглушить разверсткой? Оброком?

Оставлю-ка я эту небезопасную тему. Пусть уж лучше на том же «Электроне» спокойно изобретают новые модели, достают кинескопы, совершенствуют торговлю и сервис, а очередь пусть движется быстрее, чтобы телевизор можно было купить нам с вами, а не только сыновьям и внукам.

ЦЕНА СЛОВА

ВОЛОКИТА С РЕГИСТРАЦИЕЙ «ОГОНЬКА» ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Неделю нас водили за нос. Ответственные работники Идеологического отдела и Управления делами ЦК КПСС в понедельник сказали: директору издательства «Правда» дано указание изъять из Госкомпечати свое заявление об учредительстве «Огонька». И мы сняли с полосы из журнала (№ 37) телеграммы и письма читателей в поддержку независимости «Огонька» как отставшие от жизни: ведь Госкомпечати в таком случае не оставалось ничего, кроме как зарегистрировать наш журнал по заявлению трудового коллектива редакции.

Но во вторник директор издательства сказал, что его попросили в ЦК пока не забирать заявление.

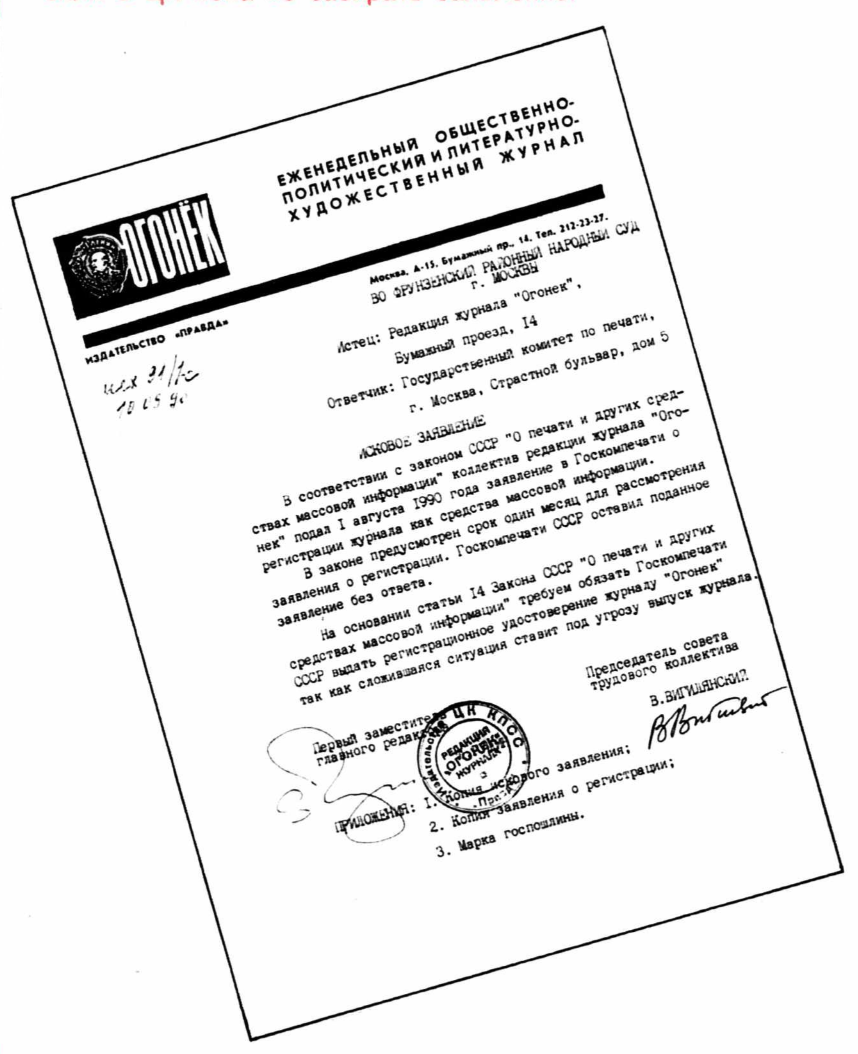
В среду те же самые люди со Старой площади заверяли: ну подождите еще два-три дня — и все будет сделано. Поверьте нашему честному слову — решение в принципе принято.

В пятницу директор обещал: отзывает заявление.

В понедельник мы узнали: не отозвал.

Мы очень надеялись, что все решится по-хорошему. Мы положились на честь, совесть и слово ответственных партийных работников и в результате невольно приняли участие в какой-то непонятной нам игре. Впредь такой ошибки постараемся не повторить.

Мы подаем заявление в народный суд.

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Москва, А-15, Бумажный пр., 14. Тел. 212-23-27.

ВО ФРУНЗЕНСКИЙ РАЙОННЫЙ НАРОДНЫЙ СУД г. МОСКВЫ

Истец: Редакция журнала "Огонек", Бумажный проезд, I4

Ответчик: Государственный комитет по печати, г. Москва, Страстной бульвар, дом 5

ИСКОВОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ

В соответствии с законом СССР "О печати и других средствах массовой информации" коллектив редакции журнала "Огонек" подал I августа 1990 года заявление в Госкомпечати о регистрации журнала как средства массовой информации.

В законе предусмотрен срок один месяц для рассмотрения заявления о регистрации. Госкомпечати СССР оставил поданное заявление без ответа.

На основании статьи I4 Закона СССР "О печати и других средствах массовой информации" требуем обязать Госкомпечати СССР выдать регистрационное удостоверение журналу "Огонек" так как сложившаяся ситуация ставит под угрозу выпуск журнала.

Председатель совета трудового коллектива
В. ВИГИЛЯНСКИЙ

Первый заместитель главного редактора

ПРИЛОЖЕНИЯ: I. Копия искового заявления;
2. Копия заявления о регистрации;
3. Марка госпошлины.

Выступая добровольным адвокатом чиновников из Управления делами ЦК КПСС и потому не регистрируя «Огонек», Госкомпечать СССР оказывает Компартии «медвежью услугу». Неужели там не понимают, что суд, на который это ведомство толкает трудовой коллектив «Огонька», перерастет в разбирательство имущественных прав редакции и ЦК КПСС! Выяснится, что на протяжении многих лет партийная касса пополнялась многомиллионными доходами из чужого кармана. Такой суд будет началом целой цепочки процессов над финансовыми подразделениями Компартии...

В. КУЗНЕЦОВА
Щелково Московской области

Возмущены откровенно нагло-бессовестным поведением партийной номенклатуры ЦК КПСС по поводу вашей регистрации. Такая позиция, кроме отвращения, уже не вызывает никаких эмоций. Выражаем вам свою солидарность в вашей нелегкой борьбе. ВГРСК выпишет «Огонек» на 1991 год только в том случае, если он останется под редакцией Коротича и его соратников. Не сдавайтесь! У КПСС уже не осталось никаких аргументов, если она прибегает к подобному.

Воркутинский городской рабочий стачечный комитет

Пример «Огонька» страшен тем, кто противится са́мой демократической форме существования органа печати, кто пытается сохранить крепостную зависимость печати, кто по-прежнему желает оплачивать свои привилегии за счет чужого труда. Любопытно, сможет ли аппарат повернуть Закон о печати против демократических чаяний народа, против свободы слова?

Семья НЕЧАЕВЫХ
Смоленск

ВОЗМУЩЕН КАТАСТРОФИЧЕСКИМ ВЗВИНЧИВАНИЕМ ЦЕН ПОДПИСКИ НА ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ СЧИТАЮ ЭТОТ АКТ АНТИНАРОДНЫМ ЭТО УДУШЕНИЕ КУЛЬТУРЫ ПОЛНОСТЬЮ ПРЕКРАЩАЮ ПОДПИСКУ ВВИДУ ОТСУТСТВИЯ СРЕДСТВ ВОЗОБНОВЛЮ ЕЕ ПРИ СООТВЕТСТВУЮЩЕМ РОСТЕ ЗАРПЛАТЫ ОБРАЩАЮСЬ С ПРОСЬБОЙ К НАРОДНЫМ ДЕПУТАТАМ ОТСТАИВАТЬ ПРАВА ПОДПИСЧИКОВ = НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ ГУБАРЕВ УЧИТЕЛЬ СЕЛА НОВОМИХАЙЛОВСКОЕ ГУЛЬКЕВИЧСКОГО РАЙОНА КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

ВОЗМУЩЕНЫ АТАКОЙ НА ОГОНЕК ЗПТ ПОПЫТКОЙ ЗАВЛАДЕТЬ ЖУРНАЛОМ ТЧК И ТАК ПОСТУПАЕТ УМ ЧЕСТЬ СОВЕСТЬ НАШЕЙ ЭПОХИ ТЧК ЖЕЛАЕМ КОЛЛЕКТИВУ ОГОНЬКА ПОБЕДИТЬ = АРИСТОВЫ СМОЛЕНСК

КООПЕРАТИВ РАДУГА ПРЕДЛАГАЕТ СВОИ УСЛУГИ ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ОГОНЬКА = САРАТОВСКАЯ ОБЛАСТЬ ГОРОД ЭНГЕЛЬС

ПОДДЕРЖИВАЕМ СПРАВЕДЛИВЫЕ ТРЕБОВАНИЯ КОЛЛЕКТИВА ОГОНЬКА СТАТЬ УЧРЕДИТЕЛЕМ ЖУРНАЛА ПРОТИВНОМ СЛУЧАЕ ПОДПИСКУ НЕ ГАРАНТИРУЕМ ВАШИ ПОСТОЯННЫЕ ПОДПИСЧИКИ ИЗ МОСКВЫ = ЛОСЕВЫ ЛЯЩЕНКО АНУРИНЫ

ОЧЕНЬ ЖАЛЬ НЕ ЧИТАЮЩИХ ОГОНЕК МЫ ЗА ЦЕНОЙ НЕ ПОСТОИМ ТОЛЬКО БУДЬТЕ ВСЕ ЗДОРОВЫ СЧАСТЛИВЫ = ПЕНСИОНЕРЫ СТАРОВОЙТОВЫ ДЯТЬКОВО БРЯНСКОЙ

ДОЛОЙ ПРИМАЗЫВАЮЩИХСЯ К ОГОНЬКУ АППАРАТЧИКОВ ОГОНЕК — ОГОНЬКОВЦАМ = ПРИХОДЬКО АРМАВИР

Дорогой товарищ «Огонек»! Я всегда с тобой, мой боевой друг! А твоим недругам говорю: «Руки прочь от «Огонька»!

Инвалид II группы, участник ВОВ, гвардии капитан в отставке
РОГОЖИН Константин Григорьевич
Пушкино, Московская область

...Побойтесь Бога, господа-товарищи со Старой площади! Неужели все эти аппаратчики думают, что такими жульническими методами можно справиться с народом, от имени которого они выступают 73 года? Только независимый журнал!!! ИМ свои деньги платить не будем.

Семья СОРОКИНЫХ
Москва

...Даже меня, пенсионера, новая годовая цена подписки не оттолкнет от вашего журнала. Но под эгидой ЦК КПСС и с прежней ценой он мне не нужен...

ЧЕРНИЧЕНКО А. И., участник ВОВ
Рязань

Вынужден буду перестать подписываться на «Огонек», если мой самый любимый журнал перейдет под контроль ЦК КПСС...

БУНАС В. П., журналист
г. Тольятти

Уважаемая редакция! Я подпишусь и за 70 руб., но только на самостоятельный «Огонек». Кстати, не вижу большой беды, если с увеличением цены тираж упадет. Это значит, что подписчики объединятся в группы. А бумагу нынче надо беречь. Желаю успеха в борьбе за гласность.

КЛИМОВ А. В., научный сотрудник
Москва

АНОНС

Наконец-то и «Огонек» занялся издательской деятельностью. С помощью творческо-производственного предприятия «Вариант» мы приступили к выпуску собственной книжной серии. Наш журнал — публицистический и литературно-художественный, и издавать мы в основном предполагаем литературу и публицистику, по тем или иным причинам долгое время отлученную от советского читателя. Среди первых увидят свет две книги Саши Соколова — «Школа для дураков» и «Между собакой и волком», роман Роберта Штильмарка «Падшие ангелы», двухтомник Василия Аксенова («Остров Крым» и «Ожог»), книга Александра Орлова «Тайная история сталинских преступлений», сборник репрессированной литературы «Хранить вечно» (наверное, вы помните такую рубрику в журнале, где публиковались арестованные произведения Платонова, Бабеля, Булгакова, Клюева...).

А пока из типографии вышел тираж иллюстрированной книги Б. Н. Ельцина «Исповедь на заданную тему». Купить ее можно в киосках «Союзпечати». Кстати, значительную часть дохода, полученную от реализации этой книги, автор и издатели направляют на благотворительный счет Всесоюзного фонда «Огонек-АнтиСПИД».

Взволнованный голос в телефонной трубке: «Опять на журнал ввели лимит? А вы писали о свободной подписке!» Один звонок, другой, третий... Звонят из Минска, из Киевской области: там в почтовых отделениях показывают списки изданий, на которые подписка ограничена, и в их числе «Огонек».

Хотим заверить вас, дорогие друзья, что вы можете выписать наш журнал на следующий год в любом почтовом отделении и в любой день до 31 октября — на всей территории Советского Союза.

Любой отказ в подписке на «Огонек» считайте провокацией.

Если подобное случится, просим обязательно сообщить по телефону 212-22-69.

■

Являюсь многолетним читателем вашего журнала и ежегодно при оформлении подписки недоумеваю, почему невозможно выписать ваши литературные приложения. Знаю, что до сих пор они распределялись партаппаратом для формирования своего художественного вкуса.

Надеюсь, что в новых условиях редакция «Огонька» сможет предоставить своим подписчикам возможность при оформлении годовой подписки на журнал подписаться хотя бы на одно наименование из перечня литературных приложений к журналу.

Г. В. ОРЕШКО
п. Черноголовка Московской области

КТО ПОДПИШЕТСЯ НА ЛИТПРИЛОЖЕНИЯ?

Вопрос о подписке на литературные приложения звучит в сотнях читательских писем. Как вы знаете, в этом году подписная кампания совпала с регистрацией средств массовой информации; добавьте к этому еще и затянувшееся решение проблемы независимости «Огонька». Время было упущено, и как следствие — прежние договоры с издательством и Минсвязи остались в силе. А тут еще и сокращение тиража литприложений более чем в два раза, поскольку обеспечены бумагой только 800 тысяч экземпляров.

Монополистом на проведение подписки у нас всегда была «Союзпечать», которая в прошлые годы практически передавала свои полномочия, связанные с лимитом, партийным органам.

А как будет в этом году, когда партия наконец отделена от государства?

Мы позвонили заместителю министра связи СССР Е. А. Манякину, и Евгений Алексеевич ответил, что на всесоюзном селекторном совещании, состоявшемся накануне подписки, рекомендовал по поводу лимитированных изданий советоваться с общественностью на местах.

В столице начальник московской городской «Союзпечати» В. В. Антонов обратился с письмом в Моссовет, и депутатская комиссия по промышленности, транспорту, связи и информационным системам (хотя в Моссовете есть комиссия по гласности) решила, по его словам, передать все лимиты в трудовые коллективы. Только вот кому и в какие коллективы они попадут? Получат ли их учителя, студенты, пенсионеры, журналисты? При распределении, например, холодильников и телевизоров нашей маленькой редакции никогда ничего не доставалось.

Говорят, что в некоторых районах, где лимит небольшой, литприложения передали массовым библиотекам. Что ж, это справедливо.

И все-таки очень хочется знать, где сидит тот вершитель книжного счастья, который распределяет, сколько положено Москве, сколько Мариуполю или Иркутской области. И далее — какому заводу и общепиту дать, какой школе и театру отказать...

Во всяком случае, почему им не достались 15 томов Дюма, 6 томов Алданова и 3 тома библиотеки сатиры и юмора, заинтересованные лица могут выяснить в своих районных, городских или областных предприятиях связи. Так сказал нам товарищ Манякин.

Что же касается сотрудников редакции, то все мы от главного редактора и до курьера на огоньковские литприложения подписываемся также через «Союзпечать».

И поверьте нам, в редакции нет ни одного абонемента для своих подписчиков. Пока нет...

О. НЕМИРОВСКАЯ

■

Пишет вам участница VII Международного конгресса преподавателей русского языка и литературы, который с 11 по 17 августа проходил в Москве.

Стоил он Советскому государству миллионы рублей. Три тысячи делегатов жили в лучших гостиницах, катались на автобусах по городу и окрестностям, веселились на банкетах в Кремле и получили дорогие подарки, в том числе гору книг, не имеющих ни научной, ни художественной ценности, зато напечатанных на прекрасной бумаге. Многие из нас приехали из бывших соцстран, где с поголовным насильственным обучением русскому языку покончено, и никакие конгрессы этого не изменят. Я, конечно, очень благодарна организаторам за возможность бесплатно провести в Москве неделю, встретиться с коллегами-русистами со всего мира. Однако, скажите, какое еще государство устраивает грандиозные пропагандистские мероприятия в ситуации, когда его население выстраивается в очереди за всем, а у входа в гостиницу для МАПРЯЛовцев ютятся палатки беженцев?

Этот конгресс можно сравнить с тем оркестром, который играл на «Титанике», когда корабль уже тонул.

Анна ЖЕБРОВСКА
Жешув, Польша

■

Прочитала в № 26 в рубрике «Огонек» + «АнтиСПИД» статью «Что случилось» И. Веденеевой. О судьбе Иры, девочки, зараженной СПИДом в советской больнице, которую практически бросили все — родители, школа, общество, писала и газета «Семья». Я обращалась в ту редакцию с письмом, но ответа, к сожалению, не получила. Теперь очень надеюсь на вас.

Мы решили взять девочку к себе. Детей у нас нет. Сделаем все, чтобы помочь несчастному ребенку. Понимаем, на что идем.

Прошу ответить и, если возможно, помочь.

КОСТЮКОВА Тамара Николаевна (33 года),
КОСТЮКОВ Евгений Васильевич (35 лет)
Образование — педагогическое, материально обеспечены

■

Мои родители уехали из России после революции 1917 года, и я воспитывалась во Франции. Уже много лет я гражданка США, сейчас живу на пенсию, и лишних средств у меня мало.

Посылаю вам чек на 50 долларов с просьбой по возможности передать их для девочки Иры, моей тезки, о которой вы рассказали в № 26, чтобы доставить ей хотя бы маленькое удовольствие в ее трагической жизни.

Заранее вас благодарю.

И. Г. ГРЕХОВИЧ,
урожденная Эрдели
Санкт-Петербург, Флорида, США

ВНИМАНИЕ ХУДОЖНИКОВ!

Благотворительный Фонд «Огонек — АнтиСПИД» объявляет конкурс на лучший плакат по борьбе со СПИДом.

Конкурс планируется провести в два тура. Лучшие работы первого тура будут экспонироваться во Дворце молодежи с 21 по 25 октября — во время нашей акции «Искусство против СПИДа».

Плакаты-победители будут участвовать в различных выставках, будут куплены Фондом для выпуска в свет, а художников ожидают следующие премии:

Три третьи премии: гуашь, кисти художественные, фломастеры, карандаши, ластики, скрепки и пр.

Две вторые премии: перечисленный комплект плюс этюдник.

Первая премия: перечисленный комплект плюс аэрограф в полном наборе.

Все вышеназванное — импортного производства.

■

Рекламное объявление «Вас ждет судьба в Канаде» у человека сведущего способно вызвать омерзение. В Канаде нет недостатка в невестах, в том числе и русских, равно как и китайских, уругвайских и т.д., так что любители экзотики даже с очень скромным достатком имеют все возможности придирчиво выбирать. Судьба в Канаде ожидает Марусь еще та. Но это пустяки.

Предлагая легкомысленным представительницам прекрасного пола высылать 25 (а теперь уже 15) долларов наличными, фирма толкает их на нарушение закона, чек же им взять, увы, негде. Гарантия того, что «знакомство непременно состоится», означает лишь, что они получат фотографию и адрес какого-нибудь мужчины, обычно лет 70—80, по почте же, как высылали оплату. Так что возвращать деньги свахе не придется, да и как? Пересылать наличные почтой не принято в Канаде, а куда пойдет «невеста» с чеком?

Вряд ли стоит говорить о том, что фирма «Интернэшнл лав коннекшн» — это просто почтовый ящик в отделении связи в городе Калгари. Кроме того, в западных странах для публикации рекламного объявления, в котором предлагается высылать авансом деньги за услуги, рекламодателю нужно представить по стандартной форме подробные сведения о своей фирме, включая копию финансового баланса, заверенную внешним ревизором, и, наконец, ни одно считающееся серьезным издание там не опускается до роли тротуарных зазывал. Прискорбно, что эту роль взял на себя популярный «Огонек», пускай даже за сумму, многократно превышающую 25 или 15 долларов.

Представитель британской фирмы в Москве (подпись неразборчива)

ВАС ЖДЕТ СУДЬБА В КАНАДЕ

Вы можете найти спутника жизни в Канаде и во всей Северной Америке, если расскажете нам немного о себе и вышлете 3 фотографии в конверте с обратным адресом. И обязательно 15 американских долларов наличными или чеком по адресу:
International Love Connection ins., P. O. Box 4340, Station «C», Calgary, Alberta, Canada T2T 5N2.

Знакомство непременно состоится, в противном случае деньги будут возвращены фирмой.

International Love Connection Inc.

ЗЕМЛЯ — НЕ ВОЛЯ

Нина ЧУГУНОВА,
Марк ШТЕЙНБОК (фото)

Госпожа Казимера Дануте Прунскене, ее заместитель Ромуальдас Озолас и официальные лица из Совета Министров и Министерства сельского хозяйства Литвы совершили двухдневную поездку по Средней Литве. Предполагается, что эта первая подобного рода поездка премьер-министра была организована по инициативе самой Прунскене, пожелавшей предъявить своим оппонентам в обсуждении проблем земельной реформы и такой сильный аргумент, как ее личные разговоры с сельскими жителями.

Одно из впечатлений: нежелание части колхозников немедленно выходить из колхоза и отныне посвятить себя целиком труду на собственной земле. В одном месте дело дошло даже до крика, когда появление важных персон было воспринято примерно так же, как появление колхозного уполномоченного лет сорок назад.

— Мы плакали, когда в сорок девятом гнали в колхоз, а теперь будем плакать, когда станете из колхоза гнать!

Мы уверены, что этот небольшой фрагмент литовского лета дает некоторую возможность философских размышлений.

Например, о том, как трудно людям становиться заново народом.

Бесхитростный отчет о поездке премьер-министра (который не был бы возможен без помощи руководителя пресс-службы при Совете Министров Гинтараса Йаткониса, любезно переводившего для нас литовскую речь), несомненно, несет отпечаток российского взгляда.

Перед тем, как машинам рвануть от здания Совета Министров, Ромуальдас Озолас подвел нас к премьер-министру и, представив, аттестовал, между прочим, друзьями.

— У нас много друзей,— отвечала премьер, улыбаясь своей прекрасной улыбкой.

В вагоне фирменного поезда «Лиетува» за три часа перед тем проводница улыбнулась точно так же и сказала:

— А чай просите у вашей папаши!

«Наша папаша» — это, конечно, Горбачев.

Я думаю, что улыбка премьер-министра была косвенно связана с недавней блокадой.

...В машине, следовавшей за белой «Волгой» Прунскене (с цветами за спинкой сиденья, потом эти букеты паренек с пистолетом под пиджаком стал складывать в багажник, а один букет премьер запросто передала мне), Озолас говорил, обернувшись к нам:

— Есть вариант жесткого распределения земли: кто может купить, пусть покупает. Кто имеет деньги! И в том есть определенный резон, потому что будут покупать не гектар и не три, а пять — десять и сто. Один из экономистов времен довоенной Литовской республики определил, что самая большая ошибка тогдашней земельной реформы заключалась в том, что земля была роздана мелким хозяйствам. Если бы земля находилась в пользовании крупных хозяйств, Литва была бы совсем другой.

Потом мы говорили о том, что люди хотят не только иметь собственность, получив ее от государства за деньги или в дар, но и вернуть свое. Дом. Землю. Никто не забыл, сколько земли было у отца или дедушки. Дома, где когда-то жили семьей, целы, и в них живут другие люди.

— Тяжба с прошлым может затянуться,— сказала я.

— Она обязательно затянется!

— Скажите, а как возникла сама идея компенсации?

— Она возникла из реальности: из необходимости возвратить собственность тем, кто был сослан, у кого собственность была отнята. Репрессированные? Есть на русском какое-то другое слово...

— Спецпереселенцы,— сказали мы разом.— Депортированные.

Но могло ли прийти в голову, что независимость может освещаться тем светом, что горит в залах судебных заседаний? Но верна моя догадка: все началось с памяти, с возвращения их мертвых, то есть, как и положено. Потому что жизнь начинается задолго до рождения человека, именно с того, как были погребены предки.

— Да. Да. Да,— сказал медленно Озолас.— Тяжелое время предстоит, но его надо будет... осилить. Кроме компенсации материальной, должна осуществиться компенсация духовная. Ведь отнимали люди. Надо их найти, определить степень их вины.

— Разбирательство? Может, пойти на то, что всех простить?

— Не думаю, что на это найдется сил... Не думаю. Хотя было бы неплохо. Провести разбирательство лишь организаторам и палачам. Массовое разбирательство затянется на десятилетие.

— Ваша страна может превратиться в один большой военно-полевой суд, достаточно жестокий, достаточно скорый.

— Да,— быстро сказал он.— Гражданская война может существовать не только в виде применяемого оружия. Я очень сомневаюсь, что решение суда сумеет изменить состояние духа. «Мирная», размытая форма гражданской войны страшнее той, когда стреляют... У меня очень сильные сомнения в том, что в нашем состоянии духа суды будут совершаться более-менее объективно.

— Это проблема будущего. Есть еще время...

— Оно приближается.

Так этот летний день вдруг заполнился тревогой, более не проходившей. Что за страна была, которая открывалась нам? Та же, что и Восточная Литва, о которой Озолас сказал, что за свое советское время она «напилась, не имея интереса к жизни и для того, чтобы эта беспросветность существовала еще и физически». Страшное разделение литовских земель: в восточных землях пили от беспросветно-

сти, в Жямайтии пили от страстного желания ощутить настоящую жизнь... Мне посоветовали прочесть вышедшую на русском «Жизнь под кленами» Ромуальдаса Гранаускаса, чья исповедь о сотрудничестве с КГБ, опубликованная только что, вызвала самые разные оценки. Озолас увидел в исповеди лишь «вопль пьяницы» и пренебрежение интеллектуальной жизнью.

Колхозные механизаторы встретили госпожу Прунскене, стоя у края поля рядом с комбайнами. Это напоминало кадр из древней кинохроники, что еще раз доказывает, как сильно может запаздывать форма, тогда как содержание может меняться мгновенно. (Отжившая форма способна также и сопротивляться, и довольно агрессивно, что мы здесь и увидели, пусть в мелочах.)

Знаете, все вокруг было такое родное, такое свое!.. И простые, как бы советские, труженики села улыбались этой женщине.

...Вот о чем говорили на краю поля, если кратко изложить:

— о том, что надо поскорее открыть западную границу, и тогда с Запада хлынут товары;

— нет житья от военкоматов;

— о земле и сразу о технике: «С лошадками уже не управимся».— Министр предложил: можно создать центр сервисного обслуживания, который за деньги станет обрабатывать земли всех. «Э-э, нет уж,— сказали ему на это.— У нас уже были эмтээсы»;

— еще говорили: можно ли будет кооперироваться? «В колхозе хорошо было, можно было понемножку в карман ему залезать, корма брать, удобрения. Теперь к кому в карман залезать?»;

— еще о том, хватит ли всем земли? И как распределять землю: тем, кто в колхозе работал? «Всем земли все равно не хватит». «В батраки не пойдем»;

— выступил председатель колхоза, который утверждал, что, если колхозные земли порвать на клочки, будет голод;

— спрашивали: кто вместо колхоза станет проводить газ?

— У нас нет гарантий,— сказали несколько человек.

— Человек должен стать наконец самостоятелен,— сказала Прунскене.

В этот момент Казимера Прунскене, очевидно, не вытерпев, назвала своих собеседников «американскими бизнесменами». Те тоже требовали от Литвы гарантий, сказала она. Она ответила им: «Наши гарантии — это наша независимость».

— Тогда сначала договоритесь с Горбачевым,— будто бы отвечали ей американские бизнесмены.

— А я для земли старый,— сказал старик, его одежда была пропитана мазутом, и зеленую кепку он мял в руках.

Гинтарас говорил мне здесь:

— Не только недоверие объединяет нас. Недоверие и поиск врагов. Кто агент Москвы? Кто продаст Литву России? Кто «хватается за свои кресла»? В такой ситуации не до философии.

Гинтарас был из тех, чье прощание со школой пришлось на марш наших танков по Праге.

— Чего не хватает Литве? — спросила я его.

— Духовных пастырей,— был ответ.— Нам еще надо... упасть и разбиться и потом из осколков что-то делать. Мы еще не живем. Мы даже не почувствовали блокады. Мы ее знаем по цифрам пока еще. Мы ощутили только нехватку бензина. И то, какую цену надо платить независимости, литовцы еще не знают. Литовцы не знают, что мы будем жить по-другому и что надо будет страдать. Все хотят независимости, но чтобы было не хуже, чем было. Желательно даже лучше. Многие уверены, что будет лучше. Это невозможно. Это долго не будет возможно. Мы пройдем через потрясения. Пока мы шли... с этим полупольским гонором; когда мы пели — это было красиво. Теперь романтика кончилась.

Потом поехали к частному землевладельцу. У него кирпичный двухэтажный дом, еще не достроенный, в ряду других подобных домов. За домом сарайчики, далее зеленые поля, простор. Забор с трех сторон. Собачья конура. Хозяин вышел встречать важных гостей в новом спортивном костюме и в туфлях на высоких скошенных каблуках. Он был свежий и румяный дядька лет сорока шести, то есть молодой. Костюм на нем был совсем новый. Его жена шла за ним, стискивая ладони. Ладони были красны и обветренны. И лицо ее было обветренным, нервным, безрадостным. Химическая завивка развилась. На ней была ненадеванная юбка в складку, которая свободно поворачивалась на ней от всякого движения, и розовая блузка, судьба которой висеть в шкафу. Женщина вглядывалась в лица приезжих, как если бы она надеялась, что такой приветливости будет довольно, или она не знала, что теперь делать. Губы ее были обветренны и бледны.

Собака рванулась на цепи так, что ошейник перехватил горло. У забора праздно стояли люди, похоже, соседи. Они не улыбались, а смотрели, как на пожар.

Бабочки-капустницы летали, как у Маркеса перед чудом вознесения. Близкие поля явственно дышали вечером. Все стояли перед домом и слушали описание хозяйства. Женщина вслушивалась, как бы не понимая. Вдруг Озолас пошел от всех прочь.

— Загнанная земля. Загнанные люди.

Он сказал это тихо, почти на ухо, и я впервые услышала в его голосе ярость.

— Что же будет,— сказала я, защищаясь от этой ярости.

— Что? — сказал он, машинально уходя прочь и глядя на поля.— Все просто. Эти люди... должны прожить жизнь и умереть. Возможно, их дети?.. Вы видели женщину?

Провожая нас, хозяева застучали по дорожке каблуками.

Здесь, в усадьбе, на которую с надеждой должна смотреть Литва, со мной немного побеседовал советник Министерства сельского хозяйства Датис Йоника.

— Это не самое успешное хозяйство. Это только начало. Нет техники. Нет многого, что необходимо для того, чтобы правильно начать работу и жизнь. Есть крестьянский союз, помогающий получить технику. Но техника не из колхоза. Даже не из республики.

— В Эстонии мы видели хорошую технику из Швеции.

— Нет, у нас нет техники из Швеции... Сейчас у нас три тысячи таких хозяйств по республике. Здесь — пятнадцать гектаров. Есть и по пятьдесят. Но все, кто взял землю, работают на ней, они энтузиасты, они земли своей не оставят, не передумают. Их собственность выдана им по акту. Пока земля передается даром. Новый Закон о земле предусмотрит и другие формы, но вот эта земля получена, как если бы она возвращена. Реформа не коснется этих людей.

Я попросила советника подробнее рассказать о реформе сельского хозяйства в Литве.

— Реформа предполагается радикальная. Предстоит денационализация имущества. От государственной собственности, от колхозов надо перейти к частной собственности на землю, к акционерной. Видимо, до первого сентября Закон о земле будет представлен в правительство и его станет рассматривать парламент. А потом его придется еще и осуществлять практически. Работа тяжелая... У нас колхозы и совхозы довольно сильные, производство в них очень интенсивное. Если на душу населения производим по сто сорок четыре килограмма мяса, то употребляем в республике восемьдесят три. Производим почти девятьсот килограммов молока — употребляем четыреста. И вот как от этого интенсивного хозяйства перейти к денационализации? По всей видимости, уровень производства непременно упадет в первый и второй годы после начала реформы. Но потом должно начаться повышение. Это обязано обеспечить детальное изучение всех моментов. Но первый год, несомненно, будет критическим. Никто не изучал вопроса, как отойти от всего, что мы сделали за эти годы? Надо учесть, что психология людей за это время устоялась. Люди притерпелись к условиям своей жизни и труда. Главное — думать.

— Вы верили в победу колхозного строя?

— Я работал директором совхоза-техникума. При хозрасчете возникает в человеке небольшое чувство... предчувствие хозяина. Но он не может работать, имея одно лишь чувство. Он должен быть хозяином. У него должна быть бумага об этом. Мы в нашем совхозе уже лет пятнадцать назад начали индивидуальный семейный подряд. И результаты наши были хорошие. Но меня ругали. Коллективный подряд разрешали. А за индивидуальный ругали, везде вызывали.

Еще год назад земля эта была ничьей: на нее не

было бумаг. Была «воля». Не было земли. Теперь есть земля.

Мы проехали Каунасское водохранилище, которое когда-то в максимально торжественной обстановке открывал первый секретарь ЦК Компартии Литвы Альгирдас Бразаускас. Там, во тьме воды, покоится деревушка, где родился отец Гинтараса, он так и не успел ее увидеть, сказал он, когда мы промчались над сверканием воды.

Теперь нас ждало собрание в правлении одного из колхозов. Правильна ли идея раздать всем по три гектара земли? Ведь на этих трех гектарах можно будет держать, наверное, одну корову и коня, еле кормиться одной семьей? Смогут ли те, кто сейчас получил три гектара, потом получить больше, если реформа предложит и другие формы землевладения?

Нам показалось, что люди боятся перемен, но более всего боятся, что новое опять наступит навсегда.

Люди здесь не знают времени, когда новое приносило лучшее. Они боятся потерять зависимость. Именно на этом собрании встал мужик и сказал:

— Плакали в сорок девятом, будем плакать и в девяностом.

Наконец, я начинаю понимать, почему он так сказал. Люди разучились действовать иначе, чем по принуждению, и этому принуждению не знают иного сопротивления, чем плакать?

— Давайте подумаем,— отвечали мужику.— Не будем сейчас говорить за всех.

Говорили о ценах, о том, куда будут девать продукцию, следовательно, об отношениях с Россией... Еще о том, что трудно требовать от колхозника, чтобы он за один день стал крестьянином.

После этого собрания я спросила Ромуальдаса Озолоса: узнал ли он что-либо новое для себя за эти несколько часов поездки по Средней Литве (знаю, что Озолас возглавляет комиссию по проблемам Восточной Литвы, но, очевидно, это разные земли и разные проблемы)? Озолас сказал: да, есть две новости.

— Первое. Даже Министерство сельского хозяйства ни черта не смыслит в том, что творится в законодательстве. Именно: как то, что принимается в виде законов, отразится, перекроет действительность? Даже не подумали об этом! Вот: есть политическая установка! Или еще хуже: идеологическая! Зачем так настойчиво стремиться к выполнению установки? Второе. Еще очень сильно не совпадает представление Литвы о себе с тем, что она собой представляет в действительности.

Машины остановились в полях одного из колхозов, председатель которого решил показать нам воплощение своей идеи о том, что люди должны жить так, как привычно было жить их предкам: колхоз перевез, восстановил, поставив на традиционном удалении друг от друга, старые хуторские постройки и поселил в них колхозников. Людям нравится. Здесь же будут школа и детский садик. Председатель сказал, что переезд молодого крестьянина из города стоит пятьдесят пять тысяч. А с нового года будет стоить сто. Он опять говорил о том, что два-три гектара — плохая идея, если еще при этом разрушается колхозное большое поле. Он назвал восемь позиций, почему будет плохо. Я приведу одну. Мафия из Каунаса, сказал председатель, станет выращивать пушнину на этих гектарах, а не хлеб, не будет молока, а будут деньги для мафии.

Председателю возразили: скажем, мужик любит выпить, а если он возьмет эти три гектара, ему некогда будет и выпить, уже ради того надо давать три гектара. Премьер-министр согласно кивнула.

Председатель промолчал.

Остановились в поле, и все пошли постоять в поле и рвали колоски, и нюхали их. На поле волнами находил ветер, сминая его.

Потом была сцена в маленьком городке, когда небольшая толпа, с шести до восьми часов ожидавшая, когда через городок проедет Прунскене, стала шуметь и кричать, решив, что Прунскене приехала закрывать колхозы. Одна женщина кричала на другую: мне до пенсии осталось совсем немного, что я стану делать без колхоза?

Этот крик был похож на то, как, крича, рассказывают начальству о своих бедах.

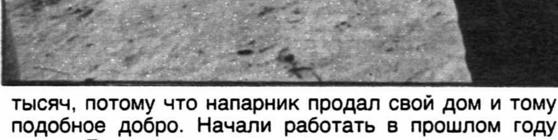
Все же в конце дня оказались в очень хорошем хозяйстве. Здесь хозяйничали две семьи. Разводились карпы, в огромном добротном хлеву современного типа стояли быки. Хозяева были веселые и неизмученные люди. Женщина здесь была спокойна и мила, седые волосы кудрявились вокруг загорелого ясного лица.

В хлеву ко мне подошла премьер-министр. Она сказала:

— Какая трагическая судьба у этих быков! Сначала их кормят — потом их убивают.

Я преклоняюсь перед этой женщиной, ведающей порывы.

Хозяин, которого звали Чеслав Радвилавичюс, рассказал мне, что ссуды взяли только двадцать тысяч, потому что напарник продал свой дом и тому подобное добро. Начали работать в прошлом году в мае. Еще, наверное, два года протянется трудное время.

— Мы оба механики,— сказал Чеслав о себе и о напарнике.— Это очень хорошо в наше время: техники нет, но колхозные знакомства еще есть. Но скоро и знакомства не помогут, уже не будет ни списанной техники, ни запчастей. Но мы никого не просили. Мы привыкли не просить. Когда много лет работаешь в колхозе механиком, привыкнешь, что, проси — не проси, никто не поможет. Мы привыкли сами вертеться. Механику не у кого просить!

— Какие люди, по вашему мнению, не хотят уходить из колхозов?

— Совсем юные не уходят,— сказал Чеслав, опершись на тачку. — Они не хотят ни работать, ни получать деньги. Они уже ничего не хотят. Это теперешние юные. Которые постарше, моего возраста, они думают: зачем мне еще какую-то ерунду, я какнибудь доживу до пенсии, протяну несколько, сколько заработаю, на столько и проживу. Это люди, которые видят, что земли-то под ногами все равно нету. Техники нету. Сколько будут платить за мясо и молоко, не знаем. Ну? Так никто и не хочет.

Он провожал нас, катив перед собой тачку с молочными бидонами. У него были курчавая борода и рост великана. Его рабочий день не закончился.

Я спросила премьер-министра, узнала ли она новое?

— Нет,— сказала она. — Для меня в этот день особых новостей нет. Я село знаю. У меня и докторская была по продовольственным хозяйствам. Может быть, новое то, что вот сейчас принят Закон о земле — о трех гектарах для работающих в сельском хозяйстве и о двух для неработающих. И этот Закон вызвал разные интерпретации. Я еще не тороплюсь делать выводы, потому что сегодня были неуравновешены позиции сторон. В основном говорили руководители и меньше было простых людей. Не думаю, что картина адекватна реальности. Пока же я вижу: не слишком с большим энтузиазмом крестьяне наши хватают землю.

НЕСКОЛЬКО ПРЕДПОЛОЖЕНИЙ

Хорошо или плохо то, что литовский крестьянин, которому сейчас дарят землю, страшится покидать колхоз, а в ином случае обещает плакать, если его начнут из колхоза «гнать»?

Хорошо! Несомненно, что через несколько лет колхозов в Литве не будет и в помине. Но сейчас хорошо, что крестьянин не решается бросать постылую бедняцкую жизнь в колхозе и с весельем и отвагой браться за дело отцов и дедов — за свою землю.

Почему так? Это сопротивление крестьянина приказу, пусть отданному ему для его же счастья, обнаруживает, что литовский крестьянин жив. Жив! Пил, как все, приучался помаленьку к некрасивой внешне и внутренне нищенской жизнешке — а жив. Впрочем, не так уже и нищ он: в Литве крестьяне живут богаче, чем городские. Но не в деньгах на этот раз дело.

Сопротивление обнаруживает естественное нежелание человека бросать привычную материальную жизнь.

Мы растили поколения готовых все бросить: землю, мать-отца, околицу, о которой с тех пор только в песнях слышим,— и ехать неведомо куда за счастьем. Наживать ничего не надо — там все будет роздано! Где там?.. Будет-будет, ты верь, товарищ.

Литва, которой навязали колхозную жизнь, чудом осталась землей естественно живущих людей. Между прочим, кукурузу в прославленные кукурузные времена в Литве сеяли на спецполях — для приезжей комиссии. Так землю прятали, берегли от приказу.

А мы?

Без своего добра — словно безумцы, без подробностей дедовского быта, без благоговения научились жить, да что там! Разве на стройке живут? Разве на стройке детей растят? А мы и жили, и пели, и гуляли — привыкли.

Где наша родина? А вот она, под колесами летящего состава.

Но человеческая жизнь другая совсем. Она человечна и медленна. Она скуповата: все мелочи подбирает и бережет.

Отняли у людей землю, растащили хуторские дома, оставили одинокого человека за сто граммов зерна работать «трудовой день» — за сто граммов, так говорили мне в Литве. Служи, равняйсь, лечь, встать.

А человек освоился. Он нечеловеческую, брошенную ему, как тряпку собаке у порога, жизнь очеловечил. Он научился подворовывать, чтобы прожить, и не видать в том греха. Он научился песни колхозные петь на свой мотив. Он научился с соседями говорить о большой политике. Жизнь наша — коммуналка!..

Бросать свое, даже совсем негодное,— значит впасть в низость и подлость, потерять память и стать опасным для людей.

Мы имеем в современной истории пример яркий и болезненный, когда отношения между государствами готовы порваться, несмотря на то что они практически жить друг без друга не смогут — не проживут. Но слишком велико ожесточение. Прочь, прочь: так рвется Литва из Советского Союза. Готовые торговать со всеми республиками, и особенно с Россией, многие в Литве не могут и слышать о союзном договоре.

Колхоз не Советский Союз, но явление того же порядка. Но видим, люди, пока новый дом не выстроен, предпочитают жить в старом, в котором многие-то и родились: другого не знают.

Вдруг вышло новое решение. От этого слова, от громкого правильного слова, от обещания счастья там, за поворотом, и забегал мужик, забеспокоился, затребовал гарантий каких-то.

Советский человек, что к нему придираться? Он советский, он наш.

Чьей добычей может стать литовский бывший советский крестьянин, бывший колхозный труженик, сейчас свободный?

Своего страха или своей дисциплины? Своей инертности в хорошем смысле слова (мешающей добро бросать) или инертности в смысле вялой неспособности действовать?

Несколько лет назад Юрий Черниченко на семинаре писателей в ЦДЛ представлял в лицах бабу с голодным поросенком на руках, что с больным дитятей, а ей начальство твердит: ты, баба, фермер.

Что-то чувствует народ театральное. Или теперь, когда у него на руках б у м а г а, решится?

Медлит, медлит... Хорошая жизнь раньше была: медленная. Потом стало: «В двадцать четыре часа!» Все в двадцать четыре часа: и горе, и радость. В Литве кому-то снова хочется отчитаться перед парламентом о выполнении решения относительно распределения земли по два и три гектара. Скорее — и «птичку».

Литва — опять пионер на нашем общем пути: она отвоевывает свою землю у неволи. Неволя — отсутствие хозяина и присутствие начальства. Неволя — сладость подчинения, пусть и невежде в делах сельских.

Вообще же демократия всегда чревата авторитарностью, а авторитарность готова склониться к тоталитарности: это не порок, а природное свойство демократии как поступательного движения, в механизме которого заложена возможность более легкой жизни. Демократия совершенствуется, совершая ошибки (авторитарное государство к ошибке тяготеет, а тоталитарное костенеет в ошибках, мертвеет, прочнеет).

Что будет с Литвой?

То, что будет с землей Литвы. Ничего иного. Если опять крестьянину прикажут быть свободным и начать с ничего, если его плохое добро, его колхозы (многие из которых богаты, щедры, на сегодня умно организованы) отнимут, если опять что-то велят — значит, побеждает авторитарное государство, для создания которого в Литве есть все предпосылки, на мой взгляд (стоит лишь прислушаться к тону парламентских речей). Отзвук этих речей мы слышали на полях: «Надо все предусмотреть, надо все продумать». Правильно. Надо думать. Надо много думать. И даже постоянно. И детей теперь учить долго, вдумчиво...

Только нельзя материальную жизнь заставить вполне подчиниться слову. Если такую ошибку совершим... совершат в Литве — плохо, значит, не было еще литовского духовного шага вперед от нашей общей слепой веры в решение, в лозунг и в слово вождя. Между нашим идеалом и жизнью всегда есть не просвет, нет — огромное ликующее пространство света. Там — жизнь. Научимся это видеть. Отпустим жизнь на волю. Продумаем. Но после посмотрим. И ничего не будем разрушать. Ведь крик: мы все уж продумали до мелочей! — подобен призыву крушить старые памятники. Результат тот же: брошенная, замусоренная земля.

И сейчас мне крикнут: так ты что, за колхозы? В глаза смотри!

Я против, граждане, я против!

Только ведь и есть хочется.

Литва моя прекрасная, почему мы такие?

ФОТОКОНКУРС

Земля у нас одна

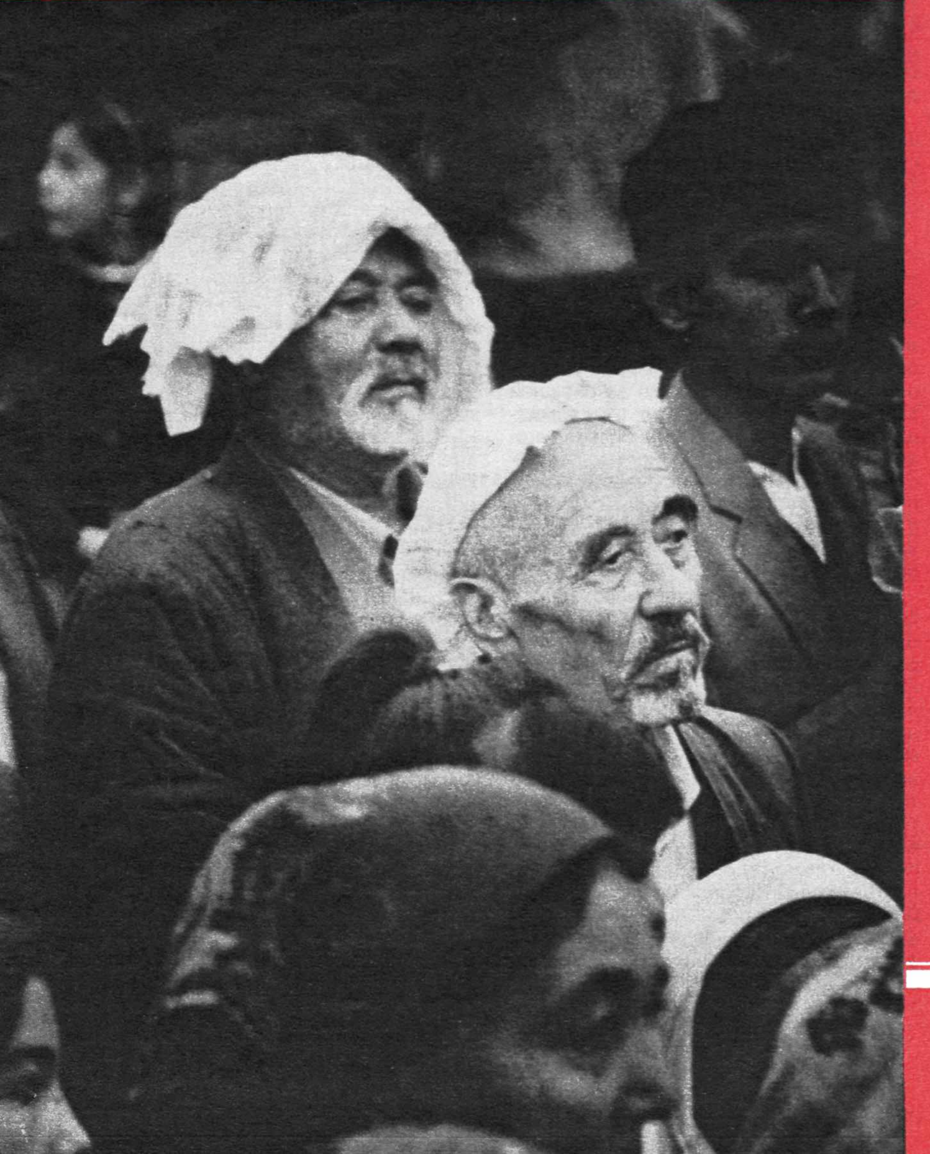

Фото
Андрея
КАРАВАЕВА
(Ташкент)

РЫНОК: УТОПИЯ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Газеты все еще обсуждают, способен ли прижиться рынок в нашем посттоталитарном обществе. Все это, пожалуй, можно было бы назвать очередной кампанией, если б не жизненная важность проблемы. Может быть, самой важной не только для специалистов, но и для всех нас.

Пять лет продолжается перестройка. Не обошлось и без ошибок на этом неизведанном пути, без наивных и добросовестных заблуждений, вроде лихорадочно принятого на первых порах Закона о предприятии. Много лет идеология в нашей стране откровенно преобладала над экономикой, в результате чего кризис разрастался, пока не вылился в то, что мы нынче наблюдаем воочию: пустые прилавки магазинов, злые очереди за самым необходимым, астрономические цены на колхозных рынках, которые, как известно, отражают не придуманные в Госплане, а реальные затраты на производство сельхозпродукции.

То же самое было в Польше примерно 10 лет назад.

И сегодня, конечно, можно спорить, насколько точно повторяем мы «польский путь», но и там — было время! — полки магазинов были уставлены (почему-то) одним уксусом. И правящая партия не желала ни на йоту уступать здравому голосу ведущих экономистов, и «Солидарность» не была у власти, а упоминание имени Леха Валенсы на страницах нашей печати было чем-то вроде крамолы...

Боже, всего еще два года назад мы обсуждали эти польские горести с Е. Клеером в его кабинете еженедельника «Политика», когда Ежи, раскуривая трубку, втолковывал мне, что коммунистические идеалы ПОРП (теперь уже бывшей!) не совместимы с нормальным, саморазвивающимся, саморегулирующимся рынком, благодаря которому в различных моделях к благополучному миру присоединились Южная Корея и Тайвань, Таиланд и Чили. Однако шел всего лишь 1988 год. Мой разговор с Клеером «посоветовали» убрать из статьи о Польше те, кто и теперь по старой привычке нет-нет да и попытается одернуть «Огонек». Ежи Клеер рассказывал, что принимал участие во многих экономических реформах в Польше, реформах, которые потерпели вполне объяснимый с сегодняшней точки зрения провал. Клеер говорил также, что знаком с Виктором Шейнисом и со многими другими советскими экономистами, имеющими независимый взгляд на будущее СССР. Трудно, однако, было бы себе представить, что наступит и такой день, когда можно будет в «Огоньке» дать слово им обоим, а темой их заочного диалога станет ненавистное ортодоксальным коммунистам понятие «рынок». И пока идет горячий спор — утопия или реальность рыночная система при социализме, будем все-таки надеяться на лучшее. Потому что уж как минимум одна реальность перед нами — свободное выражение точек зрения польского и советского ученых.

Анатолий ГОЛОВКОВ

ОБ АВТОРАХ

ЕЖИ КЛЕЕР — *видный польский экономист, профессор Варшавского университета, автор нескольких книг по проблемам польской и мировой экономики. Сторонник рыночной экономики, Ежи Клеер последовательно отстаивал свои убеждения, был участником разработки нескольких экономических реформ в Польше. В настоящее время является главным редактором газеты «Политика — Экспорт — Импорт».*

ВИКТОР ШЕЙНИС — *доктор экономических наук, многие годы занимался экономикой развитых капиталистических и развивающихся стран. Последние пять лет выступает со статьями в периодической печати, отстаивая свой вариант будущего развития народного хозяйства в СССР. Играет заметную роль в движении демократических сил Москвы. Народный депутат РСФСР.*

Ежи КЛЕЕР

НА РУИНАХ ТОТАЛИТАРИЗМА

Означают ли перемены, происходящие в политике, экономике и социальной сфере восточноевропейских стран, конец социализма, по меньшей мере в его нынешнем виде? Вопрос достаточно обоснованный, если присмотреться к тому, что происходит в Польше и Венгрии и, возможно, в несколько меньших масштабах в Советском Союзе. Ответить на него сегодня с научной обоснованностью трудно, даже, пожалуй, невозможно. Так что ограничусь своего рода личным прогнозом, не определяя отрезка времени, в течение которого прогноз этот мог бы состояться. И речь пойдет об экономической стороне дела.

Итак, административно-командная модель, где в качестве механизма распределения выступало централизованное планирование, оказалась экономически неэффективной. Время удостоверило неэффективность такой системы. И хотя этот тезис в общем виде считается уже общепризнанным, все же, как только мы пытаемся подтвердить его на примере одной из стран, непременно оказывается, что в некоторых государствах экономическая система действует лучше, чем в остальных.

Низкая эффективность системы начала проявляться очень давно. Если не рассматривать предвоенный опыт Советского Союза (до второй мировой войны), то в послевоенный период мы уже в середине пятидесятых годов встречаем попытки модифицировать эту систему во всех странах восточного блока.

Почему же не удалось сделать эту модель более жизнеспособной? Первые дискуссии на эту тему в Польше велись начиная с 1956 года. В них, так или иначе, указывалось на необходимость в большей или меньшей мере использовать рыночную экономику со свойственными ей механизмами и инструментарием. И в середине пятидесятых годов, и позже выдвигались многочисленные теоретические модели, предусматривающие объединение плана и рынка. В этом направлении была подготовлена и проведена экономическая реформа в Венгрии в 1968 году. В том же духе, хотя и гораздо менее последовательно, предпринимались попытки реформировать польскую экономику.

Будущее социализма в значительной мере связано с ответом на вопрос: почему не удавались эти реформы? Объяснимы ли неудачи исключительно политическими факторами (боязнь правящей партии за свое влияние, сопротивление инициативе, засилье бюрократии и т. д.) или здесь сказались какие-то более глубинные причины? Я считаю, было бы упрощением объяснять неудачи в реформировании экономики исключительно противодействием официальной идеологии. И вовсе не оттого, что такое утверждение само по себе неверно! Но дело в том, что и в экономике, в самой хозяйственной системе скрыты мощные препятствия на пути перемен. Тормозившее реформу политическое противодействие имело существенную поддержку внутри хозяйственной системы, в ее учреждениях, в ее экономических структурах. Нам уже нет нужды доказывать, что связь между рынком и планом — по крайней мере в той форме, как пытались связать план и рынок в экономике «реального социализма»,— вещь невозможная. Достаточно обратить внимание на то, что рынок складывается минимум из четырех слагаемых: рынок товаров и услуг, рынок капитала, рынок труда и валютный рынок. Однако во всех теоретических рассуждениях принимался в расчет исключительно первый пункт, да и то — с множеством ограничений (низкие цены на продовольственные товары, субсидии, дополнительное финансирование, система преференций в кредитах и пр.). В таких условиях экономика не могла развиваться полноценно. Рынок становился все более ущербным, и через некоторое время все возвращалось на круги своя — к старой, директивной системе. «Искалеченный рынок» в том виде, который был изначально навязан, естественно, не мог оправдать надежд. Сперва наступало известное улучшение, но потом очень скоро все скатывалось в наезженную колею прежней жесткой экономической системы, и экономические трудности усугублялись. Другими словами, сущность проблемы в том, что экономическая система «реального социализма» выработала ряд определенного типа структур и институтов, которые с трудом и лишь в малой степени поддаются изменениям, но в то же время способны активно сопротивляться воздействию рыночных механизмов.

Во-первых, речь идет о доминирующем положении государственной собственности. На ее долю приходится от 70 до 90 процентов всего производимого национального дохода. Иные формы собственности (кооперативная, а в некоторых странах и частная) были полностью подчинены государственной собственности (через центральное планирование, государственные цены, регламентацию средств производства, через кредиты, снабжение сырьем и материалами, через монополию во внешней торговле...). И независимо от сложившейся структуры собственности руководство экономикой полностью осуществлялось государством. Классическим примером тут может служить Польша с ее значительным кооперативным сектором, как, впрочем, и частным сектором в сельском хозяйстве.

Во-вторых, вполне сформировавшаяся система крупных предприятий с многими признаками монополий. Широко распропагандированное превосходство крупных предприятий над мелкими объяснялось скорее всего потребностями централизованного руководства экономикой. В самом деле, легче управлять небольшим числом крупных предприятий, чем множеством мелких. И концентрация производства соответственно происходила не столько по экономическим, сколько по организационно-административным соображениям. Например, в польской промышленности около 40 процентов предприятий занимает если и не монопольное, то, во всяком случае, доминирующее положение.

В-третьих, социалистическая (централизованная) экономика имеет замкнутый характер и, в частности, не зависит от величины экспорта на душу населения. В связи с этим обратим внимание на две характерные особенности внешнеэкономических связей социалистических стран. Первая — экспорт из расчета на душу населения здесь был ниже, чем в близких по уровню развития странах с рыночной экономикой, и это не изменилось и поныне (так, например, усредненный экспорт на душу населения в шести европейских странах СЭВ — без СССР — в 1987 году составил 1156 долларов). Вторая — экспорт в страны так называемого Общего рынка в среднем для шести стран СЭВ составил 19,5 процента. При этом торговый обмен внутри СЭВ опирался на абсолютно иные принципы, чем торговля с западными странами, и, значит, импульсы из мировой экономики проникали во внутреннюю экономику социалистических стран исключительно при обмене со странами Общего рынка. Но объем этого обмена был крайне мал, не говоря уже о том, что внешняя торговля находилась под полным контролем со стороны государств. Таким образом, положительное влияние мирового экономического опыта, передовых технологий было минимальным. Фактически оно терялось на внутреннем рынке социалистических стран. Внутренний рынок, по существу, оставался закрытым.

В-четвертых, в экономике реального социализма отсутствовало то, что называют рыночной инфраструктурой, то есть финансовая, кредитная и банковская системы. Что же касается банковско-финансовой системы в социалистических странах, которая действует и сегодня, то она лишь пассивно отражает происходящие в экономике процессы.

Если даже не вдаваться в подробности, становятся понятны истинные причины провала реформ, при помощи которых прежнее руководство некоторых стран Восточной Европы пыталось внедрить рыночную экономику в уже сложившуюся структуру учреждений социализма. При этом нельзя забывать, что социалистическая экономика (когда в нее пытаются внедрить рынок) остается дефицитной, дающей инфляцию

различной степени в разных соцстранах. Классические примеры — Польша, Венгрия, Советский Союз, Китай.

Какой же можно сделать вывод?

Всякая реформа, всякое преобразование социалистической экономики — если мы хотим сделать ее эффективной — должны быть связаны с самым широким внедрением рынка. Любая половинчатость — немножко рынка, немножко плана — обрекает реформу на провал и непременно заканчивается возвратом к планированию как основному механизму распределения средств производства. Либо рыночные отношения вводятся целиком и полностью, либо реформа обречена на неудачу.

Опыт подобных реформ часто опирался на «смягчение» принципов рыночной экономики (прежде всего в отношении цен). И мы немедленно сталкивались с «патологией»: сначала инфляция, затем исчезновение товаров, рост диспропорций и, как следствие, обогащение небольших групп населения без всякой связи с их хозяйственной активностью.

Как же быть? Какой, собственно, стратегии следует придерживаться, проводя реформу с целью внедрения рынка в социалистическую экономику? На мой взгляд, для эффективной стратегии требуются в первую очередь совершенно иные шаги. А именно: демонополизация промышленности (разукрупнение производства); региональная децентрализация при принятии хозяйственных решений; «размыкание» экономики вовне. Иначе говоря, требуется политика, которая бы активно способствовала экспорту. Требуется построение такой рыночной инфраструктуры, при которой стали бы возможны реальные преобразования в области собственности: всемерная поддержка частного сектора при одновременном расформировании сектора государственного.

Для стратегии такого рода потребуется весьма значительный государственный протекционизм, но ее преимущество — в сведении к минимуму гиперинфляции, коррумпированных связей, чрезмерного обогащения некоторых групп населения в результате спекуляции.

Разумеется, это всего лишь теоретическая гипотеза. Подобную стратегию еще не выбирала ни одна страна, где делались попытки осуществить переход к рыночной экономике. И прежде всего потому, что негативные явления в «экономическом прошлом» были связаны со всемогуществом государства, с его чрезмерной политизированностью. Именно поэтому в поисках практических путей обычно возлагают чересчур большие надежды на неограниченную свободу рынка, который, дескать, сам собой приведет к желательному преобразованию социалистической централизованной экономики. Но при этом обычно забывают, что рынок становится эффективным механизмом распределения только там, где уже имеется сильный частный сектор и где не проводится никаких глубинных преобразований — ни в структуре производства, ни в структуре собственности. Богатый опыт стран с развитой рыночной экономикой показывает, что сокращение военно-промышленного комплекса, перестройка структуры промышленности, размыкание экономики вовне и смягчение социальной напряженности были невозможны без широчайшего государственного протекционизма. Во всяком случае без него не обойтись, пока речь идет о специфическом переходном периоде от централизованной экономики к экономике рыночной.

Все, о чем мы рассуждали, конечно, еще не ответ на вопрос о будущем экономики в странах «реального социализма». И вот почему. Будущее стран Восточной Европы и их экономических систем может и должно стать разнообразным. На руинах авторитарного социализма не будут произрастать некие повторяющие друг друга формы и образовываться сходные экономические структуры. И я не вижу оснований предполагать, что в течение ближайших десятилетий произойдет полный переход к частнособственнической экономике, целиком и полностью основанной на рыночных правилах игры. Такая возможность вероятна в крайнем случае для одного-двух государств. Не думаю, чтобы такой процесс приобрел всеобщий характер в обозримом будущем на протяжении одного-двух поколений... А прогнозы относительно более отдаленных сроков вряд ли имеют какую-то ценность.

Итак, что же может возникнуть на руинах тоталитаризма? Разнообразные модели смешанной экономики. Здесь мне видятся два основополагающих признака. Во-первых, это будут такие экономические модели, в которых важную роль станет играть частная собственность. Это значит, что процесс перестройки социалистической экономики в большей или меньшей степени должен связываться с развитием частного сектора. Во-вторых, рыночные механизмы распределения средств производства займут доминирующее положение при постоянной поддержке — в большей или меньшей мере — со стороны государства посредством государственного протекционизма.

Открытым остается целый комплекс вопросов, связанный с частным сектором, в том числе по объему частного сектора и по способу его образования. От этого зависит развитие государственного сектора. Лично мне здесь видятся две гипотезы. Первая заключается в том, что относительный и абсолютный объем государственного сектора должен сократиться. Как и насколько — сказать трудно, пока не пришло время практических решений. Но чисто теоретически можно предположить, что доминирующее положение государственного сектора будет уходить в прошлое. В будущем он обязательно останется одним из значительных секторов, но ни в коем случае не крупнейшим. И тогда наверняка появятся существенные различия между отдельными странами. Независимо от доли государственного сектора в экономике государственные предприятия вынуждены будут принципиально измениться: они получат полную или почти полную самостоятельность и, кроме того, в своей деятельности (и это должно затронуть большинство предприятий) должны будут использовать правила рыночной экономики.

Вторая гипотеза предполагает, что частный сектор расширит область своего влияния в экономике, оказывая сильное воздействие на формирование экономических правил игры, которые благодаря фактическому введению рынка займут доминирующее положение даже для предприятий общественного характера, таких, как всевозможные товарищества, коммунальные предприятия, предприятия с широким распределением акций, самоуправляемые предприятия или государственные предприятия и так далее, и тому подобное.

Обе гипотезы наталкивают на мысль: независимо от отношений собственности, то есть от соотношений между сектором общественной собственности (к которому относятся не только государственные предприятия, но и коммунальные, кооперативные и т. п.) и частным сектором, рынок будет действовать как механизм распределения. В то же время на довольно длительный срок, а возможно, и навсегда, будет сохранена некая форма государственного протекционизма, при которой главными регуляторами останутся рыночные механизмы, а не директивные указания. Сохраняя свое влияние на экономику, государство в то же время изменит свое участие в определении того, что желательно или чего следует избегать в хозяйственной деятельности.

Этот фрагмент нашего сценария на будущее, казалось бы, выглядит само собой разумеющимся, и все же некоторые вопросы остаются не выясненными ни в расчете на ближайшее будущее, ни на сроки средней удаленности.

Первая неясность: как должно происходить образование и развитие частного сектора? Рассматривая возникновение новых частных предприятий на основе индивидуального капитала (при поддержке внутренними и зарубежными банковскими кредитами), мы не видим особых затруднений. Несколько более сложным представляется другой тезис — разобществление государственного сектора. Если уменьшение государственного сектора посредством передачи собственности в частные руки будет проходить по нормальным рыночным принципам, то этот процесс станет протекать чрезвычайно медленно. По оценкам, произведенным в Польше, мы пришли в конце концов к выводу, что таким путем можно «приватизировать» около 5—7 процентов государственной собственности ежегодно. Как правило, это будет относиться к мелким промышленным и торговым предприятиям, к жилому фонду и т. п. Можно, конечно, «приватизировать» и государственные предприятия — с многочисленными и долгосрочными льготами (распределять акции среди коллективов предприятий, ввести самоуправление...), но в этом случае «приватизация» окажется неполноценной — еще один экономический инвалид! — и рыночный эффект может оказаться неудовлетворительным.

Другая, по моему мнению, важная проблема, которой не уделяется достаточного внимания в дискуссиях о преобразовании постсталинистского социализма, связана с тем, что называют «духом предпринимательства». Люди слишком часто и достаточно наивно полагают, будто каждый или почти каждый имеет склонность к предпринимательству. Но это далеко не так. В любом обществе число тех, кто годится для такой деятельности, едва ли превышает 5—7 процентов от общей численности населения. И нет никаких причин полагать, будто общество, жившее до сего момента в условиях тоталитаризма, располагает предприимчивыми людьми больше, чем другие общества (не говоря уже о наличии капитала для такой деятельности!). И если я прав, то процесс приватизации «снизу» (пусть даже общественное мнение воспримет все это с благожелательностью) вряд ли пойдет достаточно быстро.

Переход к рыночной экономике в любом случае не может пройти для общества безболезненно. Людям придется сталкиваться с высокой степенью инфляции, с безработицей, с остановкой и закрытием предприятий, резкой разницей в доходах. Это неизбежно подорвет экономическое положение населения, даже если оно и было на низком уровне и не обеспечивало удовлетворение основных потребностей. Вот о чем не хочется думать никому. Можно, конечно, предположим, путем референдума получить согласие общества на проведение «великого исторического эксперимента», но кто может сказать, на какой срок? Переход к частнособственнической рыночной экономике потребует глубинной перестройки общественного сознания. А это длительный процесс. Никто не в состоянии дать точный ответ на вопрос о том, сколь глубоко укоренились в сознании людей выработанные в ходе построения экономики социализма принципы государственного попечительства. Сколько времени нужно, чтобы это переменить? Рыночная экономика означает не только иные хозяйственные правила игры, не только иные учреждения и отношения, но и иной способ мышления. Требуется перестроить не только экономическую систему, нужна всеохватывающая перестройка в умах людей.

Последние события в Восточной Европе окончательно убеждают нас: мы стали свидетелями конца социализма в его нынешнем виде. Это касается не одного какого-то государства, но их большинства. Пока еще, однако, не ясно, в каком объеме и в каком темпе пойдут перемены в каждой конкретной стране. На развалинах теперешней системы будут образовываться различные, в отдельных странах, системы смешанной экономики, с различными субъектами собственности и с доминирующим влиянием рынка на весь ход экономических процессов.

Революция в Восточной Европе волнует умы. Отсюда и желание заглянуть в ближайшее будущее. Перемен хотят все. Но они не будут простыми. Какими же конкретно? Покажет время.

Варшава

Перевод Г. ЛЕОНОВОЙ

МОСТ ЧЕРЕЗ ПРОПАСТЬ

Виктор ШЕЙНИС

В спорах о перспективах нашей экономики все чаще возникает устрашающий образ — пропасть. Она настолько глубока и широка, что любая попытка преодолеть ее одним прыжком — самоубийственна, говорят одни. Пропасть нельзя перепрыгнуть в несколько скачков: это азбука, возражают им другие. Ее вообще не следует преодолевать: по ту сторону нас не ждет ничего хорошего, пугают третьи, надо лишь подремонтировать дом, в котором мы живем, ибо проект его был великолепен.

Мы привыкли искать решения на уровне терминов: промелькнуло было словосочетание-уродец «планово-рыночная экономика» — сказочный социалистический «тяни-толкай», призванный вызволить нас из беды. Теперь на смену ему пришел «регулируемый социалистический рынок». Можно было бы порадоваться прогрессу, но нарастающий развал народного хозяйства обгоняет не только теоретические дискуссии, но и экономическую политику.

Ибо политика эта до сих пор подчинена идеологии «социалистического выбора» — набору догм, которые давно утратили содержательный смысл и выражают интересы тех разнородных и, к несчастью, немалочисленных социальных слоев, которых страшит переход к рынку. Между тем рынок, как и демократия, не может быть социалистическим или капиталистическим. Либо он функционирует как механизм, в котором потребитель своим полновесным рублем определяет, что и в каких количествах должно быть произведено, а производитель, не подчиненный ни Госплану, ни райкому, воспринимает сигналы обратной связи и рискует головой или, точнее, своим экономическим существованием, если он эти сигналы уловить не может или откликнуться на них не умеет. Либо он существует в искореженном виде, обеспечивая «плановой», централизованной экономике ту «смазку», без которой она вообще существовать не может.

Выбор экономической политики, на который до сих пор не может решиться наше государство, находится под жестоким прессингом с двух сторон. Некоторые радикальные экономисты настаивают на немедленном и полном демонтаже системы, вне которой не могут представить свою жизнь десятки миллионов наших сограждан. Осуществление их рекомендаций может привести лишь к социальному взрыву.

Но гораздо более сильное давление идет справа. Людей запугивают возвратом к капитализму, утратой социальных

гарантий, воцарением дельцов теневой экономики. При этом сознательно стирают грань между всякой деятельностью, неподконтрольной бюрократическому государству, и операциями воров и спекулянтов.

Цифры впечатляют, но когда приводятся никем никогда не обоснованные данные о сотнях миллиардов рублей, на которые «теневики» вот-вот скупят все наши богатства, умалчивают о главном: теневая экономика всегда и везде сопутствует недоразвитому рынку. Нас запугивают ужасами «эксплуатации человека человеком», не желая замечать, что уже не одно поколение людей в нашей стране — жертвы чудовищной сверхэксплуатации со стороны монополиста-государства. Не много найдется в мире стран, где бы столь малая часть национального дохода доставалась трудящимся в виде заработной платы. И беда наша не столько в том, что «номенклатура», обладая привилегиями, утаскивала и все еще продолжает утаскивать самые жирные куски общественного пирога, сколько в том, что пирог этот скуден, ибо государство, сконцентрировавшее в своих руках и собственность, и управление экономикой,— плохой, расточительный, безответственный хозяин. Доходы подпольных дельцов не идут ни в какое сравнение с тем, что губит и расхищает наша система хозяйства.

Перестроить эту систему, дать возможность трудящемуся человеку, каждому предприятию зарабатывать по результатам их труда, оцененным потребителем, а не по «количеству и качеству», бог весть кем учтенным и тарифицированным, и одновременно поставить производителей в условия экономического риска и достаточно жесткой конкуренции, которая будет сдерживать рост цен так, как это не в состоянии сделать ни исполкомы, ни милиция,— в этом, в сущности, и состоит переход к рыночной экономике.

Поскольку реального движения в этом направлении нет, все громче звучат голоса тех, кто убежден, что дальнейшее топтание на краю пропасти смерти подобно, что откладывать прыжок дальше нельзя. Надо немедленно, говорят нам, высвободить экономику из каркаса жестких внеэкономических ограничений: упразднить хозяйственные министерства, отнять распорядительные функции у Госплана, заменить Госснаб оптовым рынком, снять контроль над ценами, немедленно передать в частную собственность предприятия, которыми распоряжаются чиновники, закрыть убыточные заводы, колхозы, совхозы, немедленно ввести конвертируемость рубля и т. д. Наша экономическая система настолько устойчива и вязка, что она всасывает в себя, как в трясину, все частичные реформы. Это доказано всем опытом с середины 50-х годов. Исправить ее может только лечение шоком.

Этому подходу нельзя отказать в экономической логике. Но его сторонники, на мой взгляд, рассчитывают на успех чисто лабораторного опыта, отвлекаясь от многосложной экономической и особенно социальной действительности нашей страны, от величайшего разнообразия ситуаций на ее громадных пространствах, от мощных социокультурных стереотипов, регулирующих также и хозяйственные ориентации людей, от комплекса международных условий — от всего, что не поддается немедленным волевым изменениям.

«Шоковая терапия» вовсе не всегда приносила позитивные результаты. Об этом свидетельствует опыт близких к нам по уровню развития стран третьего мира. Можно сослаться на пример Аргентины, где неоднократные попытки лечения шоком не дали ожидаемого результата. Наше положение еще сложнее, ибо переход к развитому рынку от неразвитого все-таки легче, чем от нашей казарменно-распределительной системы, получившей кроткое наименование административно-командной.

Нетрудно представить, что было бы, если бы были взяты на вооружение рекомендации сторонников немедленного и всеобщего перехода к рынку и массовой приватизации собственности в стране, где плановая анархия сформировала хозяйство с чудовищными структурными перекосами, «самоедскую экономику». Где режим настойчиво превращал работника, по меткому выражению Т. И. Заславской, в лукавого и ленивого раба (вся надежда в том, что он не до конца преуспел в этом). Ближайшим результатом стал бы колоссальный взлет цен. Резко обострился бы дефицит самых необходимых товаров, так как мгновенно распавшаяся цепочка административных связей не может быть мгновенно замещена рыночным. Массовое банкротство убыточных предприятий превратит неэффективную занятость в открытую безработицу. С одной стороны, возникнет армия незанятых, неприкаянных людей, материальная поддержка которых со стороны общества будет серьезно осложнена резким падением производства и сокращением государственных доходов, а с другой — откроется поле для обогащения немногих за счет спекулятивной деятельности, не создающей новых товаров и услуг. Чтобы оценить социальные последствия всего этого, не требуются ни историческое образование, ни богатое воображение.

Так что же делать нам, остановившимся перед пропастью и сталкиваемым в нее самим ходом вещей? Первое — понять наконец, что на другой ее край все равно надо перебираться, если мы не смирились с окончательным превращением в слаборазвитую страну, если мы не хотим все ниже опускаться на мировой шкале экономического развития, где мы находимся сейчас на 68 месте по валовому продукту на душу населения и 77-м — по личному потреблению, отставая не только от США и западноевропейских государств, но и от Ливии, Кипра, Мальты и Пуэрто-Рико. Понять наконец, что рынок и многообразие форм собственности (государственной, акционерной, партнерской, частной, смешанной и т. д.) не атрибут капитализма, который давно уже не таков, каким его видели Маркс и Прудон, Ленин и Бернштейн, и не антипод социализма, который не состоялся как более высокая социально-экономическая формация, а универсальное достижение общечеловеческой цивилизации.

Второе: прекратить споры о том, как перескочить через пропасть. Ее нельзя перепрыгнуть ни в один, ни в несколько скачков.

Третье и главное: не откладывая долее и не отвлекая силы на заведомо обреченные эксперименты, строить мост. Дело это небыстрое и трудное. По легким конструкциям наскоро наведенного строения сначала пройдет авангард, закрепится на другом краю, получит соответствующее материальное и моральное вознаграждение, и тогда можно будет заняться более капитальным строительством с обеих сторон.

Если перевести этот образ на более строгий, экономический язык, то речь идет вот о чем. В дискуссиях последнего времени отчетливо обрисовались две крайних позиции: нельзя перейти к рынку, пока не созданы минимально необходимые балансы; нельзя сбалансировать и поставить на здоровую основу экономику, не создав рынка со всеми положенными ему отделениями (товаров, денег и ценных бумаг, природных ресурсов, информации и рабочей силы) и не освободив производителей от административной опеки. Оздоровить экономику до реформы — то же, что вылечить больного, не приступая к лечению.

Это противоречие не просто разных доктрин, а самой жизни. Выход из него до сих пор пытались найти, замедляя темп преобразований, равно одергивая тех, кто «тянет назад» и «забегает вперед», и осуществляя незначительные «рыночные» вкрапления в административно управляемую экономику.

Путь этот бесперспективен. Союзное правительство в последние месяцы обнаружило не только неготовность провести действительно радикальные реформы, но и поразительную некомпетентность, неспособность предвидеть даже ближайшие результаты своих действий. Это слабое и непопулярное правительство не в состоянии выдерживать натиск со всех сторон, но уступки, на которые оно идет, не облегчают положение, а заводят экономику и общество все дальше в тупик.

Действительный выход, однако, не в безоглядном сокрушении всех административных структур и не в сдерживании переходного процесса, а в его ускорении, но на основе двух разных программ, одна из которых должна быть нацелена главным образом на рост производства и повышение его эффективности в жесткой конкурентной среде, а вторая — на подстраховку движения по неизведанным путям, организацию, хотя и на более рациональной основе, перераспределительных процессов. Разные задачи предполагают не просто использование различных инструментов, а курс на создание двухсекторной экономики, которая опробована в ряде успешно развивающихся стран третьего мира.

Долговременная основная программа — переход к рынку, законодательное и фактическое уравнение форм собственности, энергичное «разгосударствление» преобладавшей части национального достояния, демонополизация экономики, открывающая поле для конкуренции, юридическое и функциональное разделение госсектора, который должен быть существенно уменьшен, и государственного экономического регулирования (которое должно быть радикально преобразовано) и т. д. Эту программу можно проводить только по частям, распространяя ее с одного участка экономики на другой.

К числу самых срочных мер следует отнести передачу средств производства (бесплатно или на льготных условиях) в коллективную или частную собственность тем экономическим субъектам, которые способны в кратчайшие сроки удовлетворить наиболее напряженные потребности в товарах и услугах и ближе всего стоят к производству конечного продукта. Им, а не кому-либо иному, надо обеспечить режим наибольшего благоприятствования. Это единственное и универсальное, доказанное всем мировым опытом средство сделать неэффективную экономику эффективной.

Между тем мы упустили возможность создать уже в текущем году весомый фермерский уклад и вот-вот, подчиняясь требованиям тех, кто не желает «поступаться» известными принципами, направим новые миллиардные инвестиции в феодально-социалистический сектор на селе.

Ценообразование в рыночном секторе экономики должно осуществляться на договорной основе и опираться на твердые деньги. Эффективной экономике надо гарантировать стабильность, оградить от «дерганья» и произвольных поборов, и тогда она выполнит роль локомотива по отношению ко всему народному хозяйству.

Как быстро такая программа может быть реализована? Многие завороженно смотрят в прошлое, когда введение нэпа разом изменило хозяйственную ситуацию. Но сейчас иные времена. Реорганизовать нынешнюю монополистическую структуру нашей многосложной экономики, восстановить рынок в его правах, создать конкурентный механизм, сбивающий цены, и возродить трудовую мораль, о которой не ведают уже несколько поколений, неизмеримо труднее, чем заменить продразверстку налогом в крестьянской стране после нескольких лет войны и разрухи.

Для решительных, хотя бы и паллиативных мер, которые должны ощутимо изменить к лучшему условия и качество жизни десятков миллионов людей, большого срока у нас уже нет. Резерв времени за пять лет перестройки, которая ухудшила, а не улучшила экономическое положение миллионов людей, уже израсходован. Усталость от слов и лозунгов чем дальше, тем больше будет формировать армию недовольных, работать против перестройки. Поэтому нужна вспомогательная программа экономического оздоровления и социальной защиты, которая позволит, с одной стороны, избежать резких и неконтролируемых обострений хозяйственной ситуации в процессе перехода к рыночной экономике, а с другой — дать быстрый и непосредственный эффект. Эта программа должна включать соответствующие амортизирующие и компенсационные меры. Эффективная система социального обслуживания и защиты — это и есть основные несущие конструкции моста через пропасть.

Механизмы социальной защиты, сложившиеся не только на Западе, но и в ряде стран третьего мира, нам надо создавать заново. Это прежде всего компенсационные меры против инфляции. Нет необходимости заново изобретать велосипед: опыт индексации доходов, в особенности малообеспеченных слоев населения, накоплен и на Западе, и в ряде стран Латинской Америки: пенсии, стипендии, пособия и заработная плата повышаются там на основе дифференцированных коэффициентов вслед за тем, как комиссии, включающие независимых экспертов, установят подорожание потребительской корзины.

Не миновать нам, если мы всерьез готовы заняться структурной перестройкой экономики и ликвидировать фиктивную занятость, массового перемещения людей с привычных рабочих мест. Существование безработицы в некоторых районах страны признано теперь официально.

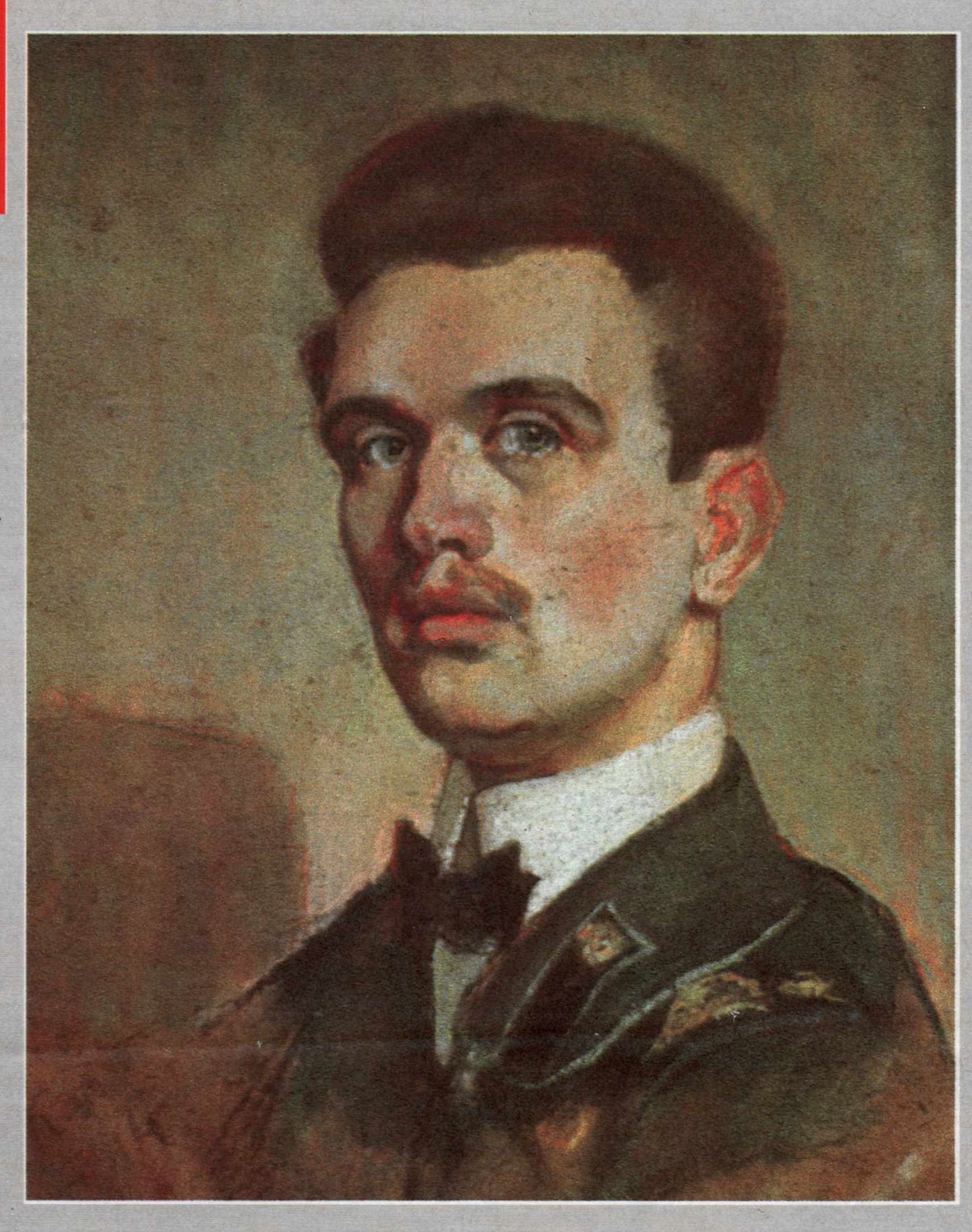
Безработица, неустроенность судеб десятков тысяч обездоленных уже показали свою взрывчатую силу. Промедление с созданием механизма переподготовки, переобучения и переселения, когда счет пойдет на сотни тысяч или даже миллионы людей, смерти подобно. Надо вводить пособия по вынужденной безработице, обеспечивающие скромный, но пристойный уровень жизни. Поощрять нетрадиционные или забытые у нас виды занятости, не требующие больших капиталовложений. Немаловажной сферой приложения труда может стать заброшенная российская деревня, если только недавние выходцы из нее, не утратившие вкус к труду на природе и испытавшие неустроенность городской жизни, поверят, что никогда не повторится трагедия «раскулачивания» и что в заброшенные родительские дома их зовут хозяевами, а не подневольными работниками.

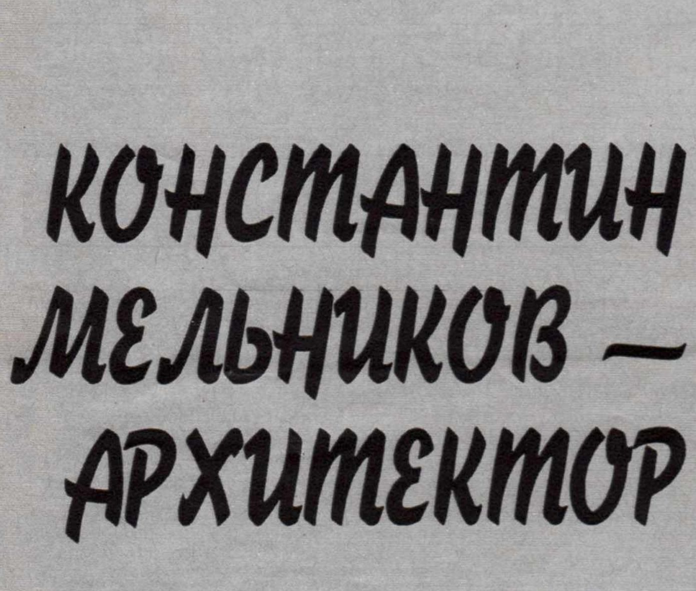
Переход к новой экономике и новому обществу будет трудным — неустанно повторяется в официальных заявлениях. Это верно. Безответственно обещать людям, что в ближайшие годы у нас будет «как в Швеции», но не менее безответственны и даже провокационны заявления, что, начни мы настоящий переход к рынку, стране обеспечена участь Бангладеш. Наше продвижение вперед экономически в самое ближайшее время, не позже, чем в течение года-двух, должно быть подстраховано переломом на потребительском рынке и введением в строй мощной системы социальной защиты тех десятков миллионов наших сограждан, которым недостает не только товаров в магазинах, но и денег в кошельках.

Немедленно возникает вопрос: где взять для этого ресурсы? Со временем, конечно, их даст эффективный сектор: в него будут втягиваться все новые контингенты трудящихся, он даст внушительные налоговые поступления в казну. На это в лучшем случае, если мы наконец всерьез примемся за проведение реформы, уйдет несколько лет. Но

Продолжение на стр. 17.

ОГОНЁК

АВТОПОРТРЕТ.

«А сейчас хочу быть со всеми вами в гостях у Архитектуры. Она ждет объявления войны унынию, войны имитированию и чтобы взвился, наконец, желанный кубок за честь и мужество авторов нашей эпохи, авторов прошедших веков и будущих авторов будущей Архитектуры».
К. Мельников

В МАСТЕРСКОЙ.

ПРОЕКТ ПАМЯТНИКА ХРИСТОФОРУ КОЛУМБУ.

К. С. МЕЛЬНИКОВ В СВОЕМ ДОМЕ.
Из архива семьи.

22 июля 1990 года одному из величайших архитекторов двадцатого столетия, Константину Степановичу Мельникову, исполнилось бы сто лет. А Возлюбленная его — Архитектура (так, с большой буквы, писал сам К. С. Мельников) — по-прежнему молода, неповторима, продолжает сверкать «солнечным блеском развернутой формы». Но только не для нас. Для соотечественников она остается скрытой в нереализованных проектах, в его, Мельникова, изуродованных до неузнаваемости зданиях. Шедевр мировой архитектуры — дом Мельникова в Кривоарбатском переулке, о бедственном положении которого писал «Огонек» два года назад, сейчас под угрозой гибели.

По инициативе Союза архитекторов СССР и по представлению советской Комиссии по делам ЮНЕСКО, в 1990 г. юбилей К. С. Мельникова официально отмечается во всем мире. В странах Европы, Америке, Японии идут чествования памяти советского архитектора.

Еще два года назад родилась идея — провести в Москве фестиваль советского архитектурно-художественного авангарда 20—30-х годов, приуроченный к столетию со дня рождения

К. С. Мельникова. Но благие намерения в основном так и остались на бумаге.

Разобранной крышей и лесами вокруг дома Мельникова, погибшим от нерадивости строителей сухим садом отмечаем мы юбилей основателя новой архитектуры XX века.

За мастером осталась вечность. Не случайно эпиграфом к своей книге «Архитекторское слово в его архитектуре» Мельников взял строку Гомера «Бессмертны они и никогда не старели».

Сын архитектора, 75-летний художник Виктор Константинович Мельников, самый близкий ему по духу человек, на мою просьбу рассказать об отце ответил: «Мне не хочется навязывать людям свои воспоминания. Отца рисует его рукописный труд, который нельзя дробить, нельзя вырывать из него куски. Чтобы понять человека Константина Мельникова, нужно читать все от начала до конца».

У нас нет возможности напечатать полностью «Архитекторское слово в его архитектуре». И все же рассказанное самим Мельниковым сегодня важнее здравиц и искусствоведческих исследований.

Замечу, что на Западе изданы десятки монографий и книг о Мельникове. На родине их было две: маленькая брошюра и довольно серьезное исследование «Мир художника» (1985 г.), объединившее автобиографические и профессиональные тексты Мельникова, многочисленные отзывы современников.

Книга прошла семнадцатилетний путь редактирования и запретов. Она старательно подгонялась под аксиому, что «выходец из рабочей семьи» мог принять революцию только как спасение. Но Константин Мельников был глубоко

НОВО-СУХАРЕВСКИЙ РЫНОК В МОСКВЕ.
ПРОЕКТ К. С. МЕЛЬНИКОВА. ОСУЩЕСТВЛЕН В 1924—26 гг. СНЕСЕН В 30-е.

КОНСКАЯ ГОЛОВА.

SOCIALISTES

верующим русским человеком, не признающим спасения на крови. Сравним напечатанное с рукописным оригиналом.

В книге: «Знаменательное совпадение: в один и тот же год, 1917-й, я закончил образование, и в тот же год закончилась и та жизнь, в которой я 27 лет жил до тех пор. Хорошо, что мне 27 — выносливые годы, еще не одеревеневшие. Получив звание Архитектора, я вступил в Архитектуру, стоявшую на краю пропасти».

В рукописи: «...В эти годы мы, русские, сами ли, или нам подстроили, взорвали наш дом и расходившиеся волны швыряли нас от голода к голоду. Было страшно за нас всех, однако выжили. К сожалению, не все... и даже много близких, тогда пропавших.

Живопись и Архитектура — мои сверстники. Слабо, слабо, чуть-чуть мы дышали в этой смеси надежд и гибели. Слово «новое» равнялось холоду и голоду, действия равнялись дню, опыт остановился... Фатальное совпадение: в один и тот же год, 1917, я закончил образование и в этот же год закончилась и та жизнь, в которой я 27 лет жил.

Получив высшие знания, я оказался строителем пропасти».

В страшные годы голода, войны и разрухи Мельников продолжал работать, ощущая стократный прилив энергии, потому что начинать надо было с пепелища.

«У Архитектуры был просвет на весь свет и был он только у нас — в кровяных лужах выпавшей из гнезда России зарождалось обновление. После многовековой летаргии она очнулась, явилось счастье для нас, Архитекторов, создать свой яркий стиль Новой Жизни. Эту редкую возможность мы спугнули сами в 20-х годах...»

Блестящий ученик Коровина, Мельников пришел в архитектуру из живописи. «...Кисть у меня сменилась инструментом линий, и в линиях живопись обрела себе дом». Яркой звездой на архитектурном небосводе восходит его имя в начале двадцатых. «...Взвился МОЙ ЗОЛОТОЙ СЕЗОН»,— напишет он впоследствии.

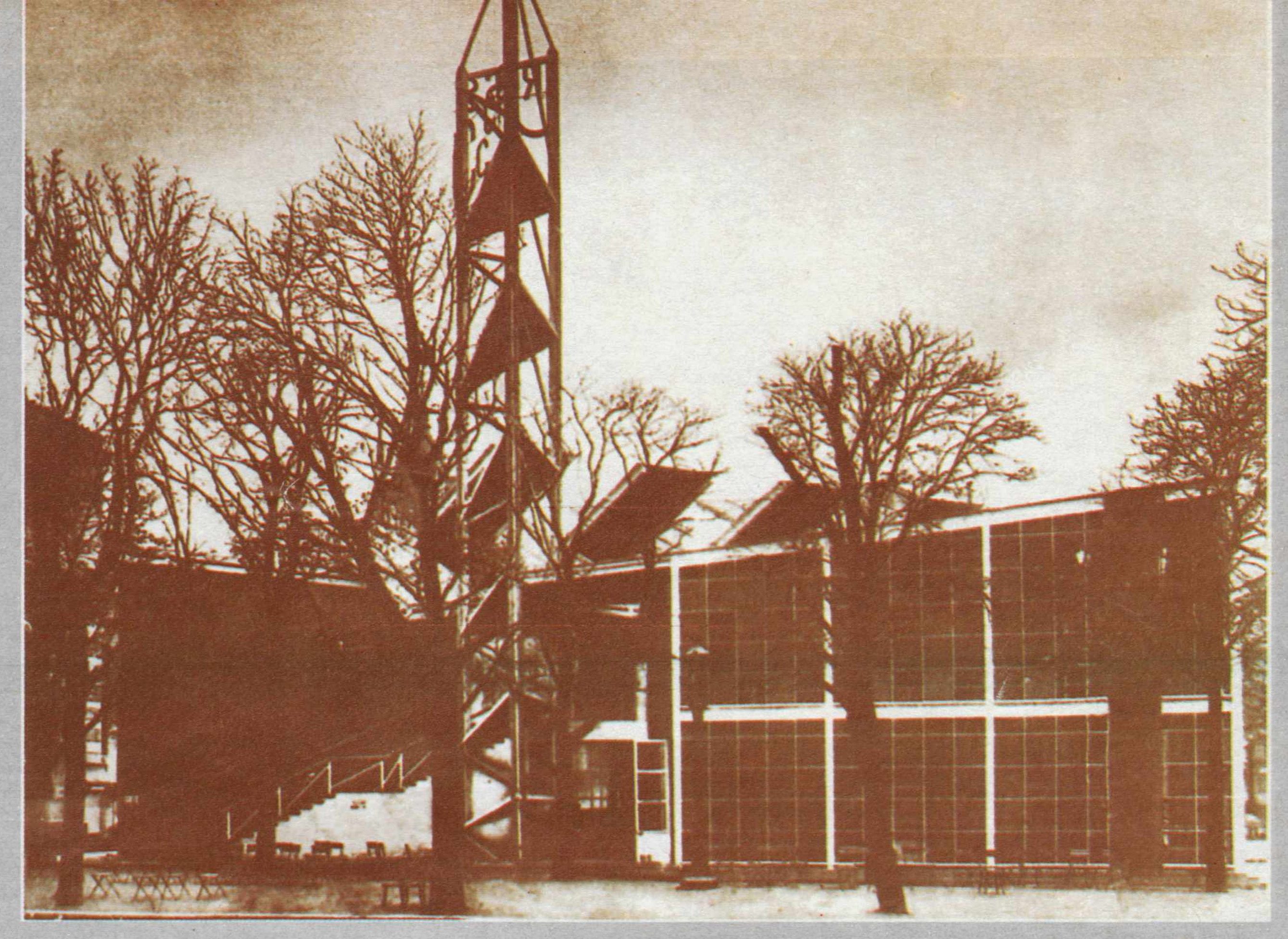
Павильон Махорка, Саркофаг, Сухаревский рынок, Парижский павильон 1925 года, собственный дом в Кривоарбатском, гаражи, клубы... «Как в полусне, и в особенности здания клубов, проектировались мною не просто как здания, я составлял проект грядущего счастья... Их было семь, как в гамме, семь архитектурных тем...»

«Но новаторствам Мельникова пришел конец, когда был созван всесоюзный съезд архитекторов,— в тысяча девятьсот тридцать шестом году Мельникова изолировали и отстранили от его профессии»,— сказал в своей речи по поводу кончины Мельникова в 1974 году профессор Принстонского университета Фредерик Старр, выступая на радиостанции «Голос Америки».

Увы, американский профессор ошибся на целых пять лет: «блестящее десятилетие», по словам самого зодчего, продолжалось с 1921 по 1931 год. Травля началась уже в 1932 году.

«В 1932—33 годах часами просиживал я в кабинетах знатных коллег, напоминая им каждый раз о тяжелом голоде, безработной жизни. Позор мой вдруг резко сменился неожиданностью — я оказался из всех нас достойным занять персональное место на международной выставке Триеналь ди Милано. Таких приглашений для архитекторов на все государство было всего только двенадцать, и вот одно из них, идя на почту, держал в одной руке письмо, а в другой сумку с пустыми бутылками, набранными для продажи, чтобы отправить письмо в Милан.

Из всех Триеналей — Пятый 1933 года — был изумительным явлением в наш век, в современных залах Дворца соревновались 12 имен современной Архитектуры: Сант-Элиа, Фрэнк Ллойд Райт, Корбюзье, Лоос, Мендельсон,

ПАВИЛЬОН СССР НА ВЫСТАВКЕ В ПАРИЖЕ. 1925 г.

АВТОПОРТРЕТ.

СУВОРОВ.

Мис-ван-дер Роэ, Гроппиус, Дюдок, Гофман, Люрса, К. Мельников, О. Перре».

Константина Степановича не пустили в Милан. В Италию уехали только его проекты. Впоследствии он напишет, что «новейшие приемы строительства, пока их новизна не сменится новой новизной, принимаются ими за архитектуру и что авторы ее с великим достоинством заменяют в себе художника инженером».

«Как я одинок, будучи в букете знаменитостей»...

Что спасло архитектора и членов его семьи от заключения? Позволю себе мистическое предположение. Говорят, чтобы уберечься от напасти, надо обвести вокруг себя круг, зажечь свечу и молиться. Два цилиндра, слившиеся вопреки всем правилам архитектуры в дом с надписью «КОНСТАНТИН МЕЛЬНИКОВ АРХИТЕКТОР», «настойчиво оповещающий о высоком значении каждого из нас», горящая перед образами лампада и самозабвенная молитва во имя «Возлюбленной Архитектуры» — спасли и сохранили.

«Наш дом, что соло личности, гордо звучит в гуле и грохоте нестройных громад столицы и, как будто суверенная единица, настраивает с волевой напряженностью ощущать пульс современности.

Я один, но не одинок: замкнувшись от миллионного гама людей, открываются внутренние просторы человека. Сейчас мне 76 лет, нахожусь в своей резиденции, завоеванная ею тишина сохраняет мне прозрачность до глубины далекого прошлого».

А настоящее томило сердце непризнанием, непониманием, невозможностью воплотить в жизнь задуманное. «Я только что видел Гамлета... и со мной та же лукавая игра — называть меня принцем и не пускать меня в мое королевство».

«Легко усваивается другими то, что им хорошо знакомо, а с новым? как заставить увидеть то, чего нет перед глазами?.. Увидеть Архитектуру по проектам то же, «что услышать музыку по нотам». Константин Степанович однажды грустно пошутил: «Очевидно, что самым идеальным для одаренного архитектора будет то, что ему следует родиться не только АРХИтектором, но и АРХИмиллионером».

...Сделаю небольшое отступление от судьбы Мельникова и вернусь еще раз к судьбе дома. Цивилизованный мир не может допустить, чтобы он исчез с лица земли.

90 тысяч рублей, подаренных художником из ФРГ Гюнтером Юккером на

ПОСТАНОВКА С ДВУМЯ МОДЕЛЯМИ.

реставрацию дома, ушли в песок бесхозяйственности. Сегодня «Вест Дойче Ландес Банк» (ФРГ) предлагает на спасение дома и приведение в порядок близлежащих «руин» несколько миллионов марок, но мы, видимо, еще не придумали, где взять столько «песка», чтобы разбазарить без толку и эту сумму. Около года координатор проекта Михель Гайсмайер не может получить в Киевском райисполкоме столицы никакого ответа. Руководство «Вест ЛБ» надеется, что вопрос о спасении дома Мельникова новый состав райисполкома и новый Моссовет решат в ближайшее время.

Да, те, кто травил Мельникова, были куда решительнее.

В рукописи есть лист, на котором после стихов Байрона:

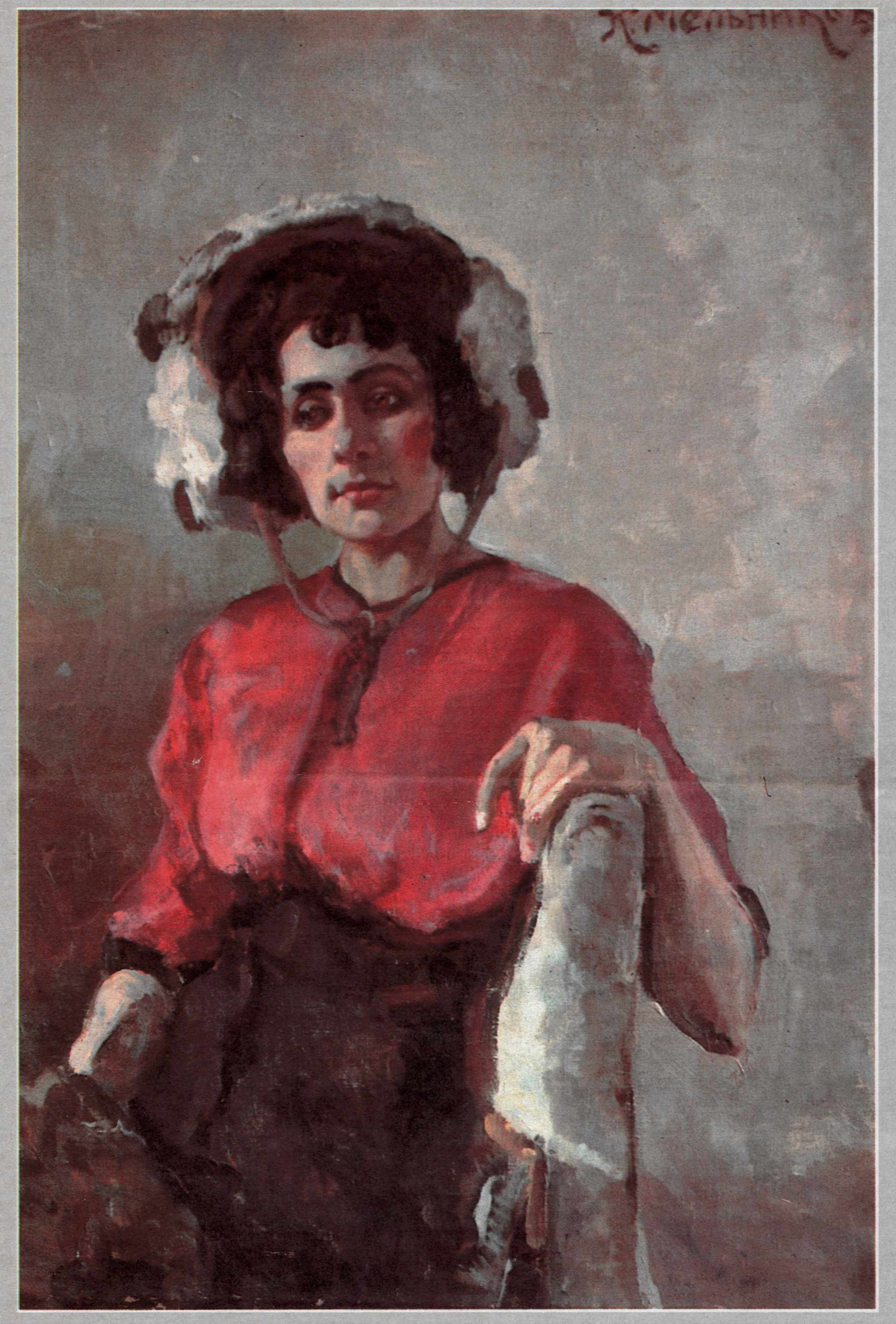
«К партиям не принадлежал,
От всех заслуживаю осуждения,
Но речь моя тем более свежа,
Что я решаюсь плыть против
течения»

сделана только одна запись: «Не совсем точно для меня, но крепко».

Мельников не плыл против течения, потому что всегда был вне всякого течения, оставаясь верным своему девизу: «Творчество там, где можно сказать — это мое». «У меня сильно развито отвращение к плагиату, даже не могу украсть сам у себя». Такая позиция мастера всегда вызывала раздражение. По сей день имя Мельникова пытаются притянуть к какому-нибудь течению. Наиболее эффектно сияет оно при коронации конструктивизма. Но вот что писал сам архитектор: «В наш век появления Конструктивизма, Рационализма, Функционализма АРХИТЕКТУРЫ не стало. Приветствую Татлина и Родченко как ни на кого не похожих и похожих самих на себя, что касается меня, я знал другое, и это другое — не один конструктивизм. Любую догму в своем творчестве я считал врагом, однако конструктивисты все в целом не достигли той остроты конструктивных возможностей, которые предвосхитил я на 100 лет». Такой позиции ему не простили, талант и независимость личности во времена культа личности равнялись приговору. Но и потом «генералы архитектуры» не торопились вернуть истории имя Мельникова.

«Почти сорок лет прошло, как я изъят из списков архитекторов. 40 лет нахожусь в разлуке САМ С СОБОЮ.

Я не скрываю мужества стоять десятилетиями вдали, быть со скрученными руками, молча, и видеть, как Возлюбленную топят в безумном блеске могу-

ФРАНЦУЖЕНКА В СИРЕНЕВОМ.

щественных возможностей для светлых Произведений Строительства».

Чтобы «простили», мужество надо было скрывать. Чтобы дали строить в родной Москве — прийти на поклон. Он не сделал ни того, ни другого, позволяя делиться болью лишь с чистым листом бумаги: «А меня, за что, на выстрел держат от Москвы, родных разъединяют, я родился здесь, век безвыездно живу, я русский и еще, это вы знаете, я АРХИТЕКТОР».

Для многих собравшихся в 1965 году в зале Центрального Дома архитекторов на чествование 75-летия забытого мастера появление юбиляра на сцене было, мягко говоря, неожиданностью. «Неужели живой?» — вырвалось у кого-то из присутствующих. Да, он был живой. Живой Дон Кихот архитектуры двадцатого столетия.

«Печать наша взялась ослепить меня, слепыми щенками держит творения мои. Мои творения дышали в унисон, чего нет даже у архитекторов с партийным лицом.

Что если мне устроить сейчас конкурс? Что бы они выставили против того, что я выставил бы?»

Но до конкурса дело, естественно, не дошло. От Константина Степановича отмахнулись красивым жестом: без защиты присвоили звание доктора архитектуры. А за два года до смерти тот, кого цивилизованный мир поставил в один ряд с гениями русской культуры, удостоился у себя на родине скромного звания заслуженного архитектора РСФСР.

Осенью 1974 года у Мельникова наступило обострение продолжавшегося много лет заболевания — хронического лимфолейкоза. В Кремлевской аптеке в лекарствах было отказано. Он умер в Филевской городской больнице в переполненной палате. Шесть мучительных дней и ночей ждали родные разрешения на захоронение на Новодевичьем кладбище. Но Моссовет, возглавлявшийся тов. Промысловым, так и не дал его. Мельникова похоронили на московском Введенском (Немецком) кладбище среди военных. Организатор похорон перед тем, как внесли гроб на гражданскую панихиду в здание Союза архитекторов, подбежал к родственникам и зашептал: «Медали, ордена давайте скорей!» Но медалей и орденов после Мельникова не осталось, зато остались проекты и дома, картины и мировая слава.

Еще при жизни Константина Степановича Музей имени Пушкина собирался организовать его выставку. Она открылась в ГМИИ имени Пушкина в дни празднования юбилея. Правда, в торжественный Белый зал работы Мельникова не пустили. Мы хотим показать читателям ранние, никогда не выставлявшиеся живописные полотна мастера.

После Москвы выставку ждут в Голландии и ФРГ. Жаль, что так и не организован Фонд Мельникова, задачей которого должно было быть спасение всего наследия архитектора. Гости фестиваля — известные архитекторы мира, представители крупнейших зарубежных фирм — наверняка предложат свою помощь, как это сделали художник Юккер, профессор университета штата Теннесси Петер Лизон, «Вест ЛБ». Достигнет ли она цели на этот раз?

Анна ГОДИК

МОСТ ЧЕРЕЗ ПРОПАСТЬ

Начало на стр. 15.

такого времени на то, чтобы люди почувствовали реальное улучшение в повседневной жизни, у нас нет. Необходимо поэтому немедленно пустить в дело все, что только возможно.

Прежде всего надо закрыть все «черные дыры», в которые проваливается наше достояние. Испытывая сильное общественное давление, правительство идет на увеличение социальных расходов, покрывая дефицит работой печатного станка и обесценивая номинально увеличивающиеся зарплату, пенсии и т. п. Путь оздоровления иной: рост одних расходов надо компенсировать сокращением других, значительно более решительным, чем это делалось до сих пор. Возможности такого сокращения известны.

Это капитальное строительство, начиная с больших и малых «фараоновых проектов», «строек века» и кончая полезными народнохозяйственными объектами, которые все же могут подождать до лучших времен. Квалифицированные заключения на этот счет должна дать независимая экспертиза, прислушивающаяся к голосу экологических и иных общественных движений, а не к нашептываниям ведомств.

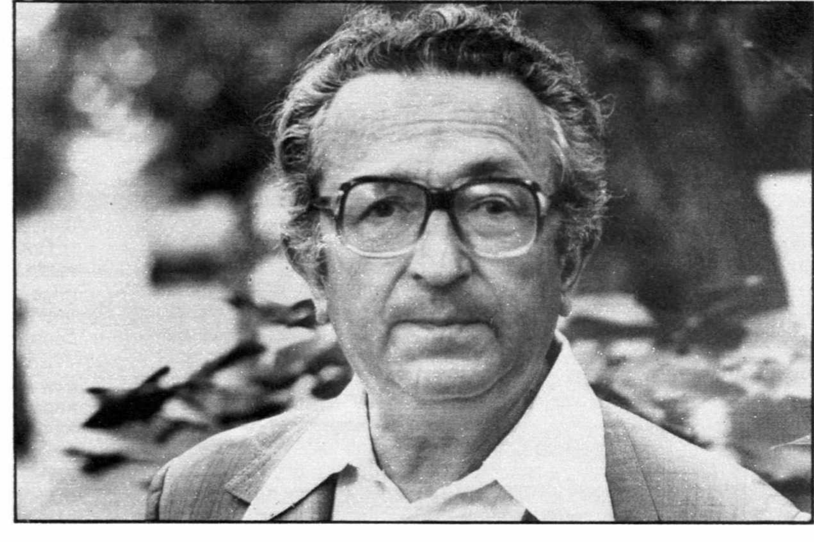
Это все еще непомерно раздутые военные расходы в условиях, когда в мире нет такого врага, который хотел бы завоевать нашу страну и решать за нас наши проблемы. Если мы начнем одностороннее разоружение и переведем затраты на продолжающуюся модернизацию военной техники хотя бы на создание человеческих условий жизни, быта демобилизованных, военнослужащих и их семей, то воинственные генералы лишатся немалой части внимающей им аудитории.

Это не раскрытые пока еще затраты на содержание разветвленных структур КГБ — затраты, общественную целесообразность которых в свете событий в Фергане, Новом Узене, Баку и т. д. еще предстоит тщательно проверить.

Это расходы за пределами нашей страны. Речь идет, конечно, не о гуманитарной помощи голодающим, а о массированных вливаниях режимам, которые десятки лет не могут наладить свою экономику и поддерживаются нами по идеологическим и военно-политическим соображениям.

Надо, наконец, по различным каналам и в разнообразных формах привлечь внешние ресурсы. Немалые резервы, вероятно, таит в себе использование средств, опыта, связей диаспоры наших народов за рубежом.

И еще один, «неэкономический» ресурс жизненно необходим нам в движении по наскоро наведенному мосту через пропасть — доверие к тем, кто по нему проведет. Серьезные экономические перемены всегда и везде предрешались в сфере политики. Приход в России и некоторых других республиках нового руководства, не отягощенного грузом прошлых связей и мертвой идеологии, возникновение независимого рабочего движения, распад старых политических структур дают проблески надежды.

Лев ОЗЕРОВ

БЕЗДНА ЖИЗНИ

* * *

Несмотря на мор и разор,
Не хочу уходить отсюда,
От садов и морей, и гор,
Не хочу покидать простор,
Что исполнен дива и чуда.
Пусть камней повалена груда,
Пусть повсюду щепа и сор,
И болезни, и зло, и мор,—
Не хочу уходить отсюда.

* * *

Я встал еще до рассвета,
И в дымке подумалось мне,
Что нет на волю запрета,
Особенно по весне.

Нам обрубали крылья —
Мы пели песнь топору.
Мы так привыкли к насилью,
Как не привыкают к добру.

СЛЕПОЙ

Опасливо, но не со злостью,
Легко, без жалоб на судьбу,
Он алюминиевой тростью
Прокладывал себе тропу.
Шел не спеша. Вокруг слепого
Шумела суетно толпа.
Ни слова жалобы, ни слова,
Что тяжела его судьба.
Толпа была к нему сурова?
Нет, равнодушно-бестолкова,
Не он, она была слепа.

* * *

Сколько раз говорил я: кончено!
И сводил с современностью счеты,
И сходил с пути на обочину,
Озабоченный сутью работы.

Столько раз от жизни отчаливал,
От царящего в мире разлада.
Столько поводов для отчаянья,
Что отчаиваться не надо.

* * *

Вскоре после твоего ухода —
Будто обрывается струна
И захлебывается природа,
И просматривается до дна,
И раскачивается сосна,
И душевный слышен стон удода,
И, короче, жизнь обнажена,
Бездна жизни, бездна небосвода,—
Вскоре после твоего ухода.

* * *

Это, должно быть, не в нашей власти
Стихия страсти, стихия огня.
Жизнь моя делится на две части —
До тебя и до этого дня.

ОЖИДАНИЕ ВЕЧЕРА

Усилился запах сирени,
И краска закатной тщеты
В движенье морской светотени
Дошла до последней черты,
Когда полутьма светоносна,
Когда от сиянья темно,
Когда корабельные сосны
В небесное смотрят окно,
И многолепестные кисти
Сирени над нами висят,
И звездное небо меж листьев
Мерцает плодами, как сад.

* * *

Слепая лошадь крутит жернова.
Идет и жизнь мою ведет по кругу.
Она слепа, она едва жива,
Хотя на жизнь потеряны права,
Она не знает ничего про скуку,
К скрежещущему так привыкла звуку,
Что не нужна ей неба синева.
Она идет, идет, идет по кругу,
Слепая лошадь крутит жернова.

ДЕТЯМ ЧЕРНОБЫЛЯ

Напряженным было ушедшее лето в профсоюзных здравницах семейного отдыха: в этом году они должны принять 146 тысяч жителей из районов Брянской, Киевской, Гомельской и других областей, пострадавших в результате аварии на Чернобыльской АЭС. Всем хочется отдыхать, конечно, летом и с детьми. А тут еще обостренные национальные конфликты — люди отказываются ехать в Грузию, Армению, Эстонию. Остальным из семидесяти пансионатов Поволжья, Ленинградской области, Подмосковья, Кабардино-Балкарии, Черноморского побережья, Азербайджана, предназначенным для них, приходится работать с повышенной нагрузкой. Особенно когда по одной семейной путевке едут с двумя детьми, а то и бабушка с тремя или четырьмя внуками. Разве таким откажешь? Они же дети Чернобыля!

Так было не раз этим летом в пансионате «Шепси», что в Краснодарском крае. По итогам за позапрошлый год он был удостоен второй премии в соревновании всесоюзных здравниц семейного отдыха. В этом году — первой премии: переходящего приза журнала «Огонек», денежной премии 600 рублей, двух комплектов литературного приложения к «Огоньку», Почетной грамоты Центрального совета и Центрального комитета профсоюза медицинских работников. Четверть века возглавляет этот пансионат Сергей Григорьевич Айвазов. Дети здесь благодаря ему — в центре внимания. Это для них специально составленное двенадцатидневное меню (которое, к слову сказать, выполнять сегодня ох как трудно!) и различные оздоровительные процедуры, не считая морских, от подводного массажа до ультразвуковой терапии и нелекарственных методов лечения...

Вторая премия — комплект литературного приложения к «Огоньку» и Почетная грамота Центрального совета и Центрального комитета профсоюза медицинских работников — присуждена коллективу пансионата «Голубой залив» Феодосийского объединения санаторно-курортных учреждений профсоюзов.

Персональных премий — диплома и комплекта литературного приложения к «Огоньку», Почетной грамоты Центрального совета и Центрального комитета профсоюза медицинских работников и денежной премии удостоены:

М. Е. ГОНЧАРОВСКАЯ — воспитатель пансионата «Восток-6» Ленинградского территориального совета по управлению курортами профсоюзов;

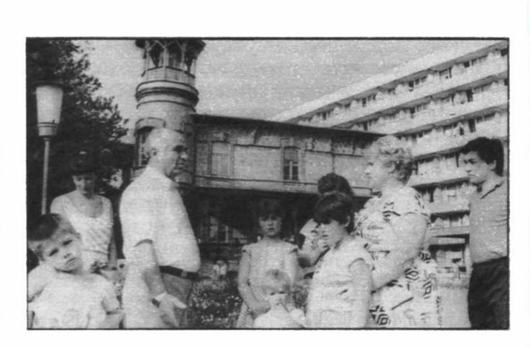
П. Г. МИРОНЕНКО — заместитель директора по культурно-массовой работе пансионата «Буревестник» Горьковского территориального совета по управлению курортами профсоюзов;

С. Н. ФЕДОРОВ — инструктор ЛФК санатория «Светлана» Саратовского областного совета по управлению курортами профсоюзов.

А кто станет лауреатом в 1991-м? Лето будет жаркое: в следующем году пансионатам и домам семейного отдыха предстоит принять 550 тысяч чернобыльцев.

Г. КУЛИКОВСКАЯ

Михаил ЛЮБИМОВ

И АД СЛЕДОВАЛ ЗА НИМ

РОМАН

Глава вторая

О ТОМ, КАК ХЛИПКОЕ ЛЮБОВНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ ВЫРАСТАЕТ В АГЕНТУРНОЕ ДЕЛО С РАСПИСКОЙ, ШАНТАЖОМ, СЛЕЗАМИ, ШИФРАМИ И КОДАМИ, И, КОНЕЧНО, О ВЫСОКИХ МОРАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ КАЧЕСТВАХ ГЕРОЯ, КРУТО ШАГАЮЩЕГО ПО ЖИЗНИ

«Для меня сношения с агентурой — самое радостное и милое воспоминание. Больное и трудное это дело, но как же при этом оно и нежно!»

С. Зубатов,
начальник охранного отделения

Страна должна знать своих героев, и потому откатим наш шарабан туда, где синеют морские края, туда, где гуляют лишь ветер да я, и еще сидит в Архиве за столом печальная Розалия, корябая пером в журнале учета.

Выписка из дела «Ильзы», агентурное сообщение от 27 мая 1937 года:

...«На собрании лейбористской организации района Хаммерсмит я случайно познакомилась со студентом Лондонской школы экономики Генри Бакстоном, сыном сэра Перси Бакстона, влиятельного тори в руководстве Сентрал Офиса консервативной партии. Несмотря на свое аристократически-буржуазное происхождение, Генри имеет радикальные взгляды и тяготеет в некоторых вопросах к партии. В частности, во время споров со мной он сказал, что разочаровался в социал-реформистской политике лейбористов, резко осуждает фашизм в Германии, одобряет действия Коминтерна, однако компартию Великобритании считает сектантской и не имеющей корней в рабочем классе».

Резолюция: «Ильзе» нужно не спорами заниматься, а детальнее изучить взгляды Бакстона. Спит ли она с ним? Раевский».

...Выписка из беседы тов. Андрея с «Ильзой» 6 сентября 1937 года:

«Ильза» сообщила, что, по ее мнению, из Генри Бакстона (в дальнейшем «Эрик») может выйти перспективный помощник. Она с ним не спит, поскольку он не нравится ей как мужчина[1]. «Эрик» убежден, что следующий экономический кризис навсегда сметет капитализм и установит власть трудящихся во всем мире».

Резолюция: «Надо побыстрее забрать «Эрика» у этой дуры и передать его под благовидным предлогом на связь резидентуре. Укажите тов. Андрею на слабое руководство агентом. Непонятно, как она определила, подходит он ей или нет, как мужчина, если она не имела с ним интимных отношений? Раевский».

...Из отчета тов. Андрея о встрече с «Эриком» 20 декабря 1937 года:

«Как было обусловлено с «Ильзой», она появилась с «Эриком» на очередном собрании лейбористской ассоциации Хаммерсмита и села рядом со мною. В перерыве мы разговорились и «познакомились». Я, естественно, делал вид, что вижу «Ильзу» впервые. Представившись как сотрудник торговой миссии, я пригласил обоих в паб на кружку пива. По разработанной легенде, «Ильза» отказалась, сославшись на занятость, и мне удалось пару часов побеседовать с «Эриком» в пабе. На контакт он пошел нормально. Его прогрессивные взгляды в целом подтвердились, и есть возможность работать с ним на антифашистской основе. Мы договорились встречаться регулярно для обсуждения политических вопросов. Я сказал, что, к сожалению, в Англии существуют реакционные силы, которые могут использовать факт наших контактов в своих корыстных целях, и предложил сохранять наши встречи в тайне, не писать, не звонить и не приходить в миссию. В случае срыва заранее обусловленной встречи я предложил ему запасную встречу на том же месте в то же время через неделю. В случае разрыва контакта мы договорились, что связь буду искать я сам. «Эрик» целиком согласился с моими предложениями. Андрей».

...Из заключения по делу «Эрика» от 20 октября 1938 года:

«О существовании «Эрика» было известно бывшему начальнику отделения Раевскому, оказавшемуся врагом народа, а также сотруднику резидентуры тов. Андрею, который вербовал «Эрика» в Лондоне (отозван и расстрелян, как участник левотроцкистской оппозиции и английский шпион)».

Тут я пропускаю несколько второстепенных документов дела, которое я листал в архиве на тяжелую голову после сабантуя с другом детства и Совестью Эпохи Виктором, великим ученым-микробиологом, с которым я делил иногда редкие сокровенные мысли, обсуждал новинки эмигрантской литературы и будущее державы. С ним мы распотрошили ящик сухого вина под песни полузапрещенных бардов («славно, братцы-егеря, рать любимая царя!»), пока не вмешалась Римма и не спровадила его домой.

Не скажу, что в седле я был свеж и прям, но держался на уровне и подарил архивистке Розалии красный «бик», чем навеки покорил ее душу, еще не остывшую от ностальгии по молодым ребятам, вершившим историю в тридцатые годы.

...Из беседы тов. Дика с «Эриком» 20 июня 1940 года:

«Эрик» сказал, что через него в Казначействе, где он сейчас работает, проходит много секретных документов Форин Офиса, Адмиралтейства и других государственных учреждений. Он передал мне целый портфель с материалами для ознакомления. Дик».

...Из письма «Эрика», переданного на встрече с тов. Диком 2 февраля 1945 года:

«Мои дорогие товарищи! Передавая мне сегодня вечером подарок, который меня глубоко тронул, Леонид, сославшись на указания Центра, сказал, что этот подарок должен рассматриваться как выражение благодарности Движения. Он говорил о моей верности, преданности и заслугах, и я благодарю вас не только за подарок, но и за комплименты. Я вспоминаю своего друга, отдавшего свою жизнь в борьбе с фашизмом. Когда его спросили, что в нашем мире доставляет ему наибольшую радость, он ответил: «Существование Движения». Я могу сказать, что не представляю себе, как возможно в моей стране жить человеку, уважающему свое достоинство, без того, чтобы не работать на наше общее дело. «Эрик».

...Из заключения по делу «Эрика» 20 декабря 1948 года:

«С момента поступления в Казначейство до его ухода «Эрик» являлся источником важнейшей секретной информации, которая высоко оценивалась в Инстанциях. На встречах с агентом мы возражали против его отставки, но он заявил, что ему надоело быть пешкой в государственном механизме и он выставляет свою кандидатуру в парламент...»

Тут, если мне не изменяет феноменальная память (блистая цепкостью на тексты, цифры, фамилии и особенно на серии и калибры оружия, она, правда, вянет, когда дело касается местности и внешнего вида отдельных личностей: я могу заблудиться в трех соснах и расцеловать в щеки незнакомца), накатил на меня приступ тяжкого похмелья[2], и я преступно перескочил через блистательную деятельность Генри в парламенте, закрыл том, отдал счастливой Розалии и вышел на воздух...

Через две недели перед Генри в Лондоне я поставил задание установить контакт с Бертой.

...«Я позвонил Жаклин — это уже из последующего донесения Генри — и договорился, что принесу ей для перепечатки рукопись (пришлось переписать текст из одной малоизвестной книги). Встретила она меня радушно, кое-что сообщила о себе: мать и двое детей живут в Бельгии, денег не хватает. Держалась гостеприимно и выразила надежду, что я дам ей в перепечатку новые рукописи.

После этого состоялось восемь встреч, Жаклин выплачено около 1000 фунтов за перепечатку рукописей.

5 мая я наметил провести с ней вербовочную беседу и пригласил в ресторан.

Для документальной фиксации беседы я взял с собой портативный магнитофон, спрятанный в боковом кармане. Вот небольшой отрывок из записи, показывающий, как проходила основная часть разговора:

«— Что вы нервничаете, Генри? Что-нибудь случилось?

— Все в порядке. Кстати, в посольстве ничего не известно о переговорах в Вене? Мой друг из «Ллойдса» очень интересуется и был бы благодарен...

(Ранее я намекал ей на то, что в банке «Ллойдс» у меня имеется близкий друг, который интересуется политической информацией.)

— Вы ему обо мне рассказывали?

— Что вы! Но мой приятель знает вас.

— Откуда? Как странно!

— По городу Зальцведелю.

— Зальцведелю?

— Зальцведелю.

— Я никогда не была в этом городе.

— Странно, он говорил, что встречал вас там после войны.

— Вот как? Интересно.

— Он даже утверждает, что имел с вами деловые контакты. Он служил в одной из армий союзников...

— Ничего не помню. Какая-то загадка, Генри!

— Он даже утверждает, что вы договаривались о сотрудничестве.

— Мы? Он англичанин?

— Конечно, Жаклин.

— Что-то я не припомню такого договора...

— Взгляните на расписку... Нет, нет, в руки я ее вам не дам! Читайте! Вспомнили?

— Негодяй! Вы негодяй, Генри!

— Напрасно вы горячитесь, дорогая Жаклин...

— Я, конечно, могла бы немедленно вызвать полицию, но мне вас жаль, Генри. Вы так нервничаете, что, боюсь, вас хватит удар. Это будет большая потеря для парламента.

Обобщая вербовочную беседу, можно сказать, что итоги ее не отмечались определенностью. Утешительно, что Берта не порвала со мной контакт и даже пригласила к себе домой на ужин. Генри».

Так ли все было на самом деле? Или Генри что-то приукрасил? Ах, эти отчеты агентов, разве они передают живую жизнь? Я сам никогда не лгал, но и не писал полную правду. Правда мешала делу, вызывала ненужную реакцию Центра и расстраивала Маню, который все принимал близко к сердцу. Зачем мне было писать, например, что на Генри иногда находили привычки загулявшего герцога и он, забыв о своем служении Движению, гонял официантов за вином, дегустировал и отвергал бутылку за бутылкой, вызывал метрдотеля, устраивал скандал, пока, наконец, после долгих мук не делал окончательный выбор. Если бы я отражал все эти шизосиндромы в отчетах, то Маня умер бы от горя, потрясенный низким уровнем конспирации: ведь в его кабинетном воображении наш брат всегда на высоте, всегда герой, всегда невидим и говорит полушепотом, и видит каждую муху, залетевшую в помещение, и не дано Мане понять, что агент и его куратор, два жизнерадостных шпиона, могут вывалиться в обнимку из фешенебельного «Ритца» и затянуть пропитыми глотками любимую «Катюшу».

Но сейчас, пожав Генри руку, я думал лишь об ужине на квартире у Жаклин: ведь от него и зависел дальнейший ход «Бемоли».

— Ну что? Выгорело? — спросил я нетерпеливо, когда мы опускались в паб «Адмирал Трилби».

Он стряхнул капли дождя с зонта и улыбнулся.

— Угадайте, Алекс...

Я сразу все понял, хотелось прижать его к разгоряченной груди, расцеловать в обвисшие щеки a lá сэр Уинстон Черчилль — выгорело! Какой молодчина! Гвозди бы делать из этих людей, не было б крепче на свете гвоздей! Я сразу все понял и уже думал, когда лучше позвонить Хилсмену.

— Вы чудесно выглядите, Генри, что будем пить? — Я тоже улыбнулся в ответ.

[1] **Вопрос, почему люди спят друг с другом, вечно мучит недремлющий Монастырь.**

[2] **И не утешали даже собутыльники Шакеспеаре Бомонт и Флетчер: «Best while you have it use your breath: There is no drinking after death!» («Лучше делай это, пока дышишь,— ведь после смерти не выпьешь!»)**

Продолжение. См. «Огонек» № 37.

Он походил на старого костлявого мула, на котором много дней возили воду, но на сегодняшний вечер оставили в покое. Одет, как всегда, с иголочки, мешки под глазами, почтенная плешь, хитрые глаза.

— Я предпочел бы скотч, если вы не против. Мой домашний доктор советует покончить с пивом, которое я так люблю, и употреблять только скотч, причем не менее двенадцатилетней выдержки[3].

Мы заказали скотч, и я придал своей физиономии то умиленно-внимательное выражение, которое сбивало с толку даже таких зубров, как Сам и Бритая Голова.

Вот кусочек из его занудного повествования, записанный мною на магнитофон:

«Должен вам сказать, Алекс, что в этот вечер Жаклин выглядела совершенно очаровательно, особенно в темно-синем платье со скромным, но достаточно впечатляющим вырезом, которое превосходно гармонировало с ее голубыми глазами и чуть припухлыми губками[4]. Возможно, Алекс, тут сказывается мое вечное предрасположение к блондинкам, помните засаленное: джентльмены любят блондинок, но женятся на брюнетках?

Начали мы издалека, от променадных концертов и от ее восторгов в адрес Шенберга и прочих модернистов, на что я возразил, что они малодоступны простому человеку и предназначены для тех, кто живет в замках из слоновой кости. Тут она хмыкнула и заметила, что простой человек, если ему не нравится Шенберг, может отогревать во рту червей перед рыбалкой... Это надо учесть на будущее... взгляды у нее консервативные.

На столе стояла бутылка бургундского, причем марочного. «Вам тут удобно? — вдруг спросила она.— Может, пройдем в другую комнату?» Вы будете смеяться, Алекс, но я покраснел, как мальчик,— такого не бывало даже в палате общин, когда меня пару раз обвиняли публично в фальсификациях, и вдруг мне почудился шум в соседней комнате...

«Так пройдем?» — продолжала она, и я похолодел, представив себя, падающего навзничь после удара по голове прямо у дверей. «А разве нам тут плохо?» — пролепетал я и решил, что рядом засада контрразведки, иначе как понять такую настойчивость? — явно засада, вспышки магниевых ламп, щелчки фотоаппаратов — в тот момент я позавидовал мужеству Томаса Мура, бросившего палачу перед казнью: «Помоги мне взойти на эшафот, парень, обратно я спущусь сам!» Но пути назад не было, и, как покорный агнец, я поплелся вслед за Жаклин.

«Значит, вот это и есть ваша спальня»,— сказал я это или нечто не менее глупое и почувствовал, что сейчас упаду в обморок, так неудобно и некрасиво все выглядело. «Вы не забыли о нашем разговоре в прошлый раз?» — спросила Жаклин. «Что вы имеете в виду?» — Я поднял изумленные брови, хотя, разумеется, хорошо понимал, о чем идет речь. «Что с вами сегодня, Генри? Вы меня боитесь, да? — И она засмеялась, вогнав меня в холод.— Вот и сейчас вы думаете, зачем я завела вас сюда... А я ведь вас позвала по делу. Я хотела бы получить обратно расписку... Взамен этой книжицы». И она указала в угол, где на трельяже рядом с флакончиками, тюбиками, ножницами и разнообразными косметическими инструментами красовался фолиант в сафьяновом переплете, напоминающий своим удлиненным видом альбом, который хозяйка изредка извлекает из заветного ящичка на радость и умиление дорогих гостей. Как вы уже, несомненно, поняли, Алекс, передо мною лежала вожделенная кодовая книга. Я скрыл свою радость. «Спасибо, Жаклин. Но сначала я должен передать своему другу коды и получить его согласие на возвращение вам расписки. Это же не моя собственность».

Она вдруг всхлипнула, быстро достала из сумочки платочек и уткнулась в него, плечи ее беззвучно тряслись. «Если бы вы знали, как я ненавижу вас!» Я молчал — что бы вы сделали на моем месте, Алекс? — мне хотелось обнять и успокоить ее, это была ужасная сцена, Алекс.

«Сначала я хотела покончить жизнь самоубийством... несколько таблеток, я уже их купила, уже написала предсмертное письмо — о, не волнуйтесь, о вас и вашем дельце там ни слова! — уже все было готово... и вечный покой, и не думать о страшном позоре, нет, я и представить себя не могла в роли шпионки, ворующей документы и тайком бегающей на встречи! Что делать? Пойти к послу и покаяться? Ну, не арестовали бы, но тут же выгнали, а у меня на руках старая больная мать... а потом, где гарантии, что все это дело не проникнет в прессу? Я представляю лица своих знакомых... друзей! Шпионка! Позор! Что делать, что? Берите эту книгу, ради бога, отдайте расписку, и больше мы никогда не встретимся!» Слезы текли по ее лицу, Алекс, настоящие слезы![5] И знаете, что я тогда сделал, Алекс? Я достал из кармана расписку, разорвал ее в клочья и аккуратно положил в пепельницу на трельяже. Жаклин ведь и не подозревала, что я разорвал копию! И знаете, что произошло дальше, Алекс? Я тоже вдруг заплакал, то ли от радости, то ли... не знаю! Так мы и сидели оба, обливаясь слезами, и знаете, Алекс, я никогда не испытывал раньше такого единения душ, такой близости, и если бы не дождь, дохнувший в лицо свежестью, это оцепенение продолжалось бы целую вечность».

Что ж, «Бемоль» разворачивалась неплохо, и я уже мысленно готовил триумфальную реляцию в Центр. Генри уже не интересовал меня, он отыграл свою роль и сделал это прекрасно,— честь ему и хвала!

Я допил виски, похлопал его по плечу и попросил положить сафьяновую книгу в тайник «Венеция», откуда я собирался ее извлечь. От виски и своего проникновенного рассказа старик даже взопрел и сидел, вытирая свою крупную плешь огромным платком[6].

Мы простились, и я направился к Кэти, еще одной составной части «Бемоли», к милой Кэти, которой лишенный воображения Чижик присвоил постный псевдоним «Регина».

Кэти встретила меня с укором в карих глазах, я состроил усталую мину, поговорил с ней о том о сем и сел за газеты, которые не успевал читать.

Впервые Кэти появилась на моем небосклоне года три назад. Сначала Центр я о ней не информировал, но потом, страховки ради, написал вроде: «Кэти Ноттингем, дочь отставного полковника Ричарда (Дика) Ноттингема, образование — Питман-колледж, работает парикмахером на Бонд-стрит. Познакомился по своей инициативе[7] с нею и отцом в клубе «Оксфорд и Кембридж», связь с семьей намерен поддерживать в целях расширения контактов и более глубокой легализации».

С Кэти действительно я познакомился в «Оксфорд и Кембридж», залетел туда, подыхая от безделья и одиночества,— имел я в клубе статус гостя, ибо, увы, заканчивал не Оксбридж, а сверхсекретную семинарию с путеводной звездой в виде светящейся желтой лысины преподавателя Философии, ценящего больше всего на свете ошметок ливерной колбасы по 64 цента за фунт и граненый стакан водки,— отдал свой котелок и зонт вылезшему из викторианской эпохи швейцару и двинулся в библиотеку, где среди энциклопедий, справочников и пахнущих сыростью подшивок «Таймс» можно было выпить чашку итальянского кофе и рюмку отменного порта.

В избе-читальне хлебал свое пиво замшелого вида джентльмен с кошачьими усами, словно отломившийся от монолита распавшейся Британской империи, по туповатой осанке — военный, изможденный расстрелами сипаев в Индии, хиной и застарелым геморроем. Его мутные глаза были нацелены на потолок, и он, видимо, купался в прошлом, когда в пробковом шлеме и с тростью в руке наводил порядок в колонии и высасывал оттуда золото, нагло одурачивая несчастных индусов.

Вдруг раздался скрежет знаменитых половиц (говорят, тут бывал сам адмирал Нельсон под ручку с леди Гамильтон), и в зал явилась молодая леди в высоких ботфортах и бриджах, как будто поднялась по ступеням почтенного клуба на дымящемся от пота мустанге прямо после разгрома на Ватерлоо ненавистного Наполеона.

Я никогда не держал в руках кисти и слаб на живописания, мне привычнее дело-формуляр: «рост 170, глаза карие, лицо овальное, губы тонкие, крашеная блондинка, особые приметы — родинка на левой щеке», и все же есть три вещи в мире (нет, не «роща, поросль, подросток», как у флибустьера, поэта лорда Уолтера Рэли[8], которому отрубили голову), ради которых стоит любить женщину: небольшая впалость щек от самых завитков, бархатные глаза и нежный переход от шеи к плечу,— хочется употребить слишком крылатое слово «лебединый», но в моей шпионской руке перо, касаясь прекрасного пола, неизвестно почему пишет пошловатым почерком — все это так не похоже на рыцаря Алекса, щедрого и дико справедливого, вовсе не Синюю Бороду и не Казанову, а одинокого и всеми обманутого добряка, брошенного судьбой во взбаламученные воды всемирной истории.

Далее мы с полковником обменялись визитными карточками, щелкнули ботфорты, милая непринужденная беседа за столом, кофе и порт, порт и кофе. «Вы служили в армии, Алекс?» «Конечно, сэр, или вы считаете, что в Австралии нет армии?» «Ха-ха-ха, я так не считаю... я не разобрал на вашей визитной карточке названия фирмы. Ах, вы делаете бизнес на радиотоварах! Превосходно... Раньше порт был терпким, впрочем, в молодости все воспринимается острее, как ты считаешь, Кэти? Ха-ха-ха. Был бы счастлив, если бы вы навестили нас в Брайтоне, живем мы скромно, как старые сквайры, ложимся спать рано... хотя... хотя... иногда можем тряхнуть стариной, правда, Кэти, как ты считаешь? Впрочем, Кэти живет в Лондоне...»

Туда, в Брайтон, я и устремился в одну из суббот с искренним желанием очистить свои легкие от лондонского смога, а заодно подыскать в том районе один-другой тайничок, ну и, конечно, разглядеть попристальней уникальные ботфорты — проклятая идефикс, овладевшая дурнем Алексом!

Как я и ожидал, Кэти встретила меня у парадного подъезда в джинсах и с пятнистым котом на руках, который громко и радостно мяукал. (О, моя вечная любовь к котам, так и не нашедшая выхода: Римма не выносила их на дух, лишь однажды в минуту слабости она поддалась на мои уговоры, но альянса с котом не получилось: животное быстро почувствовало неприязнь хозяйки и загадило всю квартиру.)

Сразу же после обмена восторгами по поводу моего визита, славной погоды, желтеющей листвы, прошедшего дождя, победы «Арсенала», предстоящих скачек в Дерби, йоркширского пудинга и предстоящих реформ частных школ дышащий энтузиазмом Базилио (такую кличку я наклеил на него за усы и кошачьи повадки, тем паче, что сестру Кэти, проживающую с папой, звали Алиса, то бишь лиса Алиса) повез меня осматривать свои парники в пяти милях от города, и там я втайне порадовался заветам Учителя по поводу идиотизма деревенской жизни.

Домашняя трапеза проходила на кухне, увешанной венками из красных луковиц и пузатыми, заделанными в солому бутылками из-под кьянти, потолок украшала рыбацкая сеть (тут меня невольно посетила до тупости оригинальная мысль, что Базилио ловит ею женихов для своих дочерей,— тятя, тятя, наши сети притащили мертвеца!), за которой светились морского цвета лампы.

— Судя по акценту, вы родились в Америке, Алекс? — Он задал вопрос в тот момент, когда я уже давился куском мерзкого сала, именуемого запеченной свиной ногой.

Я мужественно отложил нож и выпрямился, как в седле:

— Я родился в Австралии, полковник, но, конечно, жил в Америке. Есть во мне и немного итальянской крови. Скажу честно: на родину меня не особенно тянет[9], я привязался к Лондону и счастлив, что Австралия пока еще входит в Содружество Наций, во главе которого стоит английская королева.

В свою легенду я вжился настолько глубоко, что мог повторить ее во сне,— наш дядька обожал будить по ночам и подвергать перекрестному допросу, ссылаясь на богатый опыт тридцатых годов, когда нашего брата хватали на границе свои же ребята, переодетые в форму иностранных пограничников. Вот это была настоящая проверка на прочность, веселенький допрос под пистолетом, а иногда и с прикладами и мордобоем, многих отсеивали, но зато какие оставались люди! Какие люди! Не то, что нынешнее племя, богатыри...

Иногда мне даже казалось, что я действительно Алекс Уилки и никогда даже не бывал в великом Мекленбурге.

Во время обкатки я посетил Австралию и целый день бродил по местам своего придуманного детства: небольшая деревушка недалеко от Мельбурна (пришлось зайти в школу, церковь и пивную, поболтать там о живых и мертвых и особенно о папе Уилки, шекспироведе, которого хорошо помнили,— сам я прикидывался дальним родственником из Америки), добротные каменные коттеджи и ни тени аборигенов, страусов и кенгуру.

Визит на кладбище я, естественно, оставил на десерт как самую сладкую часть своего вояжа — сельские кладбища прекрасны своей неприхотливостью и чистотой, и сердце наполняется тоской, когда стоишь у фамильного склепа, где, кроме прочих, высечено и имя Алекса Уилки, умершего в возрасте 8 лет, «спи, наш мальчик!» — просто и проникновен-

---

[3]Мне бы такого домашнего доктора!

[4]Видимо, она приоделась по случаю вербовочной беседы.

[5]И снова в голове кумир фальшивого папы: «Вам кажется, я плачу? Я не плачу. Я вправе плакать, но на сто частей порвется сердце, прежде чем посмею я плакать. Шут мой, я схожу с ума!»

(«Король Лир»)

[6]По расцветке он напоминал платок моего дядьки из семинарии, он обычно степенно доставал его из галифе, аккуратно раскладывал, прилагал к носу и трубил, как в охотничий рог.

[7]Казалось бы, пустяки, но любая чужая инициатива попахивает провокацией, и потому Центр предпочитал, чтобы ее проявляли свои работники.

[8]Уолтер Рэли написал сыну то, что я хотел бы, но не в силах написать:

«Три вещи есть, не ведающие горя,
Пока судьба их вместе не свела.
Но некий день их застигает в сборе,
И в этот день им не уйти от зла.

Те вещи: роща, поросль, подросток.
Из леса в бревнах виселиц мосты.
Из конопли веревки для захлесток.
Повеса ж и подросток — это ты».

[9]Между прочим, я не очень-то и врал.

но начертали уже лежавшие рядом родители.

Конечно, вся сказочная легенда разлезлась бы, как похоронный бумажный костюм под дождем, покопайся в ней контрразведка и попроси австралийских коллег проверить, существует ли Алекс Уилки, эсквайр, ныне владелец радиофирмы в Лондоне,— впрочем, ни одна «липа» не способна выдержать серьезной проверки, а потому «скользи по лезвию ножа, дрожа от сладости пореза, чтоб навсегда зашлась душа, привыкнув к холоду железа», как написал однажды акын Алекс, не взявший никаких литературных генов от своего бати-слесаря.

Вечер в Брайтоне тускло тянулся и переместился из кухни в гостиную, к традиционному камину с горкой свежих поленьев — Римма мечтала о таком камине на даче и о самой даче, но, увы, несмотря на все домыслы соседей о гигантских заработках на Севере (моя легенда для соседей по дому в Мекленбурге), княжеская казна наполнялась слабо, а таскать и толкать на «черном рынке» системы и дубленки я считал неприличным и рискованным делом,— пусть на этом ристалище соперничают подкрышники с диппаспортами, не зря ведь их супруги[10] мотаются туда и обратно, делая «бабки» на челночных операциях.

Впрочем, мой антивещизм с годами слабел. Мекленбург по статистике богател, и если раньше о собственных дачах помалкивали (государственные принимались как приятная неизбежность), то теперь они входили в моду, и Монастырю выделялись участки, которые делились в острой борьбе и в зависимости от служебного веса — спеши, лошадка! торопись, ездок!

Римма ухитрилась завоевать кусок земли лишь совсем недавно и бредила проклятым камином («Ты будешь ходить в лес и собирать сухую хвою... знаешь, как чудесно пахнет, когда горит в камине?» — и я видел свою сгорбленную фигуру с мешком лапника за плечами и отвечал словами Учителя: «Когда мы победим в мировом масштабе, мы сделаем из золота общественные отхожие места на улицах нескольких самых больших городов мира!».— «Тьфу, — говорила она,— опять этот бред! Собственность облагораживает, Алик, она заставляет человека работать!» — «Собственность делает человека рабом! Посмотри на Чижика: он живет только дачей, вся его жизнь в заборе, семенах и огороде!» — «Конечно, тебе приятнее пить, а не вкалывать!») и даже купила книгу о каминах, достала где-то заморские изразцы, в конце концов я плюнул на все, пусть строит дачу, камин, мансарду для друзей, которых не было, площадку для вертолета! Пусть продает хоть все шмотки и машину, и Сережкину технику! Катитесь вы все в тартарары!

Догорели последние угли, и я был препровожден в сиротски обставленную комнату с железной кроватью, воскресившую в моей памяти дни в семинарии, когда я жил в одной келье с Чижиком и боролся с ним не на живот, а на смерть за священное право

[10] Обожаю это слово, есть в нем нечто королевское.

спать с закрытой форточкой, записанное еще в хабеас корпус акте.

Душа полковника Ноттингема взошла на дрожжах морского владычества Британской империи, она презирала слабых и изнеженных — в комнате свирепствовал полезный для здоровья холод [11], на подушке лежали hot water bottle [12], накрахмаленная пижама и красный колпак, словно взятый напрокат у санкюлота.

Прыгая с ноги на ногу на ледяном полу, я напялил пижаму и фригийский колпак — как ни странно, но все оказалось впору — и приготовился к встрече пожилых привидений в белых простынях, которые ворвутся ночью в комнату, гремя многострадальными костями, и загонят в затхлое подземелье с грудой пыльных скелетов. Я выкурил трубку по поводу этих страхов, накрылся тяжелым байковым одеялом, съежился, как улитка в раковине, и прижал к ногам hot water bottle.

Далее история развивалась весьма динамично и увлекательно (попади, не дай Бог, на мое место Маня — уже кричал бы дурным голосом: «Полиция! Провокация!» и бегал бы по апартаментам, призывая свидетелей, которых по старой привычке он называл понятыми), в ней присутствовали и скрип двери, и запах «Шанель 5» («ах, не люблю я вас, да и любить не стану!»), и hot water bottle, катавшаяся в ногах, и даже ботфорты, которые я так и не увидел во мгле.

Затем мы с Кэти стали встречаться в Лондоне, иногда она оставалась у меня в Хемстеде, и я на другой день смотрел смущенно в удивленные глаза миссис Лейн и ее не менее шокированного сеттера.

— Забавный ты человек,— сказала однажды Кэти,— до сих пор не могу понять, чем ты занимаешься [13]. В бизнесе ты профан, это даже папа сразу подметил [14]...

Я снисходительно усмехнулся: эге, куда тебя занесло! Ничего себе скромная парикмахерша с Бонд-стрит! Сделаем выводы, постепенно спустим все на тормозах, умело отвадим с хемстедских вершин, иди к чертям, крошка моя!

— Я люблю тебя! — сказал я и нежно поцеловал Кэти в щеку.

Дело, однако, приняло совсем другой оборот, когда свалилась на меня «Бемоль» после вызова в Мекленбург.

— Мотивация перехода должна быть покрепче, чем разочарование в идеалах Мекленбурга,— говорил Челюсть.— В конце концов все беглецы поют об этом на каждом углу. Помнишь, ты что-то писал о семье Ноттингем? Ты встречаешься с ними?

— Иногда,— ответил я, подумав, что Колю на мякине не проведешь.

— Надо с ней поработать и довести до кондиции. Разыграть любовь, серьезные намерения и прочее... Мне ли тебе об этом говорить, старик? Это укрепит доверие американцев, возможно, даже посильнее, чем выдача агентуры...

Возвратившись из Мекленбурга, я снова приблизил Кэти к себе — теперь она уже проводила у меня большую часть недели. Вечерами мы живо обсуждали наше будущее семейное счастье.

Вот, пожалуй, и вся предыстория грандиозной «Бемоли», в которой, словно в адском котле, кипятились и Генри, и Жаклин, и Болонья, и Пасечник, и милая Кэти, и уж, конечно, неутомимый борец за Правое Дело и завсегдатай лондонских клубов.

Первый этап оставался позади, предстояло самое главное, и перед сном, положив руку на тугую спину Кэти, я обмозговывал телеграмму в Центр о встрече с Генри.

«Центр, Курту. «Эрик» получил партию лезвий от «Берты». Реагировала она нормально, и можно рассчитывать на дальнейшее сотрудничество с нею. Считаю целесообразным приступить к основному этапу реализации «Бемоли», в частности, в ближайшее время планирую установить контакт с «Фредом» и действовать по известному вам плану. Отныне вся радиосвязь переходит под контроль «Фреда» и «Пауков», основная связь, как договорились, будет проводиться с помощью моментальных встреч. Том».

Утром я учинил мощнейшую проверку на своей «газели» и очутился на любимом Бирмэнском кладбище, утопавшем в зелени кленов и растопыренных кустов.

Дул ветер, капризный ветер, вполне обычный для холмистой части Лондона, дул и раскачивал верхушки деревьев, наводя тревожную и сладкую жуть. Проворные белки прыгали с ветки на ветку, спускались вниз и, задрав хвосты, бежали по жухлой листве. Знакомая тропинка, усеянная щебнем,— я прошел между могил и остановился возле плиты: «Тут покоится тело Сары Блумфилд, 74 года, жизнь которой оборвалась в цветущей юности» (отдадим дань черному юмору Ларошфуко Алекса, тайник с таким веселым опознавательным знаком не найдет только оперативный идиот), вот бы встретили меня здесь соседи по мекленбургскому дому, считавшие, что я возвожу очередную стройку на далеком Севере и иногда появляюсь, как Санта Клаус, нагруженный мешками с леденцами и магнитофонами.

Вытерев пот с натруженного лба, я сел на скамейку, принял скорбный вид родственника, пришедшего поклониться праху,— вокруг не было ни души, только ветер мерзко шелестел в деревьях,— аккуратно разгреб и вывалил листья из ямы около могилы, отвалил камень, запустил чуть повлажневшую руку в тайник, извлек оттуда передатчик в специальном футляре и переложил в дорожную сумку.

Затем, проехав на автомобиле миль десять, я остановился, выстрелил в эфир уже зашифрованное сообщение и тут же, как нашкодивший кот, смылся с точки — конечно, запеленгуют, но мышки-норушки прибегут на место не раньше чем через полтора часа, когда благодушный Алекс уже будет принимать ванну у себя в Хемстеде, забросив предварительно передатчик в хохочущую могилу Сары Блумфилд.

Ванна прошла благополучно.

До рокового момента оставалось совсем немного — Рэй Хилсмен обычно включал свой городской телефон после ланча,— я взглянул в зеркало и увидел лицо героя, умеренно худое, с маленьким шрамом на скуле (следы потасовки на танцплощадке на юге Мекленбурга), промазал его лосьоном «Ярдли» («взгляд твоих черных очей в сердце моем пробудил...»), превратил свой и без того безукоризненный пробор в математически выверенную прямую и вышел из дома, чувствуя себя, как Цезарь, переходящий Рубикон.

В ближайшей телефонной будке я набрал номер Хилсмена.

Глава третья,

В КОТОРОЙ ГЕРОЙ ПРОХОДИТ ЧЕРЕЗ СУРОВЫЕ ИСПЫТАНИЯ СУДЬБЫ ВО ИМЯ ВЕЛИКИХ ИДЕАЛОВ И СВЕТЛОГО БУДУЩЕГО

*«В эту ночь явилась ко мне покойница баронесса фон В***. Она была вся в белом и сказала мне: «Здравствуйте, господин советник!»*

Сведенборг

Из справки о «Фреде»:

«Рэй Хилсмен (в дальнейшем «Фред»), резидент ЦРУ в Лондоне, родился в 1924 году в Канзас-сити, штат Канзас [15], в семье фермера, учился в Принстонском университете, во время войны был призван оттуда в армию (служил некоторое время в американских войсках на Филиппинах), в январе 1944 года взят на работу в Управление стратегических служб (УСС), возглавляемое генералом Уильямом Доновэном. Некоторое время работал в Вашингтоне, занимаясь дешифровкой японских кодов, затем перешел в отдел «Экс 2», занимавшийся сбором информации о разведоперациях иностранных правительств и внедрением в шпионские и диверсионные группы немцев. После роспуска УСС и создания ЦРУ (1947 год) работал в Управлении координации политики (УКП) в качестве помощника начальника УКП Фрэнка Уиснера, бывшего шефа резидентуры в Румынии, затем перешел на работу в Управление национальных оценок (УНО), где возглавил отдел. В 1960 году был направлен в Дели руководителем резидентуры.

По возвращении в США работал заместителем начальника УНО, затем возглавил американскую резидентуру в Лондоне. Жена Мэри привлекалась для выполнения отдельных заданий в Дели. В частности, по ее инициативе было организовано общество жен дипломатов, аккредитованных в столице, где она использовала свои связи для разработки членов дипкорпуса, особенно представителей стран Юго-Восточной Азии.

По сообщению источников, Мэри находилась в близких отношениях с первым секретарем посольства США Артуром Холидеем, об этом стало известно «Фреду», и он добился отзыва Холидея из Дели.

По характеру «Фред» уравновешен, спокоен, обстоятелен и доброжелателен. Ему удалось установить хорошие отношения с американским послом в Лондоне, однако они не выходят за рамки деловых. «Фред» — человек необщительный, редко ходит на банкеты, спиртное употребляет умеренно. По характеристике надежного источника К., с которым он имел постоянный контакт, «Фред» — сугубо деловой, расчетливый человек. Не любит отходить от общепринятых правил и норм. На просьбу источника приобрести ему в посольском магазине несколько американских индеек по сниженной цене ответил, что это неудобно: магазин предназначен только для граждан США.

По убеждениям «Фред» — сторонник умеренного крыла республиканской партии, высоко ценит деятельность президента Эйзенхауэра и Никсона. Основное время проводит в посольстве, выходит в город редко, свободное время проводит в основном у телевизора, иногда выезжает в Шотландию на ловлю форели.

Жена ведет активную социальную жизнь, бывает в известных лондонских салонах, в частности у леди Памелы Бэрри, жены известного газетного магната».

Не густо, но кое-что в закромах мы имели, не тыкались носом, как слепые котята, и потому говорил я уверенно и даже мысленно представлял мутный канзасский облик собеседника.

— Алло, мне нужен мистер Хилсмен.

— Слушаю вас.

— Меня зовут Алекс Уилки. Боюсь, что вам это ни о чем не говорит.

— Вы угадали, сэр. По какому вопросу вы звоните? — Голос звучал дежурно и устало.

— Мне нужно с вами встретиться...

— По какому вопросу? — с нотками вялого раздражения.

— Не хотелось бы говорить по телефону, но это связано с основным направлением вашей работы...

— Вот как? Ну... а если говорить в общем, в чем смысл вашей просьбы?

— Мы должны встретиться лично.

— Откуда вы звоните? (Из Мекленбурга! — хотелось ляпнуть мне, тут бы он сразу заворошился.)

— Из Хемстеда...— Я говорил медленно и спокойно, давая ему время на раздумья: пусть проворачивает в своих канзасских мозгах все имиджи просителя (террорист? или просто сволочь, которая будет вымаливать индейку?), я уже слышал, как искры вылетают из его головы, как кабинет трещит от электрических разрядов, и трепещет жидкий пух на черепе, и потирает рука пространство чуть ниже спины.

— Так заходите в посольство! — предложил он ласково.

— Я не хотел бы появляться в посольстве. Можем мы встретиться в баре «Серый козел»?

— Именно там? — А в глазах оголтелые террористы в масках, кляп в пасть, удар по башке рукояткою «смит и вессона» — и утаскивают американского резидента из «Серого козла» в дальнюю пещеру и требуют выкуп или просто душат в отместку за муки палестинского народа.

— Называйте любое место, мне все равно! — успокоил я его, чтобы он не мандражил и заранее обеспечил себя охраной.

— Как насчет «Гровнор-отеля»? — обрадовался он.

Еще бы! Отель находился рядом с посольством, и американцы имели там и свои номера с «клопами», и даже собственных мышек-норушек.

— О'кей! В фойе? — уточнил я.

— Лучше в баре, там меньше народу. Как я вас узнаю?

— Не беспокойтесь, я знаю вас в лицо.

— Повторите, пожалуйста, фамилию...

Я повторил медленно и раздельно: Аделаида, Любовь, Елена, Кэти, Сюзанна эт цэтэра. Сейчас, проскочив через резидентурскую картотеку, все это мгновенно вылетит в эфир и влетит в пасть ЭВМ, бесшумно работающих в здании ЦРУ, что на вашингтонской окраине Лэнгли, на берегу тихой речушки Потомак. Там украшают мраморный вход библейские слова: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными!» — мгновенно влетит, вылетит и так же мгновенно возвратится.

Скоро я уже сидел на скамейке скверика на Гровнор-сквер, рядом с огромным зданием посольства, вклинившимся в старомодный район Мейфэр, подобно известным мекленбургским челюстям-небоскребам на проспекте Якобы Доброго Президента, вгрызшимся в некогда уютные дворики, домики и собачьи площадки.

Не нравились мне ни здание посольства, ни американская архитектура, ни вся страна, снисходительно поглядывающая на остальное человечество и уверенная в превосходстве своего образа жизни [16].

Продолжение следует.

---

[11] На миг показалось, что я влез в свой фамильный склеп на деревенском кладбище около Мельбурна.

[12] Открою секрет: грелка, попросту говоря,— обыкновенная бутылка с горячей водой.

[13] Этот вопрос мучил и Сергея, когда он учился в начальной школе. Легенда о северных приисках часто испускала дух: уши детей — как радары, а я во время побывок в беседах с Риммой вываливал так много, что к десятому классу сын уже знал почти все.

[14] Старый бурундук оказался не таким простаком, как я предполагал.

[15] Тут же и родилась прекрасная домашняя кличка: Гудвин, живший в штате Канзас, волшебник Изумрудного города Великий Гудвин.

[16] Цитата из статьи прославленного мекленбургского писателя, поразившая школьника Алекса и потому занесенная им в дневник: «И, пожалуй, самым ярким выражением исторической бездарности американского империализма как раз и является фигура того, кого Уоллстрит провозгласил своим апостолом,— фигура Гарри Трумэна, маленького человека в коротких штанах». Впрочем, с Соединенным Королевством у меня тоже установились непростые отношения: еще в семинарии я написал дипломную работу «Фашизация государственного строя Англии».

Александр
ТЕРЕХОВ

ДОМ 1

Фото
Сергея ПЕТРУХИНА

ВОСХОЖДЕНИЕ ОТ ПОДВАЛА К ЗВЕЗДЕ

Дорогие москвичи и гости столицы!

Если вы уже затарились колбасой и продуктом первой необходимости пол-литровой расфасовки и до поезда еще ночь — сдавайте баулы на хранение и бегите к «Икарусам» — покатайтесь!

Посмотрите налево, завернем направо, во — зоопарк, а вот площадь Восстания, на которой единственный — дом один. Один из высотных домов, которые... Но вот здесь можно вылезти, размять затекшее и задрать голову.

Дом — это, наверное, то, что мы думаем о времени, и то, что время думает о нас. А теперь дом умирает, рушатся «архитектурные венчания», отлетают ручищи у могучих скульптур, сто раз в год лопаются трубы, и кипяток каплет на зеленые диваны с золотыми кентаврами, на картины и бюсты и паркет роскошных квартир, и тогда отбойные молотки крушат благородную лепнину; и ставят новые трубы, совершенно точно зная, что через две пятилетки проржавеют и они,— построенное на пятьсот лет стало чахнуть раньше, чем померли младшие строители, тотчас как сгинули старшие, и второе десятилетие именитые ходоки от жильцов мучают ремонтные конторы, а те им шепчут наедине в обремененные золотыми серьгами уши: уедьте, где вы видели такой ремонт такого дома без выезда? Уезжайте — за год сделаем!

А жильцы страдают. И не уезжают.

Смысл высотного строительства, обнародованный в январе сорок седьмого, был такой: это символ — силы народа, величия культуры, могущества государства. Они — уродливые, бездушные небоскребы, а мы — широкие площади, гранитные набережные, светлые дома. Это был поскромневший отголосок Генплана 35-го года, отвергнувшего «город-музей» и наметившего: освобождаться от зданий, скрывающих перспективу, пробивать магистрали, выпрямлять изгибы, сносить кварталы и разбить парковый массив на месте Ваганьковского кладбища.

И вознеслись семь домов серыми парусами, кленовыми листьями — эпоха последний раз встала на дыбы, пытаясь доскакать по семи ступенькам до небес.

МИД на Смоленской славился сварщиком, пославшим далеко товарища Хрущева, непланово поинтересовавшегося ходом строительных работ, и восьмиметровой люстрой; у МГУ поражали две монументально-декоративные скульптуры Мухиной; жилой исполин на Котельнической вобрал в свои крылья великосветских штучек, могущих заявиться в кабинет директора в ночной сорочке и с болонкой на поводке, и грозных героев НКВД, которые грелись на солнышке, отдыхая от ратных дел, пока не потянулись с окраинных земель их подследственные, и после

нескольких радостных нечаянных встреч набережные лавочки быстро опустели.

А директора домов имели машины и кремлевский паек, один из директоров был даже братом Паши Ангелиной — вообще хорошее было время!

А дом на площади Восстания — из поздних, ему роскоши досталось поменьше, он впитал от отечественной архитектуры милую русскому сердцу ярусность и шатер вместо костлявого шпиля, и публика в нем жила посветлей — «орлы» Министерства авиапромышленности и артисты, и буквой построен он был скромной — «Н», куда уж ему до величественных «Ж» и «П» (МГУ и Красные ворота).

Фундамент под землю на восемь метров, стены — метровые, электрик спрашивает меня в подвале:

— А зачем тащиться наверх-то? Там же знаете кто сидит? Люди в погонах! Американское посольство рядом, а мы все равно выше, ага? — И он подмигнул.

— Хочется увидеть, как взойдет солнце. Лезут же японцы на Фудзияму ночью кромешной, бормочут: пусть души наши будут чисты, с черной душой не поднимешься, а солнце взойдет и утешит печаль, забудешь о смерти. Правда, некоторые по слабости характера прыгают в кратер, но я все-таки надеюсь увидеть солнце — в шесть ноль две восход.

— Ну-ну,— понял электрик.— Японцы больше других нашему дому удивлены — такая роскошь! Мрамор, гранит, хрусталь. Что ни говори, у нас лучше. У меня мастер был, с родителями в Америке пожил, и фотографии есть: он в шляпе на машине с девочками. Он двигатель с насосом центровал: пятак на ребро ставь — не шелохнется. Вот он говорил: ребята! Ребята, говорил, как хорошо у вас жить, получил свои восемьдесят, взошел на этаж, лег на диван и плюй в потолок! А сейчас возьмись кто центровать: пятак хоть плашмя ложи— слетит. Раз поутру сантехник на этаж пошлепал, пять вечера — его все нету, звонят из квартиры: заберите, он у меня пьяный в ванне спит, постелил себе свежего белья из тумбочки и рухнул! А люди тут какие. Никогда я им не завидовал, да разве я могу себя с ними равнять: Коккинаки, Анохин, Громов, герои, летчики, конструктор секретный — как исчезает, значит, пуск, потом смотрим — из ресторана веселый, значит, удачно. А вдруг не взойдет солнце-то? Вдруг не увидите?

Мы в подвале, ниже — только бомбоубежище, две с половиной тысячи метров площади. На него опирается дом, а что касается родной земли, то были здесь прудик, кладбище и церковь Рождества в Кудрине. И прадеды были не дураки, и правнуки — место для храмов совпало, друг на друге, на костях. А Кудрино — было такое сельцо боярина Кучки, и зачем-то следовал этой стороной князь Юрий Долгорукий, ну а боярин что-то уж «возгордився зело и не почтил князя», князь в лучших отечественных традициях, «не стерпя той хулы», повелел того боярина «ухватить и смерти предать». А сам, значит, чтобы кровь остудить, сходил на гору, огляделся: а чего, ха-рошее место. Короче, «возлюби села оные» князь и сделал тут Москву. Хотя, может, и врут. Почему-то для веры в будущее построенного надо, чтобы вначале брызнула кровь. А вот потом тут была дорога в опальный Новгород, а потом...

Хотя хватит, наверное, я начал восхождение из подвала, наверх, увидеть восход, этот рыжий сноп, этот солнечный фонтан, растекающийся над бледными облаками, этот свет...

А пока дом опоясали мерные взмахи метел, в росистом скверике дряхлые старушки с сумами дискутируют о первенстве на найденную бутылку, голодно молчит соседний зоопарк, а дворничиха татарка Нурия ругает моечную машину: опять весь песок на эту сторону. Она десять лет скребет лопатой. У нее муж и трое детей. В скрывающемся на верхотуре технических этажей общежитии у нее комнатка — двадцать четыре метра. У детей есть коридор. Друзей из дома у детей нет.

А тут — счастье! Нурие дают служебную квартиру! Аж три комнаты, и уже ордер и ключи.

А в эту квартиру мигом въехала многодетная семья из соседней квартиры, уставшая ждать, выломала замок, вставила свой, на звонки, стуки, повестки не отвечает. Нурие осталась только небольшая радость: платить за квартиру.

Она сыплет мусор в контейнер, у нее оклад до ста рублей, есть лом и топор:

— Им ведь тоже не позавидуешь. Бегом через вестибюль бегают, все им кажется, про них говорят, хоть и ученые. А что делать?

Ах, Нурия, а вот раньше, как хорошо было раньше, дворником была мордовка, и все сугробы в городе увозили на санках, а тут пожарный генерал оставил машину на ночь, а утром дворничиха орет ему: убирай свой сугроб! Он шинель скинул — и лопатой шуровать! Ей сказали потом: генерал же! Обмерла даже: не разбирается в погонах, малограмотна. А тут вышло так, что подрабатывала дворничиха у генеральской жены, помыть что, почистить, и однажды заходит прямо этот генерал, она думала: все, сейчас в морду пожалует, а он ничего, садитесь, говорит, поешьте. Вот как было!

Небо чуть поднялось вверх, высветив белесой каймой соседние крыши, и бледнело: из фиолетового в грязное.

А ведь были здесь когда-то палисадники и сады, дворянские особняки с рыцарскими гербами, заезжал к сестрам Ушаковым поэт Пушкин, преимущественно ухлестывавший за Екатериной, по соседству с Петром Ильичом Чайковским практиковал доктор Чехов, но, видно, мало замешалось крови в раствор, скрепляющий мостовую, распалась жизнь, рухнула, погнала страшная догадка Чехова на Сахалин, перегородили улицы баррикады, командовал умело Фрунзе, и с местной каланчи палили по любой движущейся фигуре, рабочие совершали подвиги и погибали, восстание проиграло, но дело победило, крови хватило на новое строительство, и в дом доктора Чехова, говорят, въехала охрана Берии Л. П., и вызвал товарищ Сталин наркома авиапромышленности и сказал мудро ему: «Товарищ нарком, постройте вот тут дом для своих работников. Раньше, когда к Москве подлетаешь, церкви были видны, а теперь пусть будет этот дом. Пусть это будет памятником нашему народу».

Наш народ тогда жил преимущественно по баракам и подвалам и глядел на ноги прохожих, надеясь на лучшую долю и не подозревая, что хоронят его заживо и с таким замечательным памятником на 20 миллионов рублей, который строили без помещений для обслуги, будто не жить собирались,— как пирамиду.

А потом дом закончили, и это было время, когда улыбались китайские товарищи, пошла в рост золотая кукуруза и мы сказали: нет — войне, еще не было XX партсъезда и каждый день рождения печально и предчувственно улыбался с первых полос сосед В. И. Ленина по Мавзолею, роднились братские страны и нежданно догнала смерть академика Вышинского, нормальная человеческая смерть, и вьетнамские партизаны разбирали автоматы ППШ, и тогда еще умели и любили мечтать, и в каждом «Огоньке» было новоселье, новоселье...

— Жильцы-то,— ловит меня за рукав ранняя служащая.— И не здороваются. Будто мы не люди, раз персонал. А я для них сил не жалела. Хоть сижу в конторе, а крыши ходила убирать. Громовых залило, все спасать пошли. Каждые выборы я в комиссии, на избирательном участке у нас бархат кругом, цветы из пера, председатель — адмирал или генерал. Раз как-то один против оказался, исполком приказал все переделывать, до пяти утра сидели!

Первой въехала в дом многодетная мать, зажглись окна, потянулись старушки любоваться цветными витражами, мрамором, коврами и светильниками, падали на колени и молились; не набралось персональных машин, и из подземного гаража сделали кинотеатр, куда можно было проникнуть тайной тропой из центрального подъезда. Была уборщица тетя Шура и молочник дядя Вася с ныне дефицитной «Беломориной» в зубах, пианино, скрипки, виолончели делали из дома музыкальную шкатулку, носилась без привязи семья доберманов, принимал гостей актер Царев и у жены Жарова при этом свистнули шубу, поклонники втыкали букеты цветов в дверную ручку красавицы Быстрицкой и шатались по холлу веселые фигуры Петра Алейникова и друга его Бориса Андреева, Алейников задолжал квартплату за пять лет, а знаменитый Громов, лошадник, книгочей, спортсмен, ходил в магазин с авоськой, и побеждал соперников Василий Смыслов, измучив секретаря объединенной парторганизации, электрика, принужденного писать ему характеристику для каждого зарубежного турне, и кучковались загадочные негры, обсуждая пути своих стран к свободе, и приезжал секретный конструктор Мишин, его хмурые ребята провожали до дверей и сидели после этого в сквере, и красавица Светлана Безродная задумывала свой камерный «Вивальди-оркестр», а в День Победы герои надевали ордена, и юные мамы с колясками шептались: вот этот, а вот этот, а вон...

А какой был «Гастроном», созданный, чтоб переплюнуть Елисеевский и «Смоленский»! Розовый мрамор, резьба по красному дереву, витражи, мраморные плиты на прилавках, шелковые шторы, чешский хрусталь, лепнина, диваны для отдыха!

А как стояли за прилавком! Как в Париже! Шелковые блузки, наколочки, фартуки с кружевами, у мужиков — белые манишки, бостоновые костюмы, голубые галстуки. Говорили как интеллигенты!

Если икра — так паюсная, кетовая, зернистая! А клюква в сахаре? А мармелад в шоколаде, вафли таежные с малиновой прослойкой и варенье киевское? А печенье «Октябренок», зефир сливочный и бело-розовый и пастила рябиновая? А усач холодного копчения и масло — шоколадное, медовое, фруктовое, соленое, несоленое? И сыр рокфор, и зеленый сыр, и рябчики, и тетерева, и окорок воронежский и тамбовский.

Мясо висело на крюках, и говорили: отрежьте мне вон от той туши полкило на борщик. И спрашивали: а свежее? И собственный цех был для буженины и карбоната, и машина была для резки ветчины. А сыр... Сыр давали пробовать с ножа! И это еще не самое страшное! Самое страшное, что все это — чистая правда!

Вот мне иногда кажется, что мы так серчаем на ребят с алыми бантами и вождей в пыльных фуражках совсем не за то, что они повзрывали церкви, ухайдакали царскую семью, испоганили русскую деревню — совсем не за это. А где-то внутри, неосознанно, мы не можем простить им, что остановились на полпути. Что в невероятном прыжке из России, где высотных зданий было всего два — Петропавловская крепость и Исаакиевский собор, в коммунистическое Отечество чистых, зеленых городов, высокопотолочных квартир, хрустальных дворцов и потрясающих «Гастрономов» мы не долетели, мы рухнули посередине и вниз. Не дождались мы кремлевских пайков поголовно и квартир в высотных домах. Ведь ждали именно этого. Раз столько терпели. И, не в силах признаться в простительном слабодушии, мы ноем теперь: ну чего вы, ребятки, такие беспамятные, города вон переименовывали, церкви взрывали, срамота это и святотатство, а? А ребятки эти, будь бы живы, прошептали бы нам вкрадчиво: а зачем вам это? Даже крохи те, что достались вам, гниют, горят, ветшают и рушатся до сих пор. И слава Богу, что взорвали храм Христа Спасителя — хоть храмом остался, а то был бы овощехранилищем или общественным туалетом. Тут надо разобраться, о чем же мы плачем.

А в «Гастрономе» за шестиметровыми окнами-арками пирамиды луковой икры и старая продавщица бормочет мне былое:

— Вот на люстрах, глянь, висюльки такие были — утянули кто скока смог. К вазам тоже ноги попридели. А мы-то совестливые были. Да и нас никто не хабалил. Как на праздник шли, со всей зарплатой. Есть у тебя денюжки — покупай себе шоколадный набор за 12.46, если не густо — покупай за 89 копеек. И очень мы боялись всего. А молодежь: пик-фок на один бок и побегла домой. Проворовалась и сидит улыбается: пиши, что хочешь ей. Я и теперь не говорю, где работаю. Соседка у меня врачиха, по больнице целый день мечется, домой придет и не знает, чем семью кормить. А я уже старая, полвека работаю. Не могу я носить. Да и нечего.

— Быстро прошло время?

Она улыбнулась и жестоко сказала:

— Поймешь. Поймешь...

Остервенели и охрипли бывшие девочки-продавщицы, поумирали летчики-герои, дом стал вдовьим. Оторвались бронзовые ручки, охамела прислуга, истрепались и исчезли ковровые дорожки, которые, если по совести, и не новые были, а списанные с гостиниц, запретили выходить на балконы, и тянет из мусоропровода горьким дымом в конце года, когда в «Гастрономе» подступает время подбивать бабки и случаются немедленно пожары, поизмельчали аристократы, и сурово ходит товарищ Чикирев, бывший гендиректор, резанувший на XIX партконференции правду-матку о другом товарище — Ельцине. А теперь товарищ Чикирев может непосредственно из своего дома наблюдать, как в здании Верховного Совета РСФСР товарищ Ельцин работает на наше благо.

А мне пора подниматься повыше, пора пытаться подняться.

А все-таки повисла над крышами дождливая хмарь, и снова ветер, и без просвета, хоть восток может прятаться за домом и солнце сможет прорваться, проломиться, да хоть бы тенью оранжевой как подо льдом скользнуло бы за облаками, хоть бы отблеском легким...

В подъезде: у вас нет разменять пятьдесят рублей помельче, тут надо на такси... А кофе хотите? Вы нам нравитесь — и уже тащит в свой закуток боевая тройка: розовощекая уборщица Маргарита, почтальонка Олеся Васильна, сокрушительная, как ударная армия, и вахтерша Борисовна — ветеран, поседевший в подъезде. У них скромное веселье: подруга отчаливает в отпуск, а у меня есть еще полчаса. Я хочу дать солнцу собраться с силами.

Я солнце не обвиняю. Мы его не особенно заслужили. И ему непросто рваться сквозь серый заслон. Я хочу иметь шанс. Когда еще грозные арендаторы верхних этажей пустят меня на шатер.

— Да не прервал. Мы закончили. Тока гляди, все дипломатично — двести процентов, без фамилий. Ага? Я здесь что — так сложилась судьба, почту каждому в квартиру, у меня в голове компьютер — двести процентов! Можно, я сахар положу руками? У меня стерильно.

— Вот коробки от заказов выбрасывают и пять рублей пихнут на 8 Марта, так лучше не пихай, а то коробок понаставят опять. Где на скрипке играют — почище стараешься.

— А каждую неделю — гражданская оборона. И ты знаешь: у ней очень застойные взгляды. Я просто не понимаю, за что она пропагандирует. Мы должны ехать в какую-то деревню. Но мы явно туда не успеваем. Борисовна, лифт стал, скажи: устал, отдыхает!

— Мама, я сейчас упаду! Вон тот кобель — художник-то. Ты живопись мою любишь, говорит. Всех баб позировать

зовет. А как девок-продавщиц обжимал!

— А тут дочка такая, в подвал от мамаши скрывалась, и негры туда же лезут. Что зачем? Зачем девочка с мальчиком? Ха-ха...

— Ха-ха-ха... А вот эта генеральская-то, сколько он ей оставил, иди лови такого. Так все пропила. До коронок. А сама медсестрой была — клизмы ставила.

— Все вижу. Жена от мужа гуляет, к себе кто кого повел. Интеллигентные люди, все делают интеллигентно, а все равно — мимо лифта не пройдут. ЧК не дремлет!

— Нюрка — кошка у нас тут, два раза в год приплод и котята лазиют — жильцы недовольны. Так Борисовна мечтает ей золотую спираль. Для Нюрки, говорит, ничего не пожалею! Чтоб только так себя не вела.

— Пора? Очень жалко. Вы там для Леськи жениха найдите. Нет, ну чтоб имели в виду. Обеспеченного такого...

— А можно и нет. Сами обеспечим. Двести процентов!

Лифт распахивает беззубую пасть, лифтер топит пальцем предельную кнопку — вверх.

— Стены под дуб,— показывает мне лифтер лифт.— Пишут тут эти, м-да, редакторы да корректоры. Ловил даже. Да что сделаешь, если папа увесистый?

Загорается лампочка, поочередно высвечивая этаж,— выше, вверх.

— Я для чего,— объясняет лифтер.— Чтоб жильцы не ходили пешком. И не опаздывали на работу. Престижная работа. Была. Даже в поликлинике говорили: ого, с высотного? Директор идет, остановится. Я встану, он спросит: как служба? И сад у нас был получше. Только яблок я никогда не видел. Не выдерживает народ. Жрут зелеными. Ну вот. Приехали.

Мне надо подождать инженера, который меня поведет.

Когда-нибудь люди напишут историю домов, историю следов, как шла эпоха. Как она металась, с молодой силой круша дворцы, а потом неожиданно надулась спесью — Домом на набережной, напряглась последний раз полететь семью высотками, а потом съела ее чахотка, лишающая человека дома и дающая жилплощадь, подкармливающая квартирами пишущих, командующих, играющих, поющих, руководящих, чтобы послужили побольше, а потом и нечем стало кормить, и эпоха уползла умирать в тишайшие склепы дачных поселков, в простенькие внешне дома, внутри которых цепные старушки, готовые грызть чужаку горло, и двухэтажные квартиры с двумя туалетами, и там эпоха помирала, хотя еще не совсем.

И подходит инженер, который начинал в сорок девятом сантехником, и родная деревня думала, что это вроде ветеринара и даже гордилась, а у него в кабинете стоит стол, за которым работал вроде Молотов, а у лифтеров стоит диван, на котором работал вроде Чичерин, в хронике видели: похож в общем; и мы идем пару пролетов наверх, этажи позади.

— Допекают жильцы,— жалуется инженер.— Все почки вымотали. Образовали, блин, комитет местного самоуправления. Я им чуть что, а они мне: почитайте пункт такой-то!

В комитете сошлись грудью партия внуков и партия дедов: ставить или не ставить в скверик дармовую швейцарскую детскую площадку? Деды победили: нет. Ах, не везде еще побеждает прогресс, не склоняют консерваторы знамен, да...

Еще выше — и кончилась роскошь: пошли пыль, битый белый кирпич, ноздреватые пятнистые стены, ломти штукатурки, угольные росписи: «Юля, 16 лет, хочет», «Я — хиппи» — с изящными иллюстрациями. Нам, детям пятиэтажек и внукам землянок, насколько свободней дышать на заплеванных лестницах, чем на бархатном стуле, окаймленном золотой пеной. Лестница уже узкая.

— Тут где-то лифт есть,— извиняется инженер, косясь на тайную железную дверь с глазком.— Для тех, кто работает здесь... А на выборах народ голосовал не за своего председателя, а за директора «Гастронома», к ней же все ныряют с записочками. А у нее везде со всеми все схвачено — у нее все в порядке. Мне жилец звонит и докладывает: наблюдаю из окна в бинокль, как в контейнере гниют груши.

Инженер звонит в дверь, мы ждем.

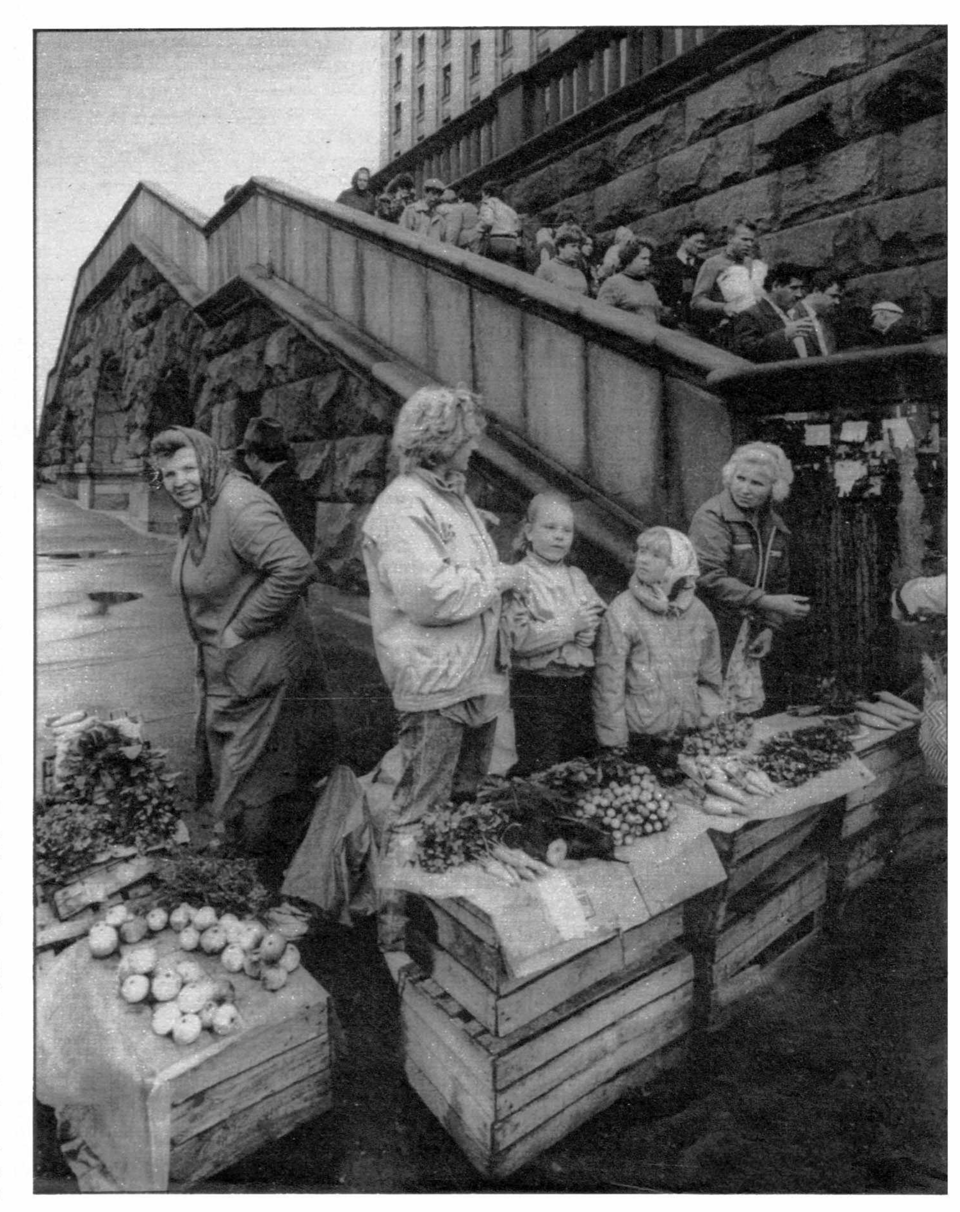
А директор «Гастронома» имеет на изложенное иную точку зрения:

— Я бы архитектора, который построил это, повесила бы на высоком дереве. Чтобы висел всю оставшуюся жизнь. Двери разбитые у нас — 35 лет в них кулаком били. Двери выменяваем на колбасу! Две комнатенки только с окнами, остальное — мрак. Чуть что сделать хочу — идите согласовывать в управление охраны памятников. Я колбасой торгую, какое мне управление? Пока я туда пойду, Ванька, с которым я за бутылку договорилась, уже убежит. Ищи другого Ваньку. А жильцы смотрят на нас через увеличительное стекло. Все ведь — бывшие в употреблении. Привыкли кнопки нажимать. Они не могут понять, что мы работаем с мафией! Машина пришла — дай денег. Мало дашь — товар такой привезут, что сразу выбросишь. Не скульптуры надо восстанавливать, а магазин! Мы через жильцов сидим в окопе, а нам надо встать на ноги и выйти из-под этого дома. Из четырех залов, набитых рухлядью, отдать один американцам, а они нам три отремонтируют. Убьют нас вообще жильцы скоро. Этот дом посыпать бы дустом и взорвать!

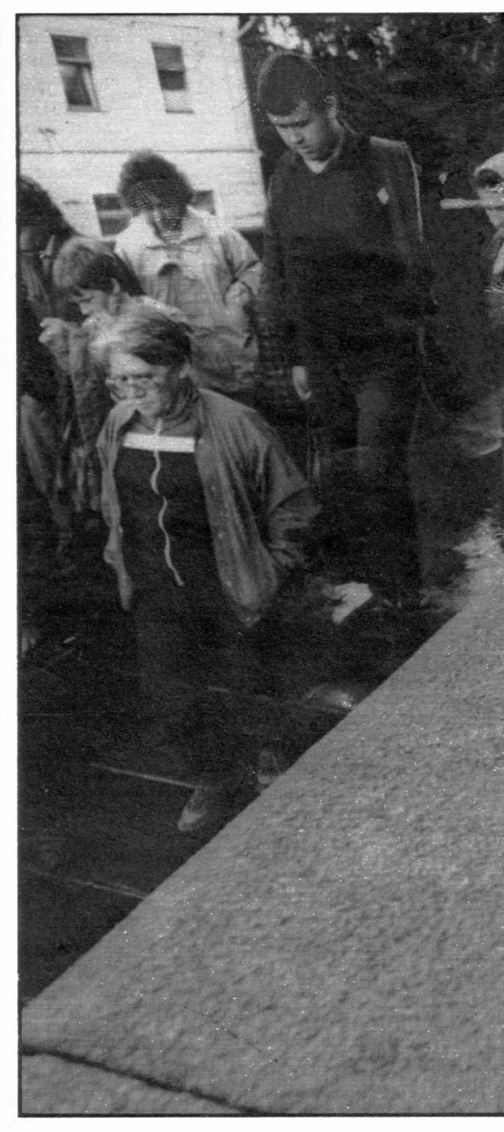
Дверь открывает вялый товарищ в спортивных штанах и пропускает нас выше, еще пара пролетов — и лестница уже железная и неожиданно клейкая, как в смоле, руки влипают в поручни.

— Это кооператив тут у нас,— пыхтит инженер.— Антикоррозийным раствором... Ох, и не закрою я им наряды.

Между пролетами — железные площадки, из-под ног пробиваются через дырки искры блеклого света, сужается

шатер над головой. Осыпается прах из-под ног, и воет ветер в незримых щелях, тоскливо и холодно, а вот сверху опускается свет, мы немного очищаемся, трем ладони и выходим на круглый балкончик, опоясывающий шатер, вниз метров сто тридцать. Я бреду вокруг, под ногами пляшут ломаные плиты, сырые от дождей, и пытаюсь хоть что-то высмотреть меж пошатывающихся колонн, опираясь на них.

— Не трогайте, не трогайте,— кричит мне инженер.— Раз стоит — пускай пока стоит.

А кругом только туман, и нет утра, готовится дождь, текут ленивые автомобили, да и больше ничего: и здесь, и здесь, и здесь...

— Да,— важно говорит инженер.— Как ужасна наша советская действительность. Ну что, пойдем?

— Можно подняться еще выше?

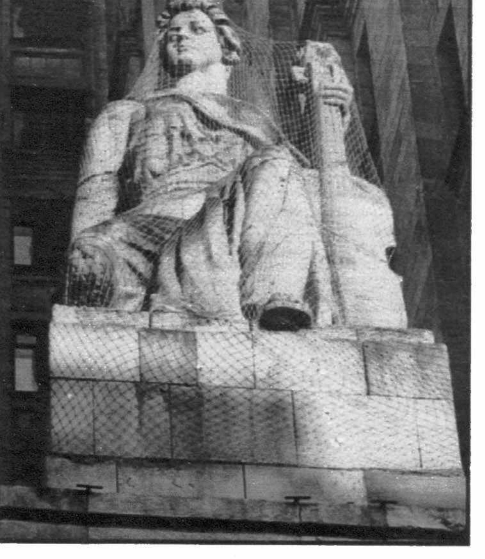
Инженер без радости смотрит на вертикальную узкую лесенку, ведущую в ночную тьму купола.

— Я один. Подождите, что вам мазаться.

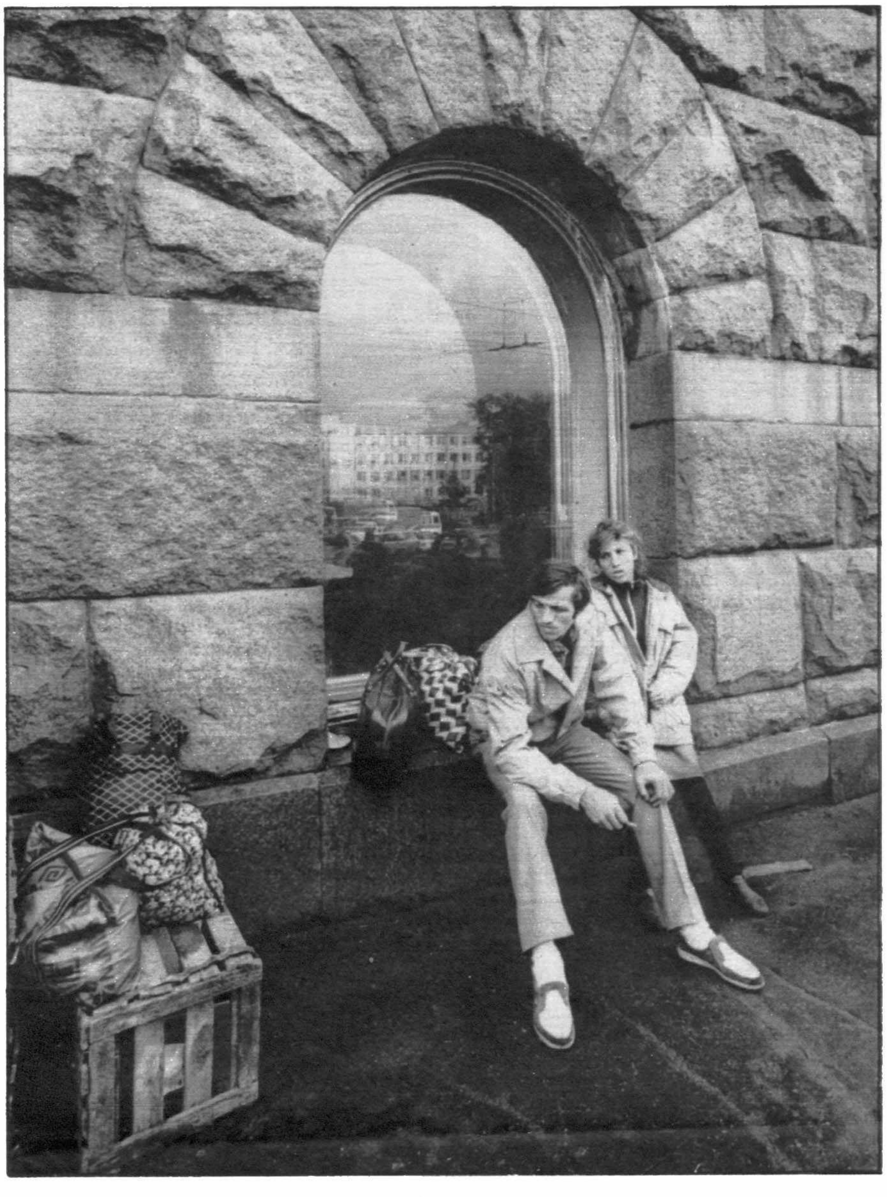
Он соглашается, но потом, мучимый совестью, с надеждой кричит вослед:

— Вы там взрывчатку-то не поставите?

Ладони осторожно перебирают круг-

лые перекладины, лесенка прерывается узким люком и площадкой и длится опять, наверное, больше ничего не будет и надо вернуться назад, теснеет шатер, и кажется, что скоро он начнет шататься от ветра, я сажусь отдохнуть на очередной площадке, где есть черные от грязи круглые окошки, за которыми синие мигалки для самолета топорщатся в разные стороны, ну что, наверное, и все?..

Мы родились с врожденным пороком «отдельно взятой страны», и единственное, чему мы научились и можем хорошо,— это отдельно брать. Отдельно брать себе. Хорошо строить для отдельных. Отдельно быть добрыми. Отдельно — честными. Смелыми в отдельных случаях. И поэтому кругом стены, и мы ненавидим друг друга. И чего уж нам обижаться на господ и дамприбалтов — это наша школа, пускай. Но я, дурак, лез на крышу, чтобы увидеть небо, землю и солнце над стенами и вернуть их нашей жизни, и у меня еще есть время, никто не может его отнять.

Еще одна площадка, а следующая вдруг стала последней, я сначала понял, что лестницы наверх больше нет, и только потом уже увидел круглую нору, ведущую на продуваемый простор, на круглую железную площадку, летящую над землей. Ну что ж: я согнулся и, перестав дышать, полез онемевшими ногами, и вокруг уже ветер, и вот теперь надо разогнуться, разгоняя сладковатую боль из коленей, и вот уже звезда — почти рядом, над головой; ну что же, нет солнца, ну что же, не было видно людей, и птицы не перечеркивали серые пятна парков и беспорядочную гурьбу домов, опустивших глаза, как присмиревшие дети; вздохнуло вверх небо, и весь наш дом тянулся ввысь, весь — от смрадного бомбоубежища до загадочных верхних этажей, где вдумчивые товарищи становятся вдумчивей еще; и томилось сердце, будто на пароходе, и отрывает он тебя навек от родной земли, и ты уже смирился с тем, что окошко и лесенка — это теперь твое, отрываешься, и такой вдруг прекрасной стала наша земля из чужого окна — величавой, родной, несчастной и милой до боли, даже той стороной, в которой дом, от которой не уплыть, но уже никогда не вернуться, и все было все же на свету, очищаясь, светлея.

И я полез вниз.

Внизу в «Гастроном» строгим углом изгибалась стометровая очередь за водкой, ее хвост молитвенными взорами провожал поочередно выбиравшихся из омута у входа счастливцев, которые прижимали к груди белоснежные копытца бутылок, помещали их ласково в теплые пазухи сумок, сразу обретали двух беззаботно смеющихся, как дети, друзей и, задумчиво сцепившись руками, мигая умиленно друг другу, отправлялись, согласно покачиваясь, по известному маршруту.

Из омута выбрался помятый товарищ, со скорбно пережатым ртом, узнававший о количестве товара, и твердым шагом отправился в конец очереди. От него все отворачивались как от прокаженного и продолжали бормотать свое:

— А цыган говорит: еще три года такой жизни — и мы вставим лошадям золотые зубы.

— А что может сделать Горбачев, когда картошка гниет?

— Но ведь у него есть заслуги в международном смысле...

Скорбный товарищ тщетно ловил обращенные на него взгляды и, отчаявшись, ляпнул себе под нос слова, громовым раскатом потрясшие каждую душу:

— Только чекушки остались. И кончаются.

И пошел дождь. Сначала просто синело и громыхало, потом замигала туманная кромка и небо разорвала огненная нить, и дождь рухнул как занавес, захлестал ледяной плеткой по лужам, заклокотал о гранит, затопорщился на ступенях битым стеклом, побежали из-под деревьев стойкие собачники, и застигнутые врасплох провинциалы из «Икарусов» потащили свои сумки под стены, и я вслед за ними, а потом набились в предбанник в подъезде огромного дома, жмясь друг к другу, здесь пахло колбасой, отряхивали зонты, как мокрые букеты, шептались, глядя через стеклянные двери то на улицу, где мигал мокрыми ресницами зеленый глаз светофора, то на величественный пустой холл с колоннами, ребристыми, как гладильные доски, на мозаику мрамора и витражей, светильники под свечи, мягкие лавочки. Люди вжимались друг в друга, но никто не решался переступить порог.

— Мамаша, у вас что-то течет,— нервно проговорила толстая женщина припертой к стене старушке. Старушка молчала.

Женщина полезла рукой вниз, потом руку лизнула:

— Сметана.

— А,— поняла старушка и гордо добавила: — Свежая.

Народ набивался еще, и дежурная в холле не выдержала, вскочила со своего места и принялась ходить взад-вперед, заложив руки за спину, как расхаживал, наверное, Наполеон на острове Эльба, готовясь усесться в восемь вечера на корабли со старой гвардией и корсиканским батальоном и отправиться отвоевывать милую Францию обратно.

Я решился и полез к двери.

Все как один оценили величие моего подвига и расступились, замолчав.

— Погонит,— предупредила старушка, у которой текла сметана.— Погонит тебя вахтерша!

Я пробрался к двери, провел ладонью по мокрой башке и потянул на себя высокую створку, она мерно распахнулась, открыв церковный простор, и я сделал шаг.

Дежурная подняла лицо и увидела меня.

Замира ИБРАГИМОВА,
собственный корреспондент «Огонька»

...И ВСПОМНИЛ БОГ О ЗЕЛЕНОМ ОЗЕРЕ

*...Тяжелая история.
И где они, легкие, в нашем-то Отечестве?
Точно и рождаемся мы для тяжелых историй,
перемалывающих нас как сырье в совокупный продукт —
издерганное, заблудившееся общество,
ошалевшее от ложных ориентиров и бездарных упований на мнимые ценности.*

ОРДЕН № 7

Шестого апреля прошлого года газета «Советская Россия» опубликовала сообщение ТАСС: «За мужество и самоотверженные действия, проявленные при задержании вооруженных преступников, Президиум Верховного Совета СССР наградил майора милиции Судзиловского Николая Порфирьевича орденом «За личное мужество».

И снабдила сообщение короткой расшифровкой: «В отдел внутренних дел Тунгокоченского райисполкома Читинской области поступил сигнал: в отдаленном таежном селе Зеленое Озеро ограблен магазин. На место происшествия выехала оперативная поисковая группа. Подозревались в краже Ю. Чумилин и О. Верхотуров. В селе выяснилось, что преступники похитили у местных жителей три мелкокалиберные винтовки. Майор Судзиловский отправился на опушку леса — на разведку. Поднявшись на сопку, он увидел двух парней. Крикнул, чтобы бросали оружие. В ответ грянули винтовочные выстрелы... Одна из пуль пробила куртку майора. Судзиловский вынужден был тоже открыть огонь и, прицельно ранив злоумышленников, обезвредил их».

Так черная нонпарель оповестила Россию о подвиге милиционера.

Областная газета «Забайкальский рабочий» откликнулась на Указ пространной петитной заметкой «Схватка у Зеленого Озера». Видимо, она доставила удовольствие любителям детектива. «Задержать, во что бы то ни стало задержать»,— только об этом думал майор на бегу... При очередном прыжке почувствовал тупой удар в грудь. «Пуля,— удивился он,— боли почему-то не чувствую». Но думать об этом не было времени. Впоследствии выяснится, что спас Николая Порфирьевича пистолет во внутреннем кармане кителя, принявший на себя свинец, посланный бандитом... Наконец, расстояние между ними сократилось. К этому времени преступники успели выпустить немало пуль в отважного милиционера. Он поднял автомат и прицелился...»

Районная газета «Советский Север» воспользовалась для такого случая заголовочным шрифтом: «Орден «За личное мужество» № 7 вручен начальнику Тунгокоченского РОВД Николаю Порфирьевичу Судзиловскому». Есть, кажется, чем гордиться: новый советский орден — и по счету только седьмой! — вручен земляку... Но от какого-либо комментария районка воздержалась.

Почему?

Далеко уводит это простенькое «почему».

Происшествие имело место 2 ноября 1988 года. Указ о награждении майора принят 5 апреля 1989 года. Награда, как говорится, нашла героя через пять месяцев. Нормально, скажет искушенный в «системе» читатель: пока бумаги из периферийных глубин поднимались на столичные этажи... Нормально, соглашусь и я, вспоминая, как целую неделю добиралась из Новосибирска до Зеленого Озера — исключительно машинами Аэрофлота, большими и маленькими, включая и вертолетик, посещающий Зеленое раз в семь дней, да и то в «навигационный» сезон.

Но при этом все-таки спрошу себя и других: почему газеты-то молчали пять месяцев? Областная? Районная? Обычное, что ли, дело, заурядное приключение для таежных этих мест — обнаружение, преследование, обезвреживание «бандитов»? Может, милиция тут каждый день проявляет чудеса героизма? Непохоже. Сама высокая награда говорит о чрезвычайности случая.

Да и пересуды о нем — уж сколько времени прошло! — никак не стихают, точно сильнее и впечатления не было за минувшие долгие месяцы. И точно орден № 7 не поставил точку в сюжете, обременявшем молву и недомолвками, и обмолвками.

Вот в этом-то неписаном «общественном мнении», в этой ненаказуемой зловредной молве и забуксовала оценочная реакция журналистов. Молва была более чем далека от восхищения поступком майора. Растерялись газетчики.

И немудрено растеряться. Милиция объявляет — «подвиг». Молва твердит — «преступление». Милиция убеждена — «бандиты», молва рыдает — «мальчишки». Милиция вразумляет — «мы вас защищали», молва скорбно вопрошает — «от кого? от собственных детей?». Милиция на пределе самообладания — «они бы убили нашего работника!», молва с горькой усмешкой — «да если бы они хотели убить... оба охотники...». И многозначительно замолкала у свежей могилы одного из «бандитов».

Дежурные отклики на Указ молву не укротили — наоборот, вызвали новую волну дурных настроений и слухов, что и заставило кавалера ордена № 7 Николая Порфирьевича Судзиловского удрученно признаться в разговоре со мной спустя почти полгода после награждения: «Я уж и ордену этому не рад».

Из материалов следствия явствует, что кобура служебного пистолета защитила Судзиловского от смертельной пули. Но как защититься от «злых языков», что — давно известно! — страшнее пистолета?!

А к «злым языкам» — страдающие материнские лица... В слезах непримиримого отчаяния...

«БРОСАЙ ОРУЖИЕ!»

Плакать сколько угодно, обретать утешение в безутешных рыданиях — горькое преимущество матерей. Государству не до слез — оно имеет на мальчиков свои жесткие права, игнорирующие индивидуальность как пренебрежимо малую величину.

Государство не жалует тех, кому не дано безмятежно мужать в поющем строю, кто не может постоять за себя в испытаниях изобретательной казармы.

Два солдата — Юрий Чумилин и Олег Верхотуров, призванные в армию в июне, бежали из нее в октябре. Из Усолья-Сибирского — в «забытое богом и людьми» селеньице Зеленое Озеро (всего-то пятьдесят жителей). Здесь жили когда-то родители Чумилина — пустовал и доразрушался брошенный дом его детства. Здесь и по сию пору живут родители Верхотурова — устроенное гнездо, налаженное хозяйство. Отец — управляющий Зеленоозерским отделением Тунгокоченского совхоза, мать заведовала магазинчиком.

Рассказ матери, Зинаиды Федосеевны Верхотуровой:

— До армии Олег с Юрой работали на конеферме. В шестидесяти километрах от Зеленого. Вместе и в армию ушли. Юра — в стройбат, Олег — в мехбат. Но оказались рядом. В середине октября приходит нам телеграмма, «Ваш сын дезертировал... Просим сообщить...» После телеграммы прилетели военные. Офицеры. Пришли к нам. Ваш сын, говорят, не один бежал — вдвоем с Чумилиным. Не появлялись? А ребята еще не появлялись. Вошел Олег в дом вечером 25 октября. Без оружия. Черная телогрейка. Брюки военные, сапоги армейские. Пришли они пешком из Кыкера, километров сто двадцать отсюда. Покормили их — говорим: давайте завтра телеграмму. Наш согласился, Чумилин — нет. А через два дня — рейсовый вертолет. Отец говорит — вместе бежали, вместе и возвращаться должны. Идите куда хотите. Ушли они. Утром Юра заходит — отбивайте, говорит, телеграмму. Полетим. Чумилин хромал, худой совсем... Его подожгли в армии. Рана выше колена. Страшная. Он бинтовал ногу — я видела. Олег сказал, что Юра весь вспыхнул, когда его подожгли, потому что промасленный какой-то был — на кухне, что ли, работал...

И вот рейсовый. Юра пришел к вертолету, а Олег — нет. Убежал. Вертолет ушел без них. У Олега четвертого девушка должна была прилететь. На праздники. Из Читы, из училища. Он ее ждал. Выяснить отношения. Из-за нее и не полетел...

Потом они залезли в магазин, украли ящик вина. Десять бутылок успели выпить — на пятерых, с парнями, а десять я у них отняла... Потом мы уговаривали их уехать с охотоведом на тракторе. Долго уговаривали — отказались они. В воскресенье пришли тут к одной... С водкой. Исть пошли, наверное. А мы посмотрели — в складе десять бутылок водки не хватает. И тогда я дала телеграмму в райцентр, что магазин обокрали. Милицию вызвала.

С Олежкой я не разговаривала совсем. Разозлилась на него. Так и не разговаривала до конца. Только бежала за ним, когда они от милиционера кинулись, бежала, кричала: «Олег, вернись...» Если бы Судзиловский не прилетел, ничего бы не было. Мы же не его — мы просто милицию вызвали. И милиция приехала на машине, и мы с ними договорились, чтобы они тихо встали за деревней. А тут вертолет с Судзиловским... бегу — уже все... Они не хотели убивать. Обое охотники. Захотели бы, так... Олег после школы с отцом охотился — пушнины на две [redacted] наохотил... А теперь хромает. Нога-то у него совсем плохо... Пуля както наискосок прошла...

Слово «дезертиры» если и упоминается матерью, то как чужое, казенное, враждебное и ей, и ее сыну. Нет этого слова и в других персональных свидетельствах стоустой «молвы». Не соединяется оценочная его суть с тем состоянием, в котором увидели беглецов сельские жители.

Анна Михайловна Эпова, пенсионерка:

— Назавтра утром Юра к нам зашел. Там, говорит, тетя Аня, как концлагерь... Сожгли ему стегно (ляжка понашему). Дайте мне, просит, тетя Аня, бинты чистые. И жир гусиный. Бинтов у меня не было, дала чистую тряпку и жир. Он такой был смирный, забитый какой-то... Сядет чай пить и, как старый старик, жевать почему-то не может. От стегна-то большая температура. Убеждала я его — не убегай! Не могла его убедить. Твердит только — концлагерь, и все. Придет ко мне — лежит, лежит. Глаза ласковые. Мне его жалко. Сколь я жила, не знала, что милиция может убить. Убивают же бандитов. А этот... такой забитый... Бежал от горя... Прибежал к могиле...

Валерий Андреевич Малков, тракторист, дядя Юрия:

— Они из армии бежали без оружия. Зазря из армии не побегут. Допекли... У нас по улице прямо ходили, ни от кого не прятались. Не надо было их убивать. Куда они денутся?!

Виктор Алексеевич Балакшин, охотовед:

— Парнишки эти... Такой вопрос сложный... 20 октября поехали мы на оленеводческую стоянку. Проезжали через Зеленое Озеро. Уже в конце октября. Заехал я к Верхотурову — чаю попить. Он говорит: ты слышал, что мой сын из армии убежал? Если до первого вернутся, их помилуют. И договорились мы, что я их заберу. А они не пришли. Я уехал... Не стоило Судзиловскому лететь... Какое это преступление? Пацаны убежали — и все...

Александр Евгеньевич Ворошилов, главврач Тунгокоченской больницы:

— По молве народной выходило так, что будто бы когда Судзиловский сказал им: «Сдавайтесь!», они пошли к нему с поднятыми руками. Не было необходимости стрелять... Зачем он погнался за ними? Один? За легкой добычей? Расстрелял — и все... И зачем было шуметь в печати? Орден давать? Если бы они такие отъявленные были, сели бы в самолет, угнали бы в заморье. А эти — деревенские ребята... Попали в капкан...

И так далее. С разной степенью эмо-

циональности, но с одинаковой обреченностью вывода: «Если бы майор не полетел...»

Но мог ли он не полететь в предлагаемых ему обстоятельствах, которыми «молва» снисходительно пренебрегает, но которые на языке служебной информации означали ЧП?

Из рассказа Николая Порфирьевича Судзиловского:

— На носу праздники. А тут дезертиры. Вездеход уже встал, вертолет только через неделю. А 1 ноября телеграмма — «обокрали магазин». Вечером говорю со своими сотрудниками: дальше терпеть нельзя, собирайтесь, как-нибудь доедете до Кыкера, а там либо самолет, либо трактором на Зеленое. Утром рано они поехали в сторону Кыкера, я пошел в райком, доложил о краже. Прихожу из райкома — дежурный капитан сообщает: из Нерчинска вылетел военный вертолет, дезертиров искать. Поехал я в порт — военных встречать. Положил в карман пистолет. На всякий случай. Вдруг придется садиться на Зеленом. От военных узнал, что ищут они других дезертиров, не наших. Но подумали, что, может, с нашими на Зеленом и те, кого они ищут. Военные в бронежилетах, с автоматами. Говорят: нужен работник милиции. Я решил слетать. Почему не слетать, если есть оказия? Говорю: наша машина должна быть где-то на дороге, надо подобрать. Смотрели-смотрели, наших не увидели. В 14.05 подлетели к Зеленому. Вертолет кружился, садился... Все его, конечно, видели. Сели на площадку, на краю села. Я еще пошутил по поводу бронежилетов — без войны пока обойдемся. Сам был в милицейской форме... А мы еще из вертолета заметили, как два парня крутились на мотоцикле. Вышел я из вертолета, метров тридцать прошел, и меня Света, с почты, подвезла на своем мотоцикле. Метров сто проехали, как мотоцикл увял...

Опускаю подробности каждого шага майора по бездорожью Зеленого Озера, где и пешком-то от дома к дому пробраться мудрено. Выбираю события, сцепление которых и привело к мрачному финалу.

— Они скрылись в переулке. Я метров восемьдесят сзади, так мне казалось. Какая-то суета впереди за забором. Какой-то мужчина, Соколов оказался, выскакивает из дома: ой, отобрали, отобрали! Что? Винтовку! А я и сообразить не могу, когда отобрали, — буквально на моих глазах. Рассказывает: Чумилин заскочил, попросил сигареты, хозяин пошел в дом за сигаретами, а винтовка — в подполье. Чумилин нож приставил — пришлось винтовку отдать. Побежали мы с Соколовым вместе до конца села — ох да ах... Я понял, что они в лес подались. Надо собирать «военный совет» — решать, что делать дальше. Говорю капитану: иди к вертолету, ситуация меняется, у них оружие, догоняйте их на вертолете. Военные собрались улетать, я попросил — оставьте мне автомат. Пожалуйста, говорят. Капитан ушел, я попросил у Соколова телогрейку, шапку, чтобы не мелькать в лесу кокардами, погонами. Он дал. Я дорогу осмотрел... Два следа мужских. Потихоньку за ними. Слышу, на сопке женский голос: «Олег, вернись!» Подумал: «Мать, кому еще?» Несколько раз кричала, потом не слышно стало. А тут мужчина бежит — винтовку украли, пока за хлебом ходил. Где винтовка была? Под кроватью. И патроны? И патроны. Тут я психанул — молодцы, говорю, ребята! Не так, конечно, сказал, покрепче... Пошел по лесу. Снял автомат с предохранителя. АК-74. Новый для меня. Не приходилось с таким встречаться... Думаю, как бы близко к ним не подойти, чтобы автомат не отняли. Поднялся на сопку, деревня вроде как подо мной. Решил спускаться. А слева от меня — метров 30—40 — могилы, кладбище. Пошел между могил, проверил. Стал спускаться к дому Соколова. Круто. Песок. Хвоя. Снежок чуть-чуть. Забросил автомат на плечи и, хватаясь за ветки, спускаюсь. Затормозился. Оглянулся влево — метрах в восьмидесяти от меня два человека. Крикнул: «Стой, бросай оружие! Буду стрелять!» Оба подняли винтовки — и оба выстрелили в меня. Оба! Мгновенно выстрелили, были готовы к бою...

Вот и «бой». В мирный ноябрьский день. В тихом таежном сельце. Счет выстрелам — не в соболя, не в сохатого, в человека.

— Я автомат снял, приготовился. Они еще раз выстрелили. Не залпом, один за одним. Я поднял автомат, опять крикнул: «Бросай оружие!» И первый раз выстрелил сам. Стал так заходить, чтобы их от дома отрезать, чтобы заложников не взяли. Выстрелил по пескам, чтобы воздействовать на них. Стал прижимать их к сопке. Раза два я выстрелил, раза по три — они. Вижу, что они с руки целятся. Слышу толчок — в это место (показывает под сердцем). А боли нет. Смотреть некогда. Выстрелил примерно раз девять-десять, они — раз по десять — двенадцать... Они залегли. Один по эту сторону дороги, я все тело его вижу, второй — за дорогой, в ямке, голова и плечи виднеются. Я очередь дал. Они опять выстрелили... Дал вторую очередь. Слышу — закричал. Это Верхотуров. Чумилин выстрелил после крика Верхотурова. Тогда я опять очередь. Чумилин закричал, заматерился. Понял я, что ему худо будет...

Юрий Чумилин скончался в тот же день во время операции в нерчинском госпитале. Олега Верхотурова военный трибунал приговорил к четырем годам лишения свободы в ИТК усиленного режима. Раненная в том «бою» нога заживает плохо. Сказал мне: «Я ее не чувствую».

Мы встречались с ним в учреждении «ЯГ 14-3» на окраине Читы. Говорить с корреспондентом Олег не хотел. Глаза в пол, а коли взглянет — неуютно. И в признаниях, редких, через долгие паузы, еле процеженных, нет и намека на «чистосердечное раскаяние»:

— Спокойный Юра был... Стрелять-то мы первые начали... Попадание в кобуру, может, случайное, может, прицельное... Сначала пугали друг друга... Дело жизни: успел, значит, выжил. Не успел, значит... Если бы я хотел майора убить, он бы живым не ушел... А потом уж кто кого — так выходило... Можно было сделать, чтобы Юра остался в живых... Когда выйду, что будет, не знаю... Второй срок... Мне все равно... Мне надо было дождаться четвертого... Потом я в часть собирался...

Вот, кажется, и все. Побежденным — могила и тюрьма. Победителю — орден и слава, которой «ославили его на всю округу». И жить победителю возле могилы побежденного тяжко. Перевели-таки майора Судзиловского из Тунгокочена куда-то в другое место.

Выразить бы всем соболезнование и облегчить тем растерянную душу.

Но не отделаться соболезнованием от бремени неразгаданного противоречия.

Заместитель начальника Читинского УВД Борис Аркадьевич Семенюк говорил мне:

— Судзиловский действовал правильно. Угроза с их стороны была реальная. Вместо того чтобы сдаться, примириться, пойти к секретарю райкома... У нас двести милиционеров гибнет в год по стране. И Судзиловский выполнил свой долг до конца. Мы должны думать об охране большого количества людей. Мы люди долга. Народ надо защищать.

Надо. Преступность растет. В том же Тунгокоченском районе выросла за год почти вдвое. «Кражи, убийства, преступления с оружием, которого незаконно хранится масса».

Так почему «народ» симпатизирует побежденным, не осуждая их ни за дезертирство, ни за пьянство, ни за похищение винтовок?

Какую такую свою высшую правду чует «народ», оплакивая мальчиков, поступки которых никак не могут претендовать ни на поощрение, ни на сентиментальное умиление?

И тут пора сообщить: убитый Юрий Чумилин — эвенк, заключенный Олег Верхотуров — эвенк наполовину, по матери.

Не захотели парни бросить оружие, за которое схватились, попав в капкан. «Народ» их понял...

Рисунок Вячеслава ЛОСЕВА.

«ТАЙГА, ДУШИ МОЕЙ БОГАТСТВО...»

Оплакивая несчастных своих сыновей, народ оплакивает себя.

И здесь, право, уже не имеют значения никакие доказательства правомерности действий майора милиции — в глазах плачущих он остается олицетворением системы.

Майору можно посочувствовать, а народ нужно попытаться понять.

Мария Федоровна Григорьева, учительница, районный центр Верх-Усугли:

— В 1939-м на севере Читинской области было 14 тысяч эвенков. Сейчас тысяча на три района — Тунгокоченский, Каларский, Тунгиро-Олекминский. И много тысяч оленей было. А оленей отнимали. Да еще в конце пятидесятых, перед укрупнением, в районе было семь тысяч оленей, сейчас — тысяча. Эвенки... вымерли от тоски... От того, что не давали им своим делом заниматься...

Анна Михайловна Таскерова, врач, Верх-Усугли:

— В госпромхозах штатные охотники — все русские, ни одного эвенка в штат не принимают. Проблема оружия. У эвенков нет железного ящика для хранения оружия, и им не дают разрешения на охоту. Как только сокращения, наших первых сокращают — и в госпромхозе, и в совхозе. И получается у нас, что эвенки — преступники. Эвенк рожден охотиться, пасти оленей, собирать дикоросы. А коренного жителя так ли, сяк ли, но все от охоты отрывают. Тот сидел, этот дебил. Ты этого дебила в лес отпусти — он тебе покажет, на что способен.

Галина Александровна Русяева, бывший участковый милиционер, Тунгокочен:

— Конфликтовала я с начальством из-за коренного населения. Жизнь эвенков — лес! Народ простодушный, доверчивый, обмануть легко. А обидчик сидит дирижером где-то в Москве ли, в Чите... Переносят райцентр из Тунгокочена в Верх-Усугли, здесь хозяйство ликвидируют, лис всех увезли, оленей передали в Кыкер, там эвенков нет, а наши эвенки остаются без работы. Первое золото откуда? От нас, из Забайкалья. Серебро — от нас. Коренному жителю это не нужно. Его «золото

и серебро» — лес!.. Их были когда-то великие тысячи! Остались десятки... Сначала — колонизировано, потом — национализировано, потом — коллективизировано, а потом — все ликвидировано! С индейцами хоть договора какие-то заключаются... А наших точно и нет совсем. И не будет скоро — опять геологи копаются...

Федор Петрович Жуманеев, потомственный охотник, Тунгокочен:

— Лет шестьдесят, наверное, охочусь. Нет, больше, наверное... С девяти лет пошел... Здесь и родился, в тайге, в Тунгокочене. Сдаю соболя, белку, рысь. Пенсия — пятьдесят рублей только. Охочусь. И бабушка моя тоже был охотник. И дочь Ольга — тоже охотник. Без ружья-то каково? Медведь придет — съест. А теперь все запрещают.

— Как вам можно запретить, коли вы всю жизнь охотник?

— Черт-те его знает. Все чего-то придумают.

— Много пушнины за жизнь сдали?

— Счета нету. Я всех больше сдал. За сезон один раз 110 соболей втроем взяли. Из эвенков я теперь самый старший. Раньше десять палаток вместе стояли, а теперь один да один. Боюсь. Медведь придет — задавит. (Смеется дед, как ребенок,— излучает лукавое простодушие.) Встретил медведя — тихо-тихо стой, только не беги. Медведь говорит: я одного человека боюсь, больше никого не боюсь. Вышел ко мне лет пять назад... прямо на палатку... Поговорили, разошлись тихо... Эвенков совсем мало осталось, эти умрут, дак и все... Кто с медведем поговорит?

Обаятельный дед Жуманеев не ропщет, ни на что не жалуется, редкое среди эвенков долгожительство научило, видно, деда добродушному смирению: все, что не тайга, живет по законам, ему непонятным. И они никак от него не зависят, а его бесхитростное бытие целиком зависит от них, и им надо улыбаться, потому что ничего другого не остается.

Дедушка Жуманеев читать не умеет — учился в школе два месяца. А пушнины сдал государству за жизнь... Кто говорит — на миллион, кто — на два миллиона. Сдавал, сдавал — ничего и не требуя для себя, кроме жизни в лесу, в котором прошла жизнь многих поколений его народа.

И дожил до того, что говорит с улыбкой (от нее щемит — такая беззащитность!):

— Участок мой отбирают.

Но тут строго утешила его Анна Михайловна Таскерова, как можно и где можно отстаивающая интересы своих соплеменников:

— Никто не заберет, охоться сколько надо!

Тема «участка» зазвучала, однако, не праздно.

Верь — не верь собственным ушам, но и в деловой беседе, и за домашним чаепитием слышишь утром и вечером: в Сибири стало... тесно. Площадь Тунгокоченского района — более 50 тысяч квадратных километров, население — 19 400 человек, а с охотничьими и сенокосными угодьями — напряженка. Одни, не владея служебной информацией, в сердцах сетуют на «чужих» — слетаются на пушнину отовсюду городские любители охоты, правдами-неправдами получающие права на лучшие участки. Другие характеризуют ситуацию более компетентно, но не более утешительно.

«Охоту надо в одни руки отдавать, а у нас пять ведомств хозяйничают».

«Уж как соболь ни осторожен, а и ему не затаиться — там старатели, там учения, тут ископаемые ищут».

И улыбчиво волнуется дедушка Жуманеев за свои шестьдесят километров в бассейне таежной речки: вечером вроде ему принадлежали, в чьи руки попадут утром?

Велик советский Север, а проблемы 26 малочисленных его народностей везде одинаковы. Выступая на первом учредительном съезде коренных народов Ханты-Мансийского округа, член Верховного Совета СССР Е. Д. Айпин сказал:

«Тяжек и труден путь через многие столетия. И в пути, называемом жизнью, мы потеряли не один род и не одно племя. Но все же мы выжили, хотя числом изрядно уменьшились.

Мы выжили, потому что наша судьба была в наших руках. Но сегодня, увы, наша судьба не принадлежит нам. Вернее, уже прошло несколько десятилетий, как ее отняли из наших рук... Мы не знаем, где нам завтра ловить рыбу, выслеживать зверя и птицу, пасти оленей. Не знаем, где нам завтра срубить избушку, поставить ловушку, похоронить последнего сказочника...»

О том же и Юрий Рытхэу не так давно говорил в «Правде»: «Коренные жители оказались «лишними» на своей земле».

Единственная из эвенкийских семей района — семья дедушки Жуманеева держит оленей. Последняя? А мальчиков у эвенков рождается больше, чем девочек. Чуть ли не в пять раз, по любительской статистике. И что они, потомки оленеводов и охотников, вершина многовековой генетической пирамиды, если не получили в наследство от предков природной тяги к исконным занятиям своего рода-племени?

Кто думал об этом, самоуверенно устраивая всеобщее счастье по неоспоримой единственной схеме?..

Ольга Федоровна Таскерова, учительница, Тунгокочен:

— Мой собственный сын ушел из седьмого класса. Какая-то ненависть к школе... Мальчики входят в подростковый возраст — не хотят учиться. Тянут еле-еле. Не могут себя пересилить. Мучаются. Редкие кое-как доползают до восьмого. До вузов доходят одни девочки. У нас мужчина-эвенк с высшим образованием... Нету! Один Гильтон Иванович, но это каких годов... Для мальчика лучшая доля — охота!

Его посадили за парту, заставляют зубрить правила грамматики русского языка, постигать невыносимую загадочность «А+В», а он... отсутствует... и убегает из интерната на ночь в лес: отдышаться, прийти в себя, почувствовать себя человеком...

Юрий Чумилин и Олег Верхотуров, как и многие другие, окончили по семь классов.

И кому они нужны, подростки-недоучки? В семье от них одно беспокойство, у государства для них нет рабочих мест, а до законного владения оружием еще дорасти надо. Неприкаянность, ненужность, незанятость... Пристроятся случайно — слава богу. Но пристраиваются единицы, а в целом слой бездельничает, безобразничает, мается собственной никчемностью. Окружающие уповают на армию.

А армия — не лес. И если от медведя не надо убегать, если с медведем можно договориться по-хорошему, коли тихо-тихо стоять, то со сверстниками с разных широт «необъятной нашей Родины» найти общий язык часто оказывается невозможным.

Любовь Путинцева, швея, сестра Юрия Чумилина, Тунгокочен:

— Первый раз Юра убежал из армии в сентябре. Мы с сестрой Галиной ездили в Усолье-Сибирское. Командир толком ничего не сказал про причину побега. А Юра писал до этого, что у него сильно болит голова. Лежал в медсанчасти. На ноге был ожог. После первого побега вернулся быстро, через четыре дня — его задержали в Петровске. Опять писал, что для кого армия — школа, а для него — мучение. Ему «вертолет» делали — это когда между пальцами ног зажигают бумагу... Когда дали телеграмму о втором побеге, никто из нас не поехал. Потом пришла телеграмма из Нерчинска, что Юра умер. Вывозить надо. Не ближний свет. Военкомат сказал: «Дезертиров не возим». Взяли машину грузовую в совхозе, поехали. Водитель, отец, я. Врач вышел к нам, молодой, который его оперировал. Сделали, говорит, что могли. Три пули — в ягодицу, в плечо, в грудь. Печенка пробита, еще внутренности, позвоночник перебит... А по характеру спокойный был, не пил...

Надежда Малкова, электромонтер, тетя Юрия Чумилина, Зеленое Озеро:

— Юра тихоня был. Но как его били, он рассказывал. И нога вся сгоревшая была. «Чурками» звали. Русских-то всего два-три человека, остальные — среднеазиатцы, они и гоняли...

Юрий Власов, конюх, Зеленое Озеро:

— Юра много об армии говорил. Плохо там. Ожог показывал. Он задремал, а во сне его и подожгли...

Довольно. И так, надеюсь, понятно, почему молва упорно отказывается от клейма «дезертиры». И почему так единодушно ощущение ловушки, в которую попали два деревенских парня.

И меня не покидает это же ощущение. Только ловушка была поставлена раньше, и не персонально для этих двоих. Унифицированное школьное образование и интернатское бытие. Подростковый бунт. Шатание-болтание до армии. На призывной комиссии диагноз «олигофрен». (Олигофрения, или малоумие, по справочнику, есть «врожденное или рано приобретенное, в первые три года жизни, слабоумие, выражается в недоразвитии всей психики, по преимуществу интеллекта...»)

Олег Владимирович Кондратьев, зам. райвоенкома, поселок Дарасун:

— Для нас все равны, мы национальных проблем не видим. Но диагноз «олигофрен» эвенкам, конечно, ставится чаще. Тут уровень развития. Человек первый раз выезжает из родных мест, врач задает ему элементарный вопрос, а он ответить не может. Недоучиваются. Но наша молодежь не так развращена, как городская. Наши если и бегут, то домой, к родственникам. А на диагнозе сказывается школьная подготовка. Нам, конечно, надо, чтобы хоть восемь классов было...

А их нет, восьми классов. И врач просит, например, назвать столицы союзных республик, а житель Зеленого Озера знает только бывшую «столицу» района — Тунгокочен, да нынешнюю — Верх-Усугли. Вот если бы спросили, как выследить рысь...

Диагноз же, поставленный незамедлительно и, по-видимому, без сомнений, будет иметь далеко идущие последствия. Павлу Малкову, например, дяде Юрия, высокому симпатичному молодому мужику, не дают разрешения на оружие именно по этой причине — из-за призывного диагноза «олигофрен». Живет в тайге, а на охоту права не имеет — перебивается разнорабочим в совхозе. Долго ли выдержит?

Читаю в уголовном деле Олега Верхотурова: «...обнаруживает олигофрению в легкой степени дебильности, в связи с чем не годен к военной службе в мирное время».

Тем не менее призвали. Зачем?..

Как все не ново и оттого еще более безнадежно!

В 1913 году на первом съезде врачей Приамурья выступал с докладом Владимир Клавдиевич Арсеньев и сказал, в частности:

«Сказать, что амурские инородцы не способны к развитию, было бы большой неправдой. Они потому только и не развиты, что заброшены, забыты. Скажу более — они экономически порабощены. А известно, что всякий духовно или экономически порабощенный народ не только не может прогрессировать, но, наоборот, в нем наблюдается регресс, который быстро заканчивается вымиранием».

Нынче у нас, кажется, нет недостатка ни в страстях «по народам Севера», ни даже в идеях и предложениях по решению кричащих проблем. Недавно проходивший съезд северян сконцентрировал настроения «северов» страны, сформулировал как будто бы основные положения руководства к действию. Система самоуправления, самоопределения в формах собственности, создание автономных образований, организация малокомплектных национальных школ и классов...

Но дефицит действия обесценивает любые замечательные идеи.

И тайга все более становится только «богатством души» коренного жителя. Это выражение взято мной из стихотворения жителя Зеленого Озера, охотника, художника, сочинителя Виктора Лакушина, воскликнувшего:

Тайга, души моей богатство,
Мне так недостает Тебя!

А тайга-то, вот она, за порогом дома. Но — чья? Кому сегодня «дирижер» в Чите ли, в Верх-Усуглях ли вырешит участок, вчера закрепленный за местным охотником?

Богатая душа — кто спорит! — недурно, но душа-то, отлученная от тайги, быстро скудеет, и ей самой от скудости своей тошно, и ищет она себе забвения в хмельном ли угаре, в смертоносном ли «баловстве» с оружием.

Одна из северных газет наших опубликовала интервью с доктором Лоуренсом Блиссом, профессором университета в Сиэтле (США). Среди прочего американский профессор сообщает:

«Раньше местное население категорически возражало против любого строительства, так как само оно не входило в промышленно развитое общество страны. Сейчас они изменили свое мнение, потому что стали получать дивиденды за разрешение прокладывать нефтепроводы на принадлежащей им земле. Этому способствуют политические решения последних лет о законодательном признании права коренных народов на землю. И в США, и в Канаде в последнее время признано, что эти народы владели своей землей тысячи лет, значит, они являются истинными владельцами».

Где же наши политические решения?

Беседую с директором Тунгокоченского совхоза Валентином Павловичем Ивановым и слышу, сначала маленькие колхозы соединили в один большой совхоз, и все отделения мучились, потому что неуправляемость достигла стадии хаоса. Потом один большой совхоз разделили на два средних, но и они своим землям не шибко большие хозяева, потому что есть Забайкальский военный округ...

И какая еще «реорганизация» впереди, никому не ведомо.

Право, страсть наша к бестолковым реорганизациям изрядно отдает «малоумием», в сетях которого и гибнут простодушные дети полуразрушенной природы.

Вот и стал в глазах местного населения майор Судзиловский с его орденом № 7 символом убийственной системы.

Про Зеленое Озеро привычно говорят: «Забытое Богом и людьми село». Бог вспомнил о Зеленом Озере — вспомнил не в лучшую минуту, допекли «мы» его, видно, своей неиссякаемой «олигофренией», и сделал Зеленое местом жестокого и бессмысленного жертвоприношения. Для того, чтобы и люди вспомнили, ужаснулись и нашли бы в себе силы поменять жизнь, губящую детей.

Иначе — кто следующий?

Мы зашли с Анной Михайловной Таскеровой в брошенный чумилинский дом. Дух тлена, скорбная явь неостановимого разрушения. Разорванные игральные карты, пустые бутылки — свежие следы пребывания блудного сына, уже тронутые пожелтелостью и пылью времени. Цепенящее впечатление. Собрались уходить — и вдруг на голой кровати под грязным тряпьем кто-то шевельнулся... Оказалось — мальчик. Лет пятнадцати. Костя, племянник убитого Юрия. Не нужный никому — ни сложной, с отчимом, семье, ни сложной, с десятками за что-то ответственных ячеек государственной системе. Пустой дом — единственное пристанище всеми отверженного отрока... Помоги ему, Господи!

Читинская область.

Эдвард РАДЗИНСКИЙ

РАССТРЕЛ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ

Из книги «ЦАРСКИЕ ДНЕВНИКИ: НИКОЛАЙ II — ЖИЗНЬ. СМЕРТЬ» *

«По-моему, это просто не честно,— так мило, по-женски пишет читательница К. Луговая,— эту книгу о Николае все равно не смогут достать нормальные люди, а вы решили прекратить печатать «Расстрел в Екатеринбурге»... А ведь вы писали, как вам помогли мы, читатели...»

На этот раз — пролог из книги, где я впервые публикую документ, отвечающий на главный вопрос (вопрос вопросов), который породил бесчисленную почту:

ГДЕ РЕШАЛСЯ ВОПРОС О РАССТРЕЛЕ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ?

ЗНАЛА ЛИ МОСКВА О ПРЕДСТОЯЩЕЙ КАЗНИ?

ТЕЛЕГРАММА

Я был совершенно уверен, что ее нет. Она не могла сохраниться. Ее должны были уничтожить, но...

Но есть странный закон: кровь вопиет. Вопиет кровь! И непонятно каким чудом она осталась.

И вот она лежала передо мною.

Душным июльским днем я сидел в архиве и смотрел на эту телеграмму, посланную 72 года назад таким же душным июльским днем.

И погибал миф.

72 года существовал этот миф: решение о расстреле царя и царской семьи было принято в Екатеринбурге местной властью. На свой страх и риск. Красный Урал расстрелял их в ту нечеловеческую ночь с 16 на 17 июля. И Москва узнала об этом лишь после. Постфактум, так сказать. Этот миф упорно повторяли сами участники расстрела.

И вот передо мной архивное дело...

За названием и датами — 18-й год, «Россия, кровью умытая», красный террор... «И в ту весну Христос не воскресал».

Я листаю телеграммы... Горькая, горькая наша революция.

«Петроград, Смольный (дальше соблюдаю орфографию подлинника). ...Из ваенного отделу Центробалта. Просим срочно ответить Гельсингфорс. Маринский дворец, камитету подлодки Ягуар подлежит ли лицо, совершившее политическое преступление до опубликования декрета о красном терроре смертной казни...»

Наивные, полуграмотные тексты революционных матросов и солдат. И торопливые убийства.

Среди этих телеграмм и была она. На бланке, оставшемся от царского телеграфа, с надписью еще царского времени — «Телеграф в Москве», и украшенная царским двуглавым орлом.

О, ирония истории: на бланке царского телеграфа была эта телеграмма — решение о казни царской семьи.

В самом верху этой телеграммы — на кусочке телеграфной ленты — адрес: «Москву Ленину».

Ниже — отметка карандашом: «Принято 16.7.1918 г. в 21 час 22 минуты». Из Петрограда Смольного (номер телеграммы) 14228.

Итак, принята 16 июля. Значит, 16 июля, в день расстрела Романовых, была прислана в Москву эта телеграмма.

А вот ее текст.

«Москву, Кремль Свердлову, копия Ленину из Екатеринбурга по прямому проводу передают следующее: сообщите Москву, что условленного с Филипповым суда по военным обстоятельствам не терпит отлагательства, ждать не можем. Если ваше мнение противоположно сейчас же вне всякой очереди сообщите. Голощекин, Сафаров. Снеситесь по этому поводу сами с Екатеринбургом».

И подпись — «Зиновьев».

Телеграмма эта шла длинным путем.

Ее отправили из Екатеринбурга на адрес «Свердлову, копия Ленину». Но отправили кружным путем — через Зиновьева — главу Петроградского Совета, обитавшего в Смольном, ближайшего тогда сподвижника Ленина. (Мы еще подробнее поговорим о причинах столь сложного пути этой телеграммы.)

И уже Зиновьев из Петрограда на адрес «Москва. Ленину» переправляет екатеринбургскую телеграмму.

Итак, повторим факт: 16 июля, в день расстрела Романовых, в 21 час. 22 мин. эта телеграмма была в Москве.

Лица, отправившие эту телеграмму из Екатеринбурга: Сафаров и Голощекин.

Георгий Сафаров — член президиума Уралсовета и товарищ Председателя, видный большевик и давний знакомый Ленина по эмиграции.

Исай Голощекин — один из главных руководителей Красного Урала, глава уральских большевиков, уральский военный комиссар.

Запомним: его партийная кличка была «Филипп». И именовался он Филипп Голощекин, или «Товарищ Филипп».

Легко понять условный язык этой телеграммы.

В начале июля 18-го «товарищ Филипп» (Голощекин) побывал в Москве, и сразу после этого по возвращении его в Екатеринбург и было принято Уралсоветом решение о казни Романовых.

Таким образом, «условленный с Филипповым суд» — это казнь Романовых, о которой условился с Москвой Филипп Голощекин во время пребывания в столице. (Причем словом «суд» расстрел Романовых зашифрован не без лукавства. Ибо в свое время над бывшим царем предполагался открытый суд.)

«Военные обстоятельства» — это безнадежное положение Екатеринбурга: со дня на день должен был пасть город под ударами чехословацкого корпуса и белой сибирской армии.

Итак, вот оно, содержание телеграммы: через Зиновьева екатеринбургский Уралсовет сообщает в Москву Свердлову и Ленину, что условленная во время пребывания Голощекина в Москве казнь царской семьи не терпит более отлагательств. Но если у Москвы есть возражения, они просят немедленно им сообщить.

Вот эту телеграмму и переслал Зиновьев в Москву.

Мы можем догадаться и об ответе, ибо после полуночи с 16 на 17 июля в дом, где содержались арестованные — царь, его семья и слуги,— въехал грузовик — за их трупами. И началась та ночь. Апокалипсис XX века.

Впрочем, благодаря тебе, читатель, «догадываться» не придется.

11 августа 1957 года в «Строительной газете» был напечатан очерк под названием «По ленинскому совету». Вряд ли много читателей было у статьи с подобным названием. И зря — очерк был самый что ни на есть прелюбопытнейший.

Героем его был некто Алексей Федорович Акимов — доцент Московского архитектурного института. У Алексея Федоровича было заслуженное революционное прошлое, о котором и писал автор очерка. С апреля 1918 года по июль 1919-го Алексей Акимов служил в охране Кремля — вначале он охранял Я. М. Свердлова, а затем В. И. Ленина.

И вот газета рассказывает случай, происшедший с Акимовым летом 1918 года...

«Чаще всего он стоял на посту у приемной В. И. Ленина или на лестнице, которая вела в его кабинет. Но иногда ему приходилось выполнять и другие поручения. Мчаться, например, на радиостанцию или телеграф и передать особо важные ленинские телеграммы. В таких случаях он увозил обратно не только подлинник телеграммы, но и телеграфную ленту. И вот после передачи одной из таких телеграмм Ленина телеграфист сказал Акимову, что ленту он не отдаст, а будет хранить ее у себя. «Пришлось вынуть пистолет и настоять на своем»,— вспоминает Акимов. Но когда через полчаса вернулся в Кремль с подлинником телеграммы и телеграфной ленты, секретарь Ленина многозначительно сказал — пройдите к Владимиру Ильичу, он хочет вас видеть.

Акимов вошел в кабинет бодрым военным шагом, но Владимир Ильич строго остановил: «Что ж вы там натворили, товарищ? Почему угрожали телеграфисту? ...Отправляйтесь на телеграф и публично извинитесь перед телеграфистом».

В этом очерке, в который раз свидетельствовавшем о чуткости вождя нашей революции, была одна очень странная деталь: там ни слова не говорилось — о чем была эта «особо важная телеграмма», которую, угрожая револьвером, отнимал у бедного телеграфиста Алексей Акимов.

Из письма Н. П. Лапика, директора музея завода «Прогресс», город Куйбышев:

«Есть у нас в музее машинописная запись беседы А. Ф. Акимова с А. Г. Смышляевым, ветераном нашего завода, занимавшимся поисками материалов по его истории.

В протокольной записи этой беседы, состоявшейся 19 ноября 1968 года, со слов А. Ф. Акимова записано следующее: «Когда тульский (ошибка в записи — уральский) губком решил расстрелять семью Николая II — СНК и ВЦИК написал телеграмму с утверждением этого решения. Я. М. Свердлов послал меня отнести эту телеграмму на телеграф, который помещался тогда на Мясницкой улице. И сказал — поосторожней отправляй. Это значило, что обратно надо было принести не только копию телеграммы, но и ленту.

Когда телеграфист передал телеграмму, я потребовал от него копию и ленту. Ленту он мне не отдавал. Тогда я вынул револьвер и стал угрожать телеграфисту. Получив от него ленту, я ушел. Пока шел до Кремля, Ленин уже узнал о моем поступке. Когда пришел, секретарь Ленина мне говорит — тебя вызывает Ильич, иди, он тебе сейчас намоет холку...»

Итак, в Екатеринбург от СНК и ВЦИК (то есть Ленина и Свердлова) пошла эта телеграмма «с утверждением этого решения» — о казни царской семьи.

На следующий день в Москву последовала шифрованная телеграмма об исполнении:

«Москва. Секретарю Совнаркома Горбунову обратной проверкой. Передайте Свердлову, что все семейство постигла та же участь, что и главу. Официально семья погибнет при евакуации».

(Текст вот этой шифрованной телеграммы захватили белогвардейцы, вступившие в Екатеринбург. Его расшифровал и опубликовал Н. А. Соколов, занимавшийся расследованием гибели царской семьи. Его документы и были выставлены недавно на знаменитом аукционе «Сотбис».)

Итак, расстрел царской семьи был условлен с Москвой. И Москвой утвержден.

То, о чем писал в своем «Дневнике» Лев Троцкий, подтвердилось. Все стало на свои места.

«Я С ЧЕСТЬЮ ВЫПОЛНИЛ ПЕРЕД НАРОДОМ И СТРАНОЙ СВОЙ ДОЛГ — ПРИНЯЛ УЧАСТИЕ В РАССТРЕЛЕ...»

«Как ваш роман с партархивом? (Из письма В. Федорова, город Минск.)

Только после объяснения в любви к нашим архивистам я смею отвечать на вопрос.

«Мой роман с партархивом...»?

Он затянулся, как перестройка. За это время успел умереть один из руководителей этого учреждения. Грешно сказать, но эта смерть оживила мои надежды. Я думал, придут новые люди. И действительно, звоню по телефону:

— Ваш вопрос разбирается. Скорее всего будет решен положительно. Позвоните через неделю.

Чувствую, чувствую — пришли новые люди!

Через неделю:

— Пока ничего нового сказать не можем. Разбираемся. Позвоните еще через недельку.

Еще «через недельку»:

— К сожалению, документы показать не можем, но они будут опубликованы.

— Где?!

— К сожалению, сказать пока не можем, но будут.

— Но это я вам рассказал об этих документах! Я! И просил их мне показать... Ведь я все равно знаю их

---

* **Материалы этого цикла публиковались в журнале № 21, 1989 год, № 2, 1990 год.**

содержание, мне нужно лишь сверить.

— Я понимаю ваше состояние. Я еще поговорю с руководством. Позвоните через неделю.

Через неделю:

— Публиковать скорее всего не будем, но, к сожалению, вам показать не можем. Пока этот материал закрыт, больше ничего сказать не могу.

Я понял: пришли новые люди.

Именно в это время у меня появился странный посетитель. Он пришел по собственной инициативе — побеседовать. Он сказал, что когда-то имел отношение к партархиву, и уверял меня, что никаких документов о расстреле царской семьи в партархиве не существует. Более того, он рассказал, что в 60-х годах из ЦК в партархив передали заявление сына Юровского. О чем точно оно было, он не помнит... что-то связанное с тем, что забыто имя его отца и т. д. ...И тогда было решено проверить наличие документов о казни Романовых. И вот специально проверяли, и он точно помнит — никаких документов о расстреле Романовых ни в партархиве в Москве, ни в партархивах на Урале не обнаружили.

Мне было очень забавно все это слушать. Потому что уже тогда многочисленные документы о расстреле Романовых, находившиеся в Москве и на Урале, у меня были. И не в одном экземпляре.

Три копии «Воспоминаний» Петра Ермакова, две копии «Воспоминаний» А. Стрекотина, копии документов других очевидцев и участников расстрела и копия воспоминаний А. Маркова, участвовавшего в расстреле брата царя Михаила Романова (частично опубликованных потом в местной печати), выдержки из дневника самого Михаила Романова и т. д.

И все эти документы прислали мне читатели!

Расстрел царской семьи и их родственников (19 Романовых было казнено революцией) породил группу небывалых документов.

Это — «Воспоминания», в которых добровольно, пунктуально люди рассказывают об убийствах, ими совершенных, и даже подчас лгут, стараясь приписать себе как можно большее участие в этих убийствах.

Все эти документы писались для истории и потомков — писались с гордостью, ибо авторы свято верили в благодарную память грядущих поколений. И даже сражались между собой за «честь расстрела». Честь убийства.

Одно из воспоминаний этой серии — Записку Я. М. Юровского о расстреле царской семьи — мы уже опубликовали (кстати, в середине 60-х годов сын Юровского А. Юровский, видимо, беспокоясь, что записка Я. Юровского могла быть изъята в период сталинских репрессий, переслал в Музей Революции и в Свердловский партархив копии воспоминаний своего отца. Так он тревожился, что имя покойного коменданта может исчезнуть из истории казни Романовых).

Убийцы, которые верили, что они герои.

Вот еще два документа из той же нечеловеческой серии.

В 1965 году в преклонных летах в Москве умер заслуженный человек, кавалер ордена Трудового Красного Знамени Андрей Васильевич Марков.

Во втором номере «Огонька» мы впервые опубликовали групповую фотографию «участников расстрела брата царя великого князя Михаила Романова», где решили они запечатлеться для потомков.

Если вы взглянете на эту фотографию, то крайний слева — тот, который присел,— это и есть молодой Андрей Марков в 1918 году.

Он был рабочий Мотовилихинского завода, член партии с 1906 года. После победы Октября он поменял свое гордое звание «рабочий» на должность управляющего кинотеатром. И вот уже в этой должности он и участвовал в бессудной казни (или, попросту говоря, убийстве) великого князя, которую впоследствии добросовестно описал.

О конце Михаила Романова, добровольно отказавшегося от российского трона (за что ему в те дни посылала восторженные приветствия вся радикальная Россия и в том числе некоторые видные большевики), существуют разные версии.

О причинах и этих версий, и гибели великого князя я подробно расскажу в книге.

А пока — воспоминания А. В. Маркова.

Их было пятеро, именовавших себя участниками казни. Главный организатор — Г. Мясников, председатель Мотовилихинского Совета, и с ним четверо сподвижников — начальник милиции В. Иванченко, А. Марков и еще двое: «по рекомендации Иванченко пригласили Жужгова Николая,— пишет Марков,— а по моей — Колпащикова Ивана Федоровича».

«...Около 7 часов вечера на двух крытых фаэтонах направились в Пермь. Лошадей поставили во дворе ГубЧК и посвятили в это дело председателя ГубЧК П. Малкова... Здесь окончательно выработали план похищения Михаила Романова. Подготовили мандат о якобы срочном выезде Михаила Романова из Перми... Малков остался в ЧК, Г. Мясников ушел пешком в Королевские номера, а мы четверо — Иванченко, Жужгов на первой лошади и я с Колпащиковым на второй. Около 11 часов вечера подъехали к парадному Королевских номеров. (Гостиница, где жил Михаил.) Жужгов и Колпащиков отправились в номера, мы же с Иванченко остались на улице в резерве».

Как расскажет потом камердинер великого князя, Михаил с пришедшими за ним идти отказывался — все требовал, чтобы вызвали по телефону председателя ЧК Малкова, ссылался «на декрет о свободном проживании»...

Бедный великий князь, он не знал, что уже наступила новая эра, когда слова получили обратный смысл. Например, «Декрет о свободном проживании», который ему вручили торжественно в Москве, как раз означал, что проживание у него будет самое несвободное, телеграмма из Москвы о том, что он пользуется всеми правами гражданина, как раз означала, что никакими правами он не пользуется. Так же как глава ЧК Малков, который должен был обеспечивать его «свободное проживание», как раз и должен был обеспечить его смерть.

Пока Михаил отстаивал свои права, ожидавшим на улице надоело. И они вошли в гостиницу.

«...Я, вооруженный наганом и бомбой, вошел в номер, перед этим оборвал провод телефона, что был в коридоре. Михаил Романов продолжал упорствовать, ссылаясь на болезнь, требовал доктора и Малкова. Тогда я потребовал взять его в чем он есть. На него накинули что попало и взяли. После этого он стал собираться, спросил, нужно ли брать с собой какие-либо вещи. Я сказал, что вещи возьмут другие. Тогда он попросил взять с собою хотя бы личного секретаря Брайана Джонсона. Так как это было в наших планах, мы ему разрешили. Михаил Романов накинул плащ.

Н. В. Жужгов взял его за шиворот и потребовал, чтобы он выходил на улицу, что он исполнил. Джонсон добровольно шел следом. Михаила Романова посадили в фаэтон. Н. В. Жужгов сел за кучера, а В. А. Иванченко — рядом с Михаилом Романовым».

Смело взяли за шиворот великого князя — пятеро вооруженных на двух безоружных... На смерть — да за шиворот! За шиворот!

На групповой фотографии: Жужгов сидит рядом с Марковым. В центре — сам Г. Мясников, далее — Иванченко и Колпащиков.

«Доехали до керосиновых складов, что в 5 верстах от Мотовилихи. Отъехали еще версту от складов и повернули направо в лес... По дороге никого не встретили была ночь. Отъехав сажень 100—120 — Жужгов кричит: «Вылезай!» Я быстро выскочил и потребовал, чтобы мой седок Джонсон тоже вышел. И только он стал выходить из фаэтона — я выстрелил ему в висок, он, качаясь, упал. И. Ф. Колпащиков тоже выстрелил в Джонсона, но у него застрял патрон в браунинге. Н. В. Жужгов в это время проделал то же самое, но только ранил Михаила Романова. Романов с растопыренными руками побежал по направлению ко мне, прося проститься с секретарем. В это время у Н. В. Жужгова застрял барабан нагана (у него пули были самодельные). Мне пришлось на довольно близком расстоянии (около сажени) сделать второй выстрел в голову Михаила Романова, отчего он свалился тотчас же.

Первая лошадь, испугавшись выстрелов, понеслась дальше в лес, но коляска за что-то зацепилась и перевернулась. В. А. Иванченко побежал догонять, а когда вернулся, все уже было кончено.

Начало светать. Это было 12 июня, но было почему-то очень холодно...»

Высокий, худой Михаил с его длинным, нежно-моложавым лицом, получив пулю, с растопыренными руками бежит, умоляя проститься, а ему в ответ — еще пулю!..

Господи, помоги забыть.

Удивительно распределены обязанности при этом убийстве. Руководитель — Г. Мясников, его нет вообще на месте убийства. Сразу после того, как вывели Михаила из гостиницы, он куда-то исчезает, В. Иванченко, милицейский начальник, лишь присутствует при расстреле — не стреляет. Стреляют рядовые.

В своей книге мы подробно объясним, почему так было. Почему Г. Мясников (знаменитый «Ганька», который во множестве книг именуется как «расстрелявший Михаила Романова», по показаниям Маркова, расстреливать не поехал).

Впрочем, к достоверности всех этих воспоминаний надо относиться очень осторожно, ибо писались они, повторяю, часто с удивительной задачей — приписать себе всю «честь расстрела».

Чтобы стало понятным, о чем мы говорим,— публикуем здесь воспоминания Петра Ермакова о расстреле царской семьи.

В 1947 году — к 30-летию Октября — Петр Захарович Ермаков пишет свою автобиографию и сдает в архив воспоминания о расстреле царской семьи.

В автобиографии он приводит и свой послужной список — после расстрела.

С 20-го года он работает в НКВД, в 1931 году назначен заместителем начальника Уральского управления мест заключения и заместителем директора объединения фабрично-трудовых колонн, а затем начальником административно-строевого сектора областного управления Министерства внутренних дел и т. д. ...Так между расстрелом царской семьи и «управлением местами заключения» и дослужил Ермаков до заслуженной пенсии... В своей автобиографии 1947 года Петр Захарович, член партии большевиков с января 1906 года, так описывает свой звездный час.

(Орфографию подлинника мы в основном сохраняем.)

«...На меня выпало большое счастье произвести последний пролетарский советский суд над человеческим тераном, коронованным самодержцем, который в свое царствование судил, вешал и расстрелял тысячи людей, за это он должен был нести ответственность перед народом. Я с честью выполнил перед народом и страной свой долг, принял участие в расстреле всей царствующей семьи...»

Из воспоминаний Ермакова П. З. о расстреле бывшего царя.

«...Итак, Екатеринбургский Исполнительный Комитет сделал постановление расстрелять Николая, но почему-то о семье, о их расстреле в постановлении не говорилось, когда позвали меня, то мне сказали: «На твою долю выпало счастье — расстрелять и схоронить так, чтобы никто и никогда их трупы не нашел, под личную ответственность сказали, что мы доверяем, как старому революционеру».

Поручение я принял и сказал, что будет выполнено точно, подготовил место, куда везти и как скрыть, учитывая все обстоятельства важности момента политического.

Когда я доложил Белобородову, что могу выполнить, то он сказал: «Сделай так, чтобы были все расстреляны, мы это решили». Дальше я в рассуждения не вступал. Стал выполнять так, как это нужно было.

Получил постановление 16 июля в 8 часов вечера, сам прибыл с двумя товарищами и др(угим) латышом, теперь фамилию не знаю, но который служил у меня в моем отряде в отделе карательном. Прибыл в 10 часов ровно в дом особого назначения, вскоре пришла моя машина малого типа грузовая. В 11 часов было предложено заключенным Романовым и их близким, с ними сидящим, спуститься в нижний этаж, на предложение сойти к низу были вопросы — для чего? Я сказал, что Вас повезут в центр, здесь вас держать больше нельзя, угрожает опасность. Как наши вещи,— спросили? Я сказал — ваши вещи соберем и выдадим на руки, они согласились, сошли к низу, где для них были поставлены стулья вдоль стены.

Хорошо сохранилось в моей памяти, с первого фланга сел Николай, Алексей, Александра, старшая дочь Татьяна, далее доктор Боткин сел, потом фрейлина и дальше остальные. Когда все успокоилось, тогда я вышел, сказал шоферу: «Действуй», он знал, что надо делать, машина загудела, появились выхлопки. Все это нужно было для того, чтобы заглушить выстрелы, чтобы не было звука слышно на воле. Все сидящие чего-то ждали. У всех было напряженное состояние, изредка перекидывались словами. Но Александра несколько слов сказала не по-русски. Когда все было в порядке, тогда комменданту дома Юровскому дал в кабинете постановление Областного Исполнительного комитета, то он усомнился — почему всех. Но я ему сказал: Надо всех и разговаривать нам с вами долго нечего, времени мало, пора приступить. Я спустился к низу совместно с комменданом, надо сказать, что уж заранее было распределено кому и как стрелять, я себе взял самого Николая, Александру, дочь, Алексея, потому что у меня был маузер, им можно было работать. Остальные (у остальных) были наганы. После спуска в нижний этаж мы немного обождали. Потом комендант предложил всем встать, все встали, но Алексей сидел на стуле. Тогда стал читать приговор — постановление, где говорилось: по постановлению Исполнительного комитета — расстрелять. Тогда у Николая вырвалась фраза: Так нас никуда не повезут? Ждать больше было нельзя, я дал выстрел в него в упор, он упал сразу, но и остальные также. В это время поднялся между ними плач, один другому бросались на шею. Затем дали несколько выстрелов и все упали. Когда я стал осматривать их состояние: которые были еще живы, я давал новый выстрел в них. Николай умер с одной пули, жене дано две, и другим также по несколько пуль. При проверке пульса, когда уже были мертвы, то я дал распоряжение всех вытаскивать через нижний ход в автомобиль и сложить. Так и сделали, всех покрыли брезентом. Когда эта операция была окончена около часу ночи с 16 на 17 июля 1918 года автомобиль с трупами направился в лес через Верх-Исетск по направлению

дороги в Коптяки, где мною было выбрано место для зарытия трупов. Но я заранее учел момент, что зарывать не следует, ибо я не один, а со мной еще есть. Я вообще мало кому мог доверять это дело, и тем паче, что я отвечал за все, что я заранее решил их жечь. Для этого приготовил серную кислоту и керосин, все было усмотрено. Но не давая никому намека сразу, я сказал: мы их спустим в шахту, и так решили. Когда я велел всех раздеть, чтобы одежду сжечь, и так было сделано. Когда стали снимать с них платья, то у самой и дочерей были найдены медальоны, в которых вставлена голова Распутина. Дальше под платьями на теле были особо приспособленные лифики двойные, подложена внутри материала вата и где были уложены драгоценные камни и прострочены. Это было у самой и четырех дочерей. Все это было штуками передано члену Уралсовета Юровскому. Что там было я вообще не поинтересовался на месте, ибо было некогда. Одежду тут же сжег. А трупы отнесли около 50 метров и спустили в шахту. Она не была глубокая, около 6 саженей, ибо все эти шахты я хорошо знаю. Для того, чтобы можно было вытащить для дальнейшей операции с ними. Все это я проделал, чтобы скрыть следы от своих лишних присутствующих товарищей. Когда все это было окончено, то уж был полный рассвет, около 4 часов утра... Это место находилось совсем в стороне дороги около 3 верст.

Когда все уехали, то я остался в лесу, об этом никто не знал. С 17 на 18 июля я снова прибыл в лес, привез веревку, меня спустили в шахту, я стал каждого по отдельности привязывать, по двое ребят вытаскивали (эти трупы). Когда всех вытащили, тогда я велел класть на двуколку, отвезли от шахты в сторону, разложили на три группы дрова, облили керосином, а самих (то есть трупы) серной кислотой. Трупы горели до пепла и пепел был зарыт. Все это происходило в 12 часов ночи 17 на 18 июля 1918 года. После всего 18 я доложил. На этом заканчиваю все. 29.10.47 года. Ермаков».

В этих воспоминаниях множество фактических ошибок, которые опровергаются показаниями других свидетелей: машина прибыла не в 10, а в полночь. Маузер был не только у Ермакова, но и у Юровского... и т. д.

Но все эти детали Ермакову неважны. Главный его пафос: доказать, что это он, Ермаков, все сам организовал и всех, всех убил.

И он щедро приписывает себе и то, что совершили другие расстрельщики...

Так они гордились этими убийствами.

Но одним этим всего не объяснишь.

Есть одно очень важное расхождение в его воспоминаниях и в Записке Юровского о казни Романовых.

Ермаков, как мы знаем по показаниям свидетелей, был одним из активнейших и самых жестоких во время казни.

После расстрела он вместе с Юровским вывозил тела казненных на грузовике, он указал местность, где находилась шахта, в которую сразу после убийства и были брошены тела.

И во время окончательного захоронения трупов он также присутствовал вместе с Юровским.

И вот Юровский в своей Записке показывает, что тела расстрелянных были захоронены. Он указывает и точное место — адрес этой страшной могилы,— где, как он утверждает, похоронены тела казненных (по вполне понятным причинам мы опустили этот адрес при нашей публикации Записки Юровского).

Ермаков же заявляет: никакой могилы не существует, был только пепел от сожженных трупов. И все.

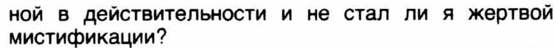
Это странное расхождение оказалось ключом к одной из важнейших загадок гибели царской семьи.

Но об этом я расскажу в книге.

«СЕМЕНОВ Ф. Г., 1904 ГОДА РОЖДЕНИЯ...»

Множество писем вызвала напечатанная нами история о странном человеке, находившемся в 1949 году в психиатрической больнице в Карелии, который доказывал, что он и есть спасшийся сын последнего царя.

Письмо врача этой больницы Д. Кауфман было столь загадочно и красочно, что некоторые читатели забеспокоились: существовал ли вообще такой боль-

ной в действительности и не стал ли я жертвой мистификации?

Вот письмо заместителя главного врача психиатрической больницы номер 1 Карельской АССР В. Э. Кивиниеми, который проверял историю болезни этого пациента, находившуюся в архиве больницы. Он пишет:

«...Итак, у меня в руках история болезни номер 64 на Семенова Ф. Г., 1904 года рождения, поступившего в психиатрическую больницу 14.01.49 г. Красным карандашом помечено «заключенный»... Выбыл из больницы 22.04.49 года в ИТК номер 1 (имеется расписка начальника конвоя Михеева).

В больницу Семенов поступил из лазарета ИТК. В направлении врача... описывается острое психотическое состояние больного и указано, что Семенов все время «ругал какого-то Белобородова» (фамилия председателя Уралсовета, руководившего расстрелом царской семьи). В психиатрическую больницу поступил в ослабленном физическом состоянии, но без острых признаков психоза... За время лечения окреп физически. С момента поступления был вежлив, общителен, держался с достоинством и скромно, аккуратен. Врачом в истории болезни отмечено, что он в беседе не скрывал своего происхождения. «Манеры, тон, убеждение говорят за то, что ему знакома была жизнь высшего света до 1917 года». Семенов Ф. Г. рассказывал, что он получил домашнее воспитание, что он сын бывшего царя, был спасен в период гибели семьи, доставлен в Ленинград, где жил какой-то период времени, служил в Красной Армии кавалеристом, учился в экономическом институте (по-видимому, в городе Баку), после окончания работал экономистом в Средней Азии, был женат, имя жены Ася, затем говорил, что Белобородов знал его тайну, занимался вымогательством... В феврале 1949 года был осмотрен врачом-психиатром из Ленинграда Генделевичем, которому Семенов заявил, что у него нет никакой корысти присваивать чужое имя, что он не ждет никаких привилегий, так как понимает, что вокруг его имени могут собраться различные антисоветские элементы, и чтобы не принести зла, он всегда готов уйти из жизни. В апреле 1949 года Семенову была проведена судебно-психиатрическая экспертиза, был признан душевнобольным, подлежащим помещению в психиатрическую больницу МВД. Последнее следует рассматривать как гуманный акт по отношению к Семенову для того времени, так как есть разница между лагерем и больницей. Сам Семенов положительно относится к этому...»

И в заключение. Есть целая группа писем, где авторы страстно негодуют, что тот или иной участник расстрела царской семьи захоронен на том или ином очень почетном кладбище и т. д.

Они жаждут возмездия. Они не ведают, что в этих письмах начинают нравственно примыкать к тем, кого так мечтают осудить... Уже разрывали могилы, уже выбрасывали осужденных покойников, уже призывали, осуществляли возмездие. И что вышло?

Сколько еще будем учиться великой Истине: «Мне отмщение...»

Я уже приводил несколько строк стихотворения, которое было вложено в книгу, найденную после расстрела царской семьи и принадлежавшую великой княгине Ольге. Я был не прав: это стихотворение следует привести целиком.

Молитва

Пошли нам, Господи, терпение
В годину бурных мрачных дней
Сносить народное гонение
И пытки наших палачей.
Дай крепость нам, о Боже правый,
Злодейство ближнего прощать
И Крест тяжелый и кровавый
С твоею кротостью встречать.
И в дни мятежного волненья,
Когда ограбят нас враги,
Терпеть позор и оскорбленье,
Христос Спаситель, помоги.
Владыка мира, Бог вселенной,
Благослови молитвой нас
И дай покой душе смиренной
В невыносимый страшный час.
И у преддверия могилы
Вдохни в уста Твоих рабов
Нечеловеческие силы —
Молиться кротко за врагов.

Много странного и загадочного в последних днях царской семьи.

Но главная загадка — тайна личности того, кто правил Россией целых 22 года и был расстрелян в полуподвале екатеринбургского дома. Эта загадка существует. И о ней я пытался писать в своей книге.

Гонорар за серию статей «Расстрел в Екатеринбурге» автор просит переводить на счет одного из детских домов г. Свердловска.

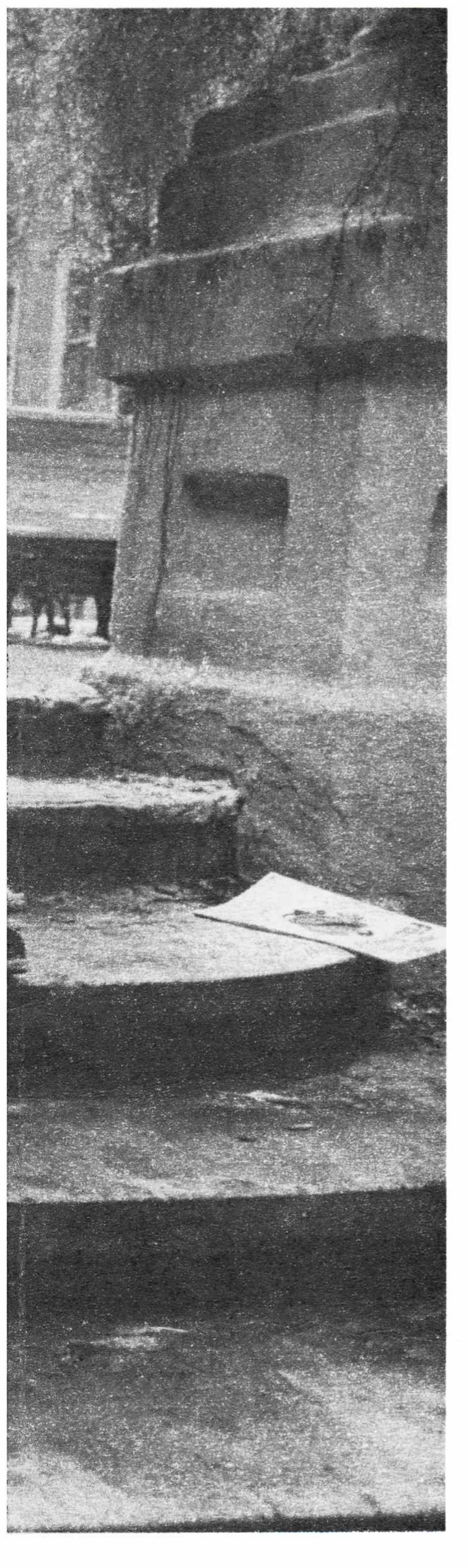
У МЕНЯ БЫЛ ДРУГ...

Джоанна СТИНГРЕЙ

Я проснулась сегодня утром и увидела Виктора Цоя, стоящего передо мной. У меня перехватило дух, и я спросила, что он здесь делает, а он ответил мне, что все это было шуткой и ничего не произошло. Вся в слезах, я села на край кровати, чтобы обнять его, но, открыв глаза, поняла, что это был сон. Виктор умер, он не вернется, и, оглядывая свою комнату, заполненную его картинами и фотографиями, я ощутила ужасную пустоту.

Для многих Виктор был «звездой», любимым артистом, а для меня он был близким другом.

Я познакомилась с ним в 1984 году. Он был тогда застенчивым, замкнутым, говорил медленно, низким голосом. Что-то в нем мне сразу понравилось. Может быть, то, что, в отличие от многих других, он не пытался со мной немедленно подружиться только потому, что я американка. Поначалу мы были приятелями, и только со временем он стал одним из моих самых вер-

ных друзей. Я помню, как в 1985 году сказала ему, что рано или поздно он обязательно приедет ко мне в гости в Лос-Анджелес и мы поедем в Диснейленд, а потом на берег океана. Но он мне ответил, что я не «врубаюсь» и что я очень наивная. Тогда Виктор зарабатывал на жизнь, работая кочегаром, с вечеринок уезжал до часа ночи, чтобы успеть на метро, денег на такси у него не было. Но вот пришла гласность, его стали показывать по телевизору, а в газетах стали писать о рок-певце Викторе Цое...

Однажды он рассказал мне, как к нему в кочегарку прибежал человек и начал орать: почему плохо топят?! Виктор повернулся к нему лицом, и этот человек вдруг перестал орать и спросил: «Ты Виктор Цой? Что ты здесь делаешь?» — «Это моя работа»,— отвечал Цой. И человек ушел, приговаривая: «Невероятно!» Я спрашивала Виктора, почему он не бросит свою кочегарку, он отвечал: «Нравится». Может быть, именно потому его песни значили так много для нас: песни человека из реального мира.

Время шло, и группа «Кино» становилась все популярнее. В 1988 году то, что Виктор считал несбыточным, случилось: он полетел в Америку.

В аэропорт встречать их с Юрой Каспаряном я отправилась в белом лимузине с баром и телевизором. Взятом, конечно, напрокат. Две недели мы скакали на лошадях, катались на снегомобилях, ездили на океан, в Лас-Вегас, и, наконец, в Диснейленд. Когда мы шли по этой сказочной стране, он все время повторял: «Я опять стал ребенком...» Впрочем, он всегда им оставался.

В 1989 году он приехал снова, со своей женой Наташей, и в первый же день они отправились в Диснейленд, а на следующий день мы все вместе с Рашидом Нугмановым поехали на фестиваль американского кино, на премьеру фильма «Игла». После показа Виктор с Юрием дали короткий концерт. Зал был заполнен до отказа голливудскими знаменитостями, и, хотя они не понимали ни слова, энергия Виктора, страсть его песен их захватила. К сожалению, это был его первый и последний концерт в Америке.

Мне кажется, бо́льшую часть жизни Виктор чувствовал себя одиноким, но тогда он сказал мне, что добился всего, чего хотел в жизни, что счастлив.

24 июня 1990 года состоялся последний концерт группы «Кино» на стадионе «Лужники» в Москве. Я тоже принимала в нем участие и после своего выступления сказала Виктору, что устала, поеду домой, но он просил меня остаться, уверяя, что сегодняшнее выступление «Кино» будет особенным. Я осталась и до сих пор ему очень благодарна, потому что это выступление было действительно особенным: 62 тысячи человек стоя пели вместе с ним.

После концерта мы простились, на следующий день я улетела в Штаты.

Он собирался провести лето под Ригой, сказал, что увидимся в сентябре. Следующей зимой мы хотели все вместе поехать в Диснейуорлд во Флориде.

Но встретиться нам уже не пришлось.

Я пытаюсь найти ответ на вопрос: почему именно его отняла у нас судьба? За что?..

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Ботаник, географ и лесовед, академик, Герой Социалистического Труда. 8. Город в Мордовской АССР. 9. Опера Р. Вагнера. 11. Скульптор, народный художник СССР. 12. Поэма М. Ю. Лермонтова. 15. Государство в Южной Европе. 16. Химический элемент, газ. 17. Армянский советский писатель. 18. Итальянский дирижаблестроитель, руководитель экспедиции к Северному полюсу. 19. Обширное степное пространство в Северной Америке. 22. Река в Венесуэле. 24. Рыба семейства карповых. 25. Ансамбль из трех музыкантов. 27. Художественный прием в литературе и искусстве, основанный на чрезмерном преувеличении. 29. Нарезное охотничье ружье. 30. Виртуозный сольный эпизод в инструментальном концерте. 31. Русский землепроходец XVII века. 32. Помещение для специальных занятий.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Физик, академик, трижды Герой Социалистического Труда. 2. Состав для натирания полов. 3. Создатель литературного произведения, научного труда, изобретения. 4. Башкирский и татарский поэт. 5. Чистка и полировка ногтей рук. 6. Комедия И. С. Тургенева. 9. Город в Красноярском крае. 10. Картина И. Н. Крамского. 13. Древесное растение, выращенное из сеянца или черенка. 14. Центральная часть колеса. 20. Русский живописец, передвижник. 21. Устройство для получения древесной массы. 23. Месяц календарного года. 26. Вещество, применяемое в лабораториях для химического анализа. 28. Сетчатая ткань для вышивки. 29. Старинный русский головной убор замужней женщины.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 37

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Гагарка. 9. Давлури. 10. «Шкода». 11. Ферсман. 12. Леонова. 13. Якорь. 14. Фарж. 18. Твен. 20. Танкодром. 21. Брумель. 22. «Простор». 24. Журналист. 25. Трак. 28. Гоби. 30. Ствол. 32. Заметка. 33. Онтарио. 34. Минус. 35. Кожедуб. 36. Исакова.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Газета. 2. Пассаж. 3. Башня. 4. Удаль. 5. Алунит. 6. «Правда». 8. Морозов. 15. Рубрика. 16. Лаперуз. 17. Гобоист. 19. Волокно. 23. Тайвань. 26. Роанок. 27. Клевер. 28. Гранка. 29. «Бритвы». 30. Самбо. 31. Лосик.

УНИКАЛЬНЫЙ, СПЕЦИАЛЬНО СПРОЕКТИРОВАННЫЙ ДЛЯ РОССИИ

«КОМПАН ЕР»

ПРЕДЕЛЬНО РУСИФИЦИРОВАННЫЙ ПЕРСОНАЛЬНЫЙ КОМПЬЮТЕР.

Производительность, полная совместимость
и большая емкость памяти.

Надежный «КОМПАН ЕР» продается как за рубли,
так и за валюту.

Фирма КОМПАН. СССР. 198092. Ленинград, ул. Маршала Говорова, 52.
Тел.: 252-17-73
Телекс: 121412
Телефакс: 2524184

Скорость «КОМПАН ЕР» не уступает серии 386 SX.
«КОМПАН ЕР» прошел тестирование в США
и признан полностью совместимым.

40 коп. Индекс 70663